

"Вадим Панов - Перстень Парацельса"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

Topreading.ru

Вадим Панов

Артур Василевский

ПЕРСТЕНЬ ПАРАЦЕЛЬСА

ПРОЛОГ

— Добрый день.

— Добрый день.

И...

И пауза. Неловкая и невнятная тишина, возникшая из-за ожидания гостя, что разговор на правах хозяйки начнет Лариса. Из-за напрасного ожидания — девушка не собиралась помогать посетителю, стояла в дверях, чуть улыбаясь, и молчала, ожидая продолжения. И он молчал, не совсем понимая, что делать дальше.

Смущаясь.

Гость ожидаемый, но не желанный. Раскрытый, как книга, давным-давно прочитанный, измеренный и взвешенный, но считающий себя необычайно хитроумным. Умолявший о встрече, но желающий обмануть. Впрочем... Все они хотят обмануть — все гости, которые приходят с подобной просьбой. Все считают себя умнее, чем есть.

Ну и ладно.

Опасности от очередного визитёра нет, а что он там о себе возомнил, так это его проблемы, решать которые Хранитель Чёрной Книги не обязана. Она прекрасно видела, что гордыня рано или поздно заведёт его в могилу, но умолчала об этом факте. Во-первых, потому что не обязана. Во-вторых, потому что бесполезно — гордыня поражает мозг, словно рак, и мешает думать.

— Рад познакомиться с вами лично, — кашлянув, промолвил гость, продолжая переминаясь в коридоре.

Погрузившись в неловкую паузу, девять из десяти посетителей прерывали тишину именно этой идиотской фразой. Отдавали, так сказать, дань вежливости.

— Прощу, — равнодушно произнесла Лариса и сделала шаг назад, пропуская посетителя в гостиничный номер.

— За мной не следят.

— Я знаю.

— Откуда?

— Я наблюдала за вашими передвижениями.

Гость вздрогнул.

— Элементарная безопасность, — пожала плечами девушка. — Было бы глупо с моей стороны доверяться первому встречному.

— Э-э... конечно.

Великие Дома с большим удовольствием пообщались бы с Хранителем Чёрной Книги, и поэтому Лариса не только не жила в Тайном Городе, но и прилагала массу усилий для уклонения от настырного магического поиска.

— Присаживайтесь.

— Спасибо.

Девушка сняла двухкомнатный номер: спальня, гостиная, большой балкон с видом на Старый город. В центре гостиной — круглый стол, за который она и позвала посетителя. Уселась первой, сложила, как примерная ученица, руки, улыбнулась и осведомилась:

— Чем могу быть полезной?

Как будто не знала, по какому вопросу явился визитёр. Тот, впрочем, принял правила игры: расположился напротив, ответил улыбкой на улыбку.

— Мечтаю наладить с вами взаимовыгодное сотрудничество.

Фраза прозвучала с безукоризненной вежливостью. Лариса кивнула, выказывая одобрение, и гость пространно продолжил...

Он прекрасно осведомлён, к кому пришёл, и выражает своё искреннее уважение и благодарность за то, что его согласились выслушать. Он понимает, что в настоящий момент фраза о «взаимовыгодном» сотрудничестве могла показаться слишком дерзкой, однако готов работать, готов много работать для того, чтобы расширить свои возможности. Готов рисковать. Готов потратить время на исследования. И, разумеется, готов приобрести один сложный и очень редкий артефакт, который, как, видимо, не без оснований уверяют «знающие люди», находится в распоряжении Хранителя.

— Я не торгую артефактами, — скупой обронила Лариса.

— Я понимаю.

— Я говорила об этом по телефону.

— Я помню. Но... — Гость вздохнул, очевидно показывая, как сильно его волнует данный вопрос. — Вы упомянули, что я смогу получить артефакт.

— Мы можем договориться, — кивнула Лариса. — Но его передача вам — не вопрос денег.

— А чего? — Гость был настолько взволнован, что едва не допустил серьёзную ошибку. — Речь идёт об услуге? Назовите её. Вы ведь знаете, что с помощью артефакта я смогу...

— Нет, речь идёт не об услуге. — Девушка пошевелила пальцами. — Всё несколько сложнее...

— Артефакт при вас? — Гость больше не мог сдерживаться. Лишних действий он себе не позволил, чтобы — не дай Спящий — не показаться агрессивным. Но голос его предательски сорвался. — При вас?

— Да.

— Да?! — Судя по всему, посетитель не ожидал, что драгоценность, о которой он грезил вот уже несколько лет, окажется в заурядном гостиничном номере. — Вы носите его с собой?

— Я знала, о чём пойдёт речь, — спокойно напомнила Лариса.

Ей стало чуточку скучно. И чуточку грустно от того, что, неплохо начав разговор, гость постепенно скатился к заурядному поведению, показав себя тем, с кем бы ей не хотелось сотрудничать... С другой стороны, оставался шанс, что всё дело в волнении и именно оно мешает посетителю вести себя в подобающем ключе.

— И вы... — У гостя задрожали пальцы. — Вы мне его покажете?

— Да хоть сейчас.

— И вы... — Он сглотнул. — Вы не боитесь?

— Вас?

— Я знаю, это прозвучало самонадеянно... — Посетитель немного смутился. — Но вы готовитесь показать мне уникальный артефакт, а в таких ситуациях даже мышь способна биться, как лев...

— Правда? — прищурилась девушка.

— Мне так кажется. — Он покраснел.

— Номер защищён от построения порталов, — улыбнулась Лариса. — А сражаться со мной вам не под силу. При всём уважении.

— Пожалуй.

— В таком случае никуда не уходите.

Девушка легко поднялась, прошла в спальню — напряженно прислушивающийся гость различил скрип открываемой дверцы шкафа — и вскоре вернулась, держа в руках деревянную, отделанную бронзой шкатулку.

Расположила её на столе.

Уселась.

Улыбнулась.

Но не произнесла ни слова.

— Это оно? — почти шёпотом спросил гость после недолгой паузы. — Всё в этой шкатулке?

— Полный комплект, — подтвердила девушка. — И записи, включающие очень подробные инструкции, и сам артефакт.

— Вы с ним разбирались?

— Проглядывала мельком.

— Почему?

— Перед вами очень сложный артефакт, — мягко произнесла Лариса, глядя посетителю в глаза. — Чтобы разобраться с ним, требуются годы, которых у меня, к сожалению, нет. Мне нужно забросить все свои дела, вернуться к учёбе, повысить уровень своих знаний в нескольких областях и лишь затем заняться артефактом. Причём без гарантии успеха.

— Что значит «без гарантии успеха»? — удивился гость.

— Что вы о нём знаете? — вопросом на вопрос ответила девушка.

— Достаточно.

— В таком случае вам должно быть известно, что Парацельс считал артефакт незаконченным.

— Поэтому вы его не продаёте?

— Поэтому я готова отдать его с одним условием.

— Каким?

— Артефакт... — Лариса положила ладонь на шкатулку. — В настоящее время артефакт представляет из себя заготовку чего-то более значимого, мощного, невероятно интересного, чего-то грандиозного, чего, увы, Парацельс попросту не успел сделать. Перед нами болванка. И я хочу, чтобы следующий владелец не использовал её, а совершенствовал. Я хочу, чтобы сбылась мечта Парацельса.

— Я всё сделаю, — уверенно, но по-прежнему шёпотом произнёс гость.

— Вы можете сделать, — поправила его девушка. — Вы достаточно умны, и при должной подготовке...

— Вы собирали обо мне информацию? — Создалось впечатление, что он вознамерился возмутиться.

— Неужели вы думаете, что я приглашаю к себе всех подряд? — улыбнулась Лариса. — Разумеется, я собирала о вас информацию и знаю, что ваш совместный потенциал позволит продолжить исследования Парацельса. Вы сможете довести артефакт до совершенства, и он будет носить ваши имена, и...

Она замолчала. Отвлеклась, настороженно прислушиваясь к донесениям охранных артефактов, окружавших гостиницу, и потому пропустила выпад. Собственно, так и было рассчитано.

— Здесь нелюди...

— На! — Он не атаковал — ему это было не нужно. Да и глупо, учитывая разницу в способностях: Хранитель могла стереть не слишком сильного колдуна в порошок. Нет, гость не атаковал, он всего лишь вскочил, перегнулся через стол, резко оттолкнул опешившую девушку, выхватил шкатулку и сделал то, чего Лариса точно не ожидала, — выпрыгнул с добычей в окно, разбив стекло направленным ударом невидимого «Кузнечного молота».

— Чёрт!

Она машинально бросилась следом: «Седьмой этаж, внизу асфальт, на что он рассчитывает?» И лишь у подоконника всё поняла. И обругала себя за глупость: да — седьмой этаж, но запрет на портал действует только внутри помещения, и падающий вор уже активизировал магический переход, уходя от праведного гнева обманутой владелицы артефакта.

— Проклятье!

Самое правильное — броситься следом, но дверь слетает с петель, и нужно отбивать атаку ворвавшихся рыцарей. Два узурпатора и два командора войны — четыре заклинания бьют по застывшей у окна девушке, но хрупкая красавица не так проста, как кажется. Она — Хранитель и успевает отразить арканы, стремящиеся выжать из неё магическую энергию, обездвигить, оглушить, пленить... Защищается, но преследовать вора Лариса не может — его переход захлопнулся. И она тоже бросается в окно и едва успевает уйти в наспех выстроенный «Тройной прыжок» — портал с тремя магическими тоннелями, специально созданный для избавления от назойливых преследователей.

Уходит и проклинает про себя хитроумного гостя...

ГЛАВА 1

Виктор проснулся мгновенно: раз! — и никакого сна. Ни малейшей тяжести или вязкости, которые, бывает, долго ещё тлеют после пробуждения; в голове кристальная ясность, настроение отличное, хоть на работу, хоть на тренировку, хоть в бой!

Виктор улыбнулся: ишь, разогнал! В бой ему, канцелярской крысе, когда в последний раз на страйкбол ходил? Не вспомнил. Давно.

Полежал ещё немного, привычно чувствуя тёплую тяжесть на правой руке, снова улыбнулся, прислушался и убедился, что дыхание подруги ровное и спокойное — спит.

Ну и ладно, время до будильника ещё есть.

Очень осторожно, по сантиметру, Виктор высвободил руку — девушка вздохнула, причмокнула губами, но не проснулась, — встал, поёжился, быстро натянул треники, накинул старую джинсовую рубашку, сунул ноги в тапочки и подождал, пока глаза привыкнут к темноте, заодно прислушиваясь к доносящимся с улицы звукам просыпающегося города: машины, шаги прохожих, снова машины... Всё как обычно.

Пошёл на кухню. Не зажигая огня, сел за стол, отодвинул штору и принялся смотреть в окно. А точнее, на одинокий фонарь у соседнего дома, уже погасший и потому преисполненный унынием, напоминающий неприкаянного великана, притулившегося на ветреном углу на распутье, словно перед знаменитым камнем с суровыми надписями: «Налево пойдёшь — коня потеряешь, направо — головы лишишься, а прямо — так и вовсе чёрт знает что выйдет».

Развилка судьбы.

Только не у придуманного великана, а у вполне реального Виктора Громова, до сих пор не разобравшегося в происходящем...

Из спальни послышался лёгкий, едва уловимый шорох, затем — шлёпанье босых ног по новёхонькому паркету комнаты и коридора, а ещё через секунду на пороге кухни возникла

Даша — сонная, взлохмаченная, в мятой ночнушке... и поэтому вдвойне прелестная и соблазнительная. Девушка пребывала в том возрасте, когда свежесть юности и роскошь женской зрелости встречаются, как две волны, как лето и весна, формируя чарующий цветок истинной красоты. Она сонно улыбнулась:

— Бодрствуем?

— И мыслим, — ответил он в том же духе и глянул вниз, туда, где заканчивалась коротенькая ночнушка: — Смотри не простынь.

— У меня иммунитет прочный. — Даша поборол зевоту, уселась напротив.

Но Виктор-то знал, что не в иммунитете дело, а в том, что у Даши были удивительно красивые, идеальной формы ножки и демонстрировать их давно вошло у девушки в привычку. Впрочем, усевшись, она сразу же просунула эту красоту под столом, пристроив ножки между колен друга.

Он улыбнулся:

— Плата за обогрев по прейскуранту?

Но девушка не поддержала шутку. Теперь, окончательно проснувшись, она оценила происходящее — выключенный свет, задумчивый взгляд — и сделала правильный вывод:

— Тяжёлые мысли?

— Я бы назвал их странными.

— Проблемы на работе?

— Как раз наоборот: карьера идёт в гору, ты же знаешь.

— Тебя сделают начальником департамента?

— Ага, — подтвердил Громов. — Извини, забыл вчера сказать.

А это означало удвоение дохода и блестящие перспективы на будущее.

— Что же тебя беспокоит?

— Не беспокоит... — протянул Громов.

— Верно. — Даша улыбнулась, но взгляд её оставался внимательным. — Не беспокоит — мучает.

Слово оказалось подобрано с лазерной точностью, и можно было бы восхититься прозорливостью девушки, но... Но кого женщине чувствовать до самых тончайших душевных струн, до самых потаённых изгибов, если не любимого мужчину? И все его попытки скрыть эти самые изгибы, движения, тёмные углы — дело пустое. Умная женщина видит всё. А Даша была умной.

— Что случилось?

— У меня произошла странная встреча, — медленно, поскольку теперь уже ему приходилось

подбирать слова, ответил Виктор. — Очень странная...

Виктор Громов и Дарья Касьянова познакомились случайно — с обывательской точки зрения, разумеется, с той самой, с которой едва ли не вся наша жизнь соткана из случайностей. А вот Виктор с Дашей спустя полтора года знакомства были убеждены, что их знакомство — знак судьбы.

Ведь она — судьба — всегда скрыта в тени событий.

Окончив институт, Виктор сразу же был принят на работу в один из крупнейших банков города — как говорится, повезло! Но обратной стороной везения стала чрезвычайно плотная конкурентная среда, в которой варились сотрудники, и отсутствие даже малейшего намёка на творчество в работе, на риск и поиск. Банк был похож на исполинскую, кем-то когда-то запущенную машину — эти загадочные невидимые «кто-то», обитатели заоблачных финансовых высот, время от времени что-то там совершали, и это отражалось переменами в работе рядовых сотрудников. Но перемены лишь вводили иные правила и алгоритмы действий, а исполнять их требовалось не менее жёстко, чем прежние: ни шага влево, ни шага вправо. Приходилось терпеть. Виктор терпел, но при этом мечтал — в душе холодный банкир оставался горячим романтиком, мечтающим прожить отведённое ему время не только в достатке, но и с интересом. Хотел он подвига, пусть и на финансовом поле, головокружительного успеха и подъёма на вершину. Не медленного и плавного, а стремительного взлёта.

Возможно, именно живущий внутри Виктора романтик и привлёк внимание Даши, красивой, строгой и вовсе не млеющей при виде перспективных финансистов Даши. Оба из Уфы, они познакомились в Казани, причём Громов поначалу принял красавицу за спутницу одного из «больших финансовых гуру», что слетелись на ту конференцию, а вот Даша...

— Я сразу тебя выбрала, — рассказала она месяц спустя. — Больше никого не разглядела тогда. Вошла, увидела и поняла: этот мужчина будет моим.

Ну и, по правде говоря, мужчина был хорош: рослый сероглазый шатен с открытым, приветливым лицом, как говорится, настоящий полковник. И на обворожительную девушку он среагировал так, как должен был среагировать настоящий боец: сделал всё, чтобы она стала его. И вот им уже казалось, что они знают друг друга многие годы. Они съехались через неделю, провели вместе отпуск, который Громов назвал «предварительным медовым», и пока ещё не вслух, но каждый внутри себя прикидывал, как будут они выглядеть в свадебных нарядах. Где лучше устроить праздник, и куда поехать после...

Их влюблённость постепенно перерастала в любовь.

А ещё неожиданно обнаружилось, что и Виктор и Даша обладают душевной тонкостью, развитой интуицией, однако это вовсе не мешало здоровому прагматизму. Всё вроде бы вошло у них в колею: «дом — работа — дом — работа...» — и тем не менее молодые люди чувствовали, что за повседневной тканью бытия кроется нечто удивительное, чудо, готовое ворваться в их жизнь и всё изменить.

* * *

— Авдотий Платонович, значит? — переспросил Бранделиус, глядя собеседнику в глаза.

Он любил так смотреть — пристально, сбивая спесь и уверенность, однако сейчас надавить

одним лишь взглядом не получилось.

— Ага, — беззаботно подтвердил Авдотий. — Могу паспорт показать.

— Нет необходимости.

— Как скажете.

— Угу... — Бранделиус помолчал, но всё-таки не удержался, спросил: — И фамилия твоя — Меркель?

— Именно. — Чувствовалось, что Авдотий привык к расспросам и потому держался на изумление хладнокровно.

— Из немцев, что ли?

— Зачем из немцев? Белорус. — И сразу, не дожидаясь дополнительных вопросов, продолжил: — Семейство моё из-под Могилёва, там Меркелевичей все знают: и хозяйствовали на хуторах, и по торговой части, и по служивой проходили, в общем — жили. Но дедушка мой, умнейший человек, в одна тысяча тридцать третьем фамилию поменял, чтобы как раз за немцев нас не принимали. Как в воду глядел.

— Это точно, — пробормотал несколько сбитый с толку Бранделиус.

— А всё почему? — Авдотий поднял палец и хитро посмотрел на посетителя. Но ответить ему не дал: — Потому что дедушка умный был, хоть и не маг и в будущее смотреть не мог.

— Ты в него уродился?

— Я ещё и маг, — напомнил Меркель.

— А насчёт ума?

— Обидеть хотите?

— Ни в коем случае! — Бранделиус выставил перед собой ладони. — Просто пошутил. Если обидел — извини.

— Я и сам пошутить люблю, — пробурчал Авдотий. Помолчал и добавил: — А что насчёт ума, то не глупее деда.

— Я уже извинился, — напомнил гость, дав себе слово больше не задевать обидчивого собеседника.

Офис «Потомственного шамана Западно-Сибирского Орднунга, Постигающего Истину Верхнего Мира в двенадцатом колене» располагался на самой окраине Уфы, в потрёпанном, требующем хотя бы штукатурки, а на деле — капитального ремонта Доме культуры, оставшемся ещё с имперских времен. На первом этаже, справа от входа, три комнаты подряд с одной входной дверью. Дверь тяжёлая, металлическая, отделанная чёрным дерматином, порванным в двух местах и украшенным краткой надписью (или признанием?) «Козёл!». На всех окнах — решётки. Комнаты шамана оказались большими, светлыми, с высокими потолками, но обшарпанными, также требующими ремонта (лучше — капитального) и скудно обставленными. Старая деревянная вешалка, конторский письменный стол из обшитого пластиком ДСП, два книжных шкафа и стая разномастных сидячих мест: кресла, стулья и

диван.

— Я уже извинился, — напомнил гость, дав себе слово больше не задевать обидчивого собеседника.

Офис «Потомственного шамана Западно-Сибирского Орднунга, Постигающего Истину Верхнего Мира в двенадцатом колене» располагался на самой окраине Уфы, в потрёпанном, требующем хотя бы штукатурки, а на деле — капитального ремонта Доме культуры, оставшемся ещё с имперских времен. На первом этаже, справа от входа, три комнаты подряд с одной входной дверью. Дверь тяжёлая, металлическая, отделанная чёрным дерматином, порванным в двух местах и украшенным краткой надписью (или признанием?) «Козёл!». На всех окнах — решётки. Комнаты шамана оказались большими, светлыми, с высокими потолками, но обшарпанными, также требующими ремонта (лучше — капитального) и скудно обставленными. Старая деревянная вешалка, конторский письменный стол из обшитого пластиком ДСП, два книжных шкафа и стая разномастных сидячих мест: кресла, стулья и диван.

На первый взгляд — нищета и убожество. Однако Бранделиус знал, что маги Тайного Города часто прибегают для маскировки, а если какой-нибудь нужный, но привыкший к роскоши клиент вдруг почувствует отвращение к «дыре», его настроение можно без хлопот выправить при помощи магии.

Сам «отпрыск Постигающих Истину» оказался полным, курносый мужиком с большими голубыми глазами, толстыми пальцами и роскошной гривой светлых волос до плеч, перехваченных разноцветной верёвочкой. Одеждой он напоминал помесь ведьмака с хиппи: расшитая крупными цветами рубаха, кожаные штаны, плетёные мокасины и жилет с карманами. На запястьях — браслеты и фенечки, на пальцах — серебряные перстни, на шее — три или четыре амулета.

— Кстати, а почему шаман? — всё-таки не удержался Бранделиус.

— Я в школе народными танцами занимался: хороводы, ритмичные пляски и всё такое прочее. Вот и прикипел душой. — Белорус зевнул. — Хорошие были времена... Запалишь, бывало, благовоний...

— Из Уголовного кодекса, небось?

— И такие тоже, бывало, запаливал, — не стал спорить Меркель. — Но тут главное — не попадаться.

— Согласен.

— Опять же: мне весело, клиенту приятно... А учитывая, что в итоге он получает именно то, за чем пришёл, то лучше уж пусть его внимание будет рассеяно с помощью... Э-э... — Судя по всему, Меркель задумался, не слишком ли он разоткровенничался. — В общем, как-то так.

Бранделиус почувствовал, что собеседника охватили сомнения, и перевёл разговор на другую тему:

— Ты только шаманишь?

— Почему? — искренне удивился Авдотий. — У нас многопрофильная фирма. Я —

представитель тысячелетней мудрости Востока, таинств Сибири и Чукотки. А мой компаньон — гений европейского магнетизма, обладающий глубочайшими познаниями в египетской магии и запрещённых ритуалах иллюминатов. Этот итальянский алхимик...

— Это он сопит в соседней комнате? — довольно бесцеремонно перебил белоруса Бранделиус.

— Ага.

— Позови.

— Мустафа, можно тебя на минуточку?

Дверь приоткрылась, и к собеседникам вышел такой же невысокий, как Меркель, но не полный, а скорее плотный, спортивного вида парень, во внешности которого так сильно смешались Восток и Запад, что его можно было принять и за итальянца, и за башкира.

— Джафаров. — Мустафа крепко пожал Бранделиусу руку и тут же отступил, оказавшись за спиной шамана.

— Ты и правда разбираешься в алхимии?

— Да, — с серьёзным видом кивнул Джафаров. — А что?

— Мне потребуется помощь в изготовлении нескольких составов, — объяснил Бранделиус.

— Насколько сложных?

— Третий уровень. Возможно, четвёртый.

— Рецепт есть?

— Разумеется.

— Тогда без проблем.

— Правда?

— Я был первым учеником выпуска школы Золотого Озера, — с законной гордостью сообщил Мустафа. — Среди челов, конечно.

— В таком случае я спокоен.

— Именно.

Меркель и Джафаров были не единственными осевшими в Уфе магами Тайного Города, но самыми энергичными из них, развившими по-настоящему бурную деятельность. При этом помимо работы по профессии, то есть «оказания услуг челам в пределах разрешённого уровня магического воздействия», шаман и иллюминат занимались контрабандой магической энергии и незначительных артефактов, с которой и получали основной доход.

— Как бизнес?

— Лучше не спрашивайте, — вздохнул Авдотий, умело изобразив на лице последствия тяжёлого финансового кризиса.

— Слышал, вы неплохо навариваетесь на контрабанде?

— Хотите войти в долю?

— Хочу узнать, много ли здесь людей с магическими способностями.

То, что обычные люди считают волшебством, в действительности есть умение работать с магической энергией, а уровень этого умения определяется врождёнными способностями. Именно с теми, кто способен чувствовать непонятные, но волнующие потоки силы, и работали контрабандисты: являлись под видом ангелов или демонов и за огромные деньги перепродавали магическую энергию, которую те тратили, как правило, на удовлетворение своего эго, демонстрируя родственникам и знакомым слабенькие по меркам Тайного Города, но необъяснимые с точки зрения науки фокусы. Со всеми своими контрагентами контрабандисты проводили тщательный инструктаж, и если возникали проблемы, то попросту прекращали общение, оставляя несчастных мучиться в результате отключения от силы...

— Вам нужны маги?

— Нераскрывшиеся, — подтвердил Бранделиус.

— Зачем?

— Хочу поставить пару экспериментов.

— Почему здесь? — прищурился Меркель.

— Не люблю Москву.

— Москву или Тайный Город? — уточнил Мустафа.

— Врачи посоветовали мне климат Южного Урала, — произнёс Бранделиус таким тоном, что стало ясно: развивать тему своих отношений с Великими Домами он не собирается. — Но мне нужна энергия.

— Много?

— Прилично.

— Что-то ещё?

— Кое-какие алхимические снадобья.

— Мы можем оформить заказ в Торговой Гильдии на что угодно, — медленно произнёс Авдотий, глядя гостю в глаза. — Но чья фамилия будет в нём стоять?

— Твоя.

— В таком случае — двойная цена.

— Грабёж! — возмутился Бранделиус.

— Стандартная плата за риск, — пожал плечами белорус.

А стоящий за его спиной иллюминат тоненько рассмеялся.

— Хотя бы пятьдесят процентов!

— Это не хотя бы, а даром. — Меркель пожевал губами. — Семьдесят пять.

— Ладно, — после короткой паузы махнул рукой Бранделиус. — Запиши, что мне нужно...

А ещё через пятнадцать минут, когда оставивший заявку, но почему-то не очень довольный гость ушёл и колдуны убедились, что он действительно удалился, Мустафа громко произнёс:

— Он мне не понравился.

Авдотий покосился на компаньона, улыбнулся и кивнул:

— Мне тоже.

— И что будем делать?

— Он явно затевает что-то незаконное или слишком интересное, — медленно, продолжая раздумывать над происходящим, изрёк Меркель. — То есть в результате его эксперимента получится или то, что не понравится Великим Домам, или то, на что Великие Дома с удовольствием наложат лапу.

— Понимаю тебя, — прищурился иллюминат Джафаров. — Предлагаешь подождать?

— Но не сидеть сложа руки, — уточнил белорус. — Мы должны выяснить, что именно затеял Бранделиус, а уж потом доложить о нём Великим Домам.

Меркель был ярким приверженцем американского выражения: «Ничего личного — только бизнес», и Мустафа его полностью поддерживал.

* * *

— Что-то произошло? — мягко спросила Даша, и Виктор ощутил, как пальчики её согревшихся ножек легонько шевельнулись. — Милый мой, неужели ты думал, что я ничего не замечу? Неужели ты плохо меня знаешь?

Дарья Касьянова недаром после института пошла в науку: обладательница исследовательского склада ума, она могла не только увидеть проблему, оценить её, отыскать её истоки, но и вцепиться в неё мёртвой хваткой и не отстать, пока не будет получен результат, пока задача не окажется решённой. Сейчас такой проблемой для Даши стал любимый мужчина: девушка поняла, что Виктора что-то тревожит, сначала обиделась на его попытку это скрыть, но поступила мудро, решив действовать мягкостью, а не напором.

Виктор виновато усмехнулся.

— Ну... как бы это тебе сказать...

— Говори как есть.

— Вот в том-то и дело, что не знаю, как тут есть. — Он взлохматил волосы и, если бы курил, обязательно потянулся бы за сигаретой. Но табачный дым Громов не переносил с детства. — Мы с тобой всё толковали о чуде... пусть не прямо, так косвенно... ну, и вот...

То, что произошло вчера, в обычном человеческом понимании вполне тянуло на звание чуда.

Причём возникло оно не на пустом месте, а как раз там, где его искали. Пусть иронически, пусть легкомысленно, пусть почти не ждали и не особенно верили в него... но ходили-бродили близ его границ, зная, что ворота на замке.

А они взяли и распахнулись.

Ещё в романтической юности Виктор обнаружил в родном городе три точки, где его чутьё улавливало особенно близкое дыхание... чего-то необычного, невероятного, неизвестного, но не чужого, просто неизвестного... И самой яркой из трёх была наиболее северная, находящаяся в Черниковке — сравнительно молодом районе Уфы, примыкающем к нефтехимзаводам и оттого числящемся в непрестижных. Но, на взгляд Громова, западная часть Черниковки, распланированная и построенная после войны в стиле «сталинский ампир», была чудо как хороша: улицы, веером расходящиеся от центральной площади, сформировали там обширные дворы, вместившие в себя множество зелени и за прошедшие годы превратившиеся в самые настоящие парки, по которым любил бродить Виктор — без цели и не замечая времени, любуясь городом, который в его фантазиях превращался в целый мир. Однажды Громов набрёл на берёзовую рощу, поднявшуюся среди далеко отстоящих один от другого домов, и вот там его «накрыло».

Вот уж где аура так аура! Вот где дыхание чуда оказалось осязаемым до мурашек по спине. Вот где в привычный мир врывается необычная сила: загадочная, но при этом тёплая, манящая, обещающая невиданные возможности...

С тех пор Виктор частенько, минимум раз в месяц, приезжал в рощу, наслаждаясь прикосновением к одному ему ведомой силе. Долго стеснялся рассказать об этом Даше, но не утерпел — выложил, потом отвёз в Черниковку и едва не запрыгал от радости, услышав, что девушка почувствовала в роще то же, что и он...

Берёзовая роща ещё больше убедила молодых людей, что они созданы друг для друга.

Вчера же Громов случайно оказался неподалёку — ездил в эту часть города по работе — и заскочил в Черниковку один. Прошёлся среди берёз, постоял, наслаждаясь необыкновенным, невозможным для большого города запахом настоящего леса, прикоснулся к стволам...

И вдруг услышал за спиной осторожные шаги.

И отчего-то подумал, что слышит движение самой Судьбы...

Подумал внезапно, не имея на то ни малейших оснований, но то ли место навяло, то ли настроение было подходящим, но в голову пришла мысль: «Шаги Судьбы...» — и когда идущий остановился, Виктор вздрогнул, резко обернулся и увидел невысокого, заурядной внешности мужчину лет сорока, в короткой тёмной куртке, тёмных же брюках и ботинках.

— Здра-авствуйте, — вежливо приветствовал Громова незнакомец, слегка растягивая звук «а». — Я вас не напугал?

— С чего вы взяли? — Но ответил Виктор несколько отрывисто, даже чуточку грубовато. Он не испугался, конечно, просто слишком уж неожиданным оказалось появление незнакомца.

И ещё эта мысль насчёт Судьбы...

— Антон Арнольдович Бранделиус. — Невысокий чуть поклонился, помедлил, но всё-таки

протянул руку, которую Громов машинально пожал.

— Очень приятно. Виктор... Громов.

— Очень приятно.

Стандартная демонстрация вежливости прозвучала как-то натянуто, если не сказать лицемерно. Действительно, что может быть страннее двух взрослых мужчин, знакомящихся посреди берёзовой рощи? Да и что им вообще там понадобилось, двум взрослым?

— Что вы здесь делаете? — небрежно осведомился Бранделиус, словно прочитав мысли Виктора.

— Гуляю.

— Просто гуляете?

— Да.

— Врач прописал?

— А вам какое дело?

— Хочу узнать, почему вы стесняетесь ответить честно.

— Это как?

Антон Арнольдович улыбнулся и прикоснулся к ближайшей берёзе:

— Это так, что вы чувствуете здесь присутствие Неведомого, Виктор, потому и приезжаете в рощу чаще, чем на могилу матери.

— Вы за мной следили? — Громова покоробили слова насчёт могилы.

— Кто вы такой — следить за вами?

— В смысле?

— Я просто знаю таких, как вы, — объяснил Антон Арнольдович. — И не обижайтесь, пожалуйста, в конце концов, на правду не обижаются, не так ли?

Бранделиус вызывал двойственные чувства. С одной стороны — неприязнь, порождённую его «правдой» и отчётливым привкусом превосходства в голосе. С другой — интерес, поскольку этот невысокий москвич — Виктор наконец понял, откуда взялся непривычный выговор собеседника, — знал слишком много. И поразмыслив, Громов не стал грубить, а задал встречный вопрос:

— Вы тоже чувствуете?

— И не просто чувствую — я умею больше.

— Что именно?

— Умею управлять тем, что вы только чувствуете. — Антон Арнольдович положил ладонь на

берёзовый ствол и прикрыл глаза. — Рассеянной по планете магической энергии крайне мало для полноценной работы, использовать её могут лишь Белые Дамы, а чувствовать — самые сильные колдуны. Но в некоторых местах, как здесь например, её концентрация много выше обычного фона, и ваши обострённые способности позволяют уловить присутствие Неведомого.

— А вы умеете с ним работать?

— Да.

Следующий вопрос Виктор задал после почти минутной паузы:

— Вы волшебник?

Уж больно дикой показалась Громову тема.

— Вас это смущает? — небрежно осведомился Бранделиус, не открывая глаз.

— Смущает, что я это слышу от взрослого человека.

— То есть сам факт существования волшебников и волшебства вы считаете нормальным?

Ловушка оказалась настолько простой, что Виктор сам не понял, как в ней оказался. Смутился и потому прибег к лёгкой грубости:

— Вы решили стать моим психиатром?

— Просто удивлён тем, как легко вы приняли невероятное.

Лесть сделала своё дело: Громов взял себя в руки. Помолчал, глядя на всё ещё стоящего с закрытыми глазами собеседника без прежней неприязни, и признал:

— Я чувствую силу, о которой вы говорите. Магическая энергия, да?

— Именно.

— Я её чувствую. Она здесь есть. Я знаю это уже много лет, так что ваше невероятное я принял не только легко — я был к этому готов.

Сказал — и стало легче, потому что выговорился, во второй раз в жизни излил душу, и теперь — плевать: пусть смеётся, пусть издевается... Нет, не засмеялся.

Бранделиус открыл глаза и очень серьёзно посмотрел на Громова:

— Вы не один.

— Есть и другие?

— Не просто есть, а здесь, в Уфе. — Антон Арнольдович развернулся и теперь прислонился к берёзе не рукой, а спиной. Прислонился, словно не желая отходить далеко, словно питаюсь невидимой силой... — Видите ли, Виктор, я по профессии биолог, но так же, как вы, могу чувствовать силу, улавливать ещё не изученную наукой энергию, рассеянную вокруг нас. И я уверен, что она способна раскрыть возможности человека, превратить заурядного потребителя еды и модных гаджетов в настоящую, не знающую преград личность. Я ищу одарённых людей, способных, как говорится, прыгнуть выше головы, и именно для этого прихожу в подобные

места... — Он улыбнулся. — Я искал вас, Виктор...

— Для эксперимента?

— Для будущего...

— Поймай, — перебила Громова Даша. — Я правильно поняла: он считает, что если в нашей роще собрать людей, которые чувствуют то же, что и мы...

— Особо одарённых...

— То можно попытаться раскрыть заложенный в нас потенциал?

— Да, — подтвердил Виктор.

— Но зачем нужна толпа?

— Потому что поодиночке у нас не получается. Мы ходим в эти места... Мы с тобой — в рощу, кто-то другой — к какой-нибудь горе или к озеру, не важно. Важно то, что мы ходим в эти места, чувствуем силу, но не можем преодолеть барьер, который отделяет нас от неё. Бранделиус же уверен, что нужно просто объединить усилия и тогда вступит в действие закон больших магических чисел...

— Ты серьёзно?

— Это уже я придумал, — признался Громов. — Чтобы сбить градус пафоса.

Несколько секунд Даша смотрела ему в глаза, а затем расхохоталась:

— И устроить магический колхоз?

— Вроде того.

— Ты ему веришь? — Девушка вновь стала серьёзной.

— Ну... Мы с тобой не раз толковали на такие темы...

— То были простые разговоры.

— Согласен. Но ведь я сказал — во-первых. А он сделал и во-вторых.

— Удивил тебя?

— Ещё как. — Громов потёр шею.

— Каким образом?

— Когда Бранделиус понял, что я колеблюсь, он сказал: «Виктор, постарайтесь сохранить равновесие...»

— И исчез! — ляпнула Даша.

Громов взглянул в окно. Лицо отвердело, будто он задумался о чём-то далёком и печальном.

— Ты что? — Даша легонько подтолкнула его левой ножкой.

— Исчез, — подтвердил Виктор. — Только не он, а я.

Самые лучшие слова, что подошли бы к данной ситуации: «...сказку сделал былью».

...Дома, берёзы, облака — всё сдвинулось и потекло легко, словно обратилось в дым, в призрачную субстанцию, послушно исчезая перед взором Громова. Остались лишь земля и небо, остались, но изменились: земля оказалась жёлтой, южной, прокалённой солнцем, а небо — ровно блекло-голубым, безоблачным, наполненным белым сиянием жаркой звезды. И вокруг, насколько хватало взгляда, не было больше ничего: лишь земля и небо, до горизонта...

Он не успел испугаться: тупо озирался, медленно приходя в себя, присел, прикоснулся к чужой земле, испачкал руку в жёлтом и вдруг — снова мгновение прохождения через призрачное ничто — вернулся в раннюю уфимскую осень.

И лишь испачканная в пыли ладонь подтверждала, что невероятное путешествие имело место быть.

— Виктор!

Громов резко развернулся.

— Эффектно?

— Да уж... — Слова давались с трудом.

— Привыкайте.

— К таким путешествиям?

— К магии, — деловито уточнил Бранделиус. — К волшебству.

Виктор был оглушён, ошарашен, обескуражен... и ещё чёрт-те сколько всяких «о» — поэтому, когда новый знакомый с властной фамильярностью взял его под руку и повёл, он послушно повлёкся, не слишком соображая, куда его ведут и зачем. Лишь бился в голове вопрос: «Но как?!»

— Я ведь сказал, что умею управлять той энергией, которую вы только чувствуете.

— Вы прошли обряд?

— Нет. Я оказался силён и снёс барьер, который мешает вам. Я прошёл его, прикоснулся к Неведомому...

— И как?

— Это ощущение невозможно описать — его нужно почувствовать. Им нужно жить.

— Всемогущество?

— Нет, но очень близко. Я умею значительно больше, чем все остальные, но при этом, если бы меня попросили охарактеризовать то, что я переживаю, в первую очередь я бы произнёс слово

«одинокчество».

— И больше никого вокруг?

— Не могу найти.

— А все эти экстрасенсы?

— Ваше определение «все эти» и служит ответом на вопрос.

— Понимаю.

— Я одинок, Виктор, я обладаю силой, но мне не с кем её разделить. — Они остановились у машины Громова, готовились расстаться, и Бранделиус говорил очень искренне, дружески держа собеседника за плечи. — Я мечтаю оказаться среди сильных, раскрывшихся людей.

— И я...

— Вы можете стать одним из них...

— Вы договорились встретиться? — тихо спросила Даша.

— Да, но я ещё не знаю, пойду или нет. — Виктор вновь потёр шею, он всегда так делал в минуты задумчивости.

— Почему? Ты ведь сказал, что демонстрация удалась.

— А если удастся церемония, то мы обретём сверхспособности.

— Мы? — удивилась девушка.

— Ты ведь тоже чувствуешь, — улыбнулся ей Громов. — Я сказал, что мы придём вдвоём.

— А он?

— Обрадовался.

— Занятно... Без меня меня женили...

— Выдали замуж тогда уж.

— Пусть так...

Сначала Даша почувствовала недовольство: она не любила отдавать решение в чужие руки, но навалившееся ощущение, а скорее предчувствие удивительного приключения заставило девушку принять случившееся спокойно.

А следующей фразой Громов окончательно растопил её сердце.

— Я без тебя не пойду, — твёрдо произнёс он. — Если всё это правда, то я хочу, чтобы мы заполучили новую жизнь вместе.

— Это важно? — Она смотрела мужчине прямо в глаза.

— Очень.

Даша улыбнулась. Виктор чуть приподнял брови, словно спрашивая: «Ты уверена?» — увидел вспыхнувший весёлый огонёк, понял, каким будет ответ, резко поднялся и подхватил девушку на руки.

— Мы успеем? — промурлыкала она. — Нам ведь скоро на работу...

— Работа тебя волнует больше?

— Ни в коем случае!

— Значит, плевать на неё.

И он понёс любимую в спальню.

ГЛАВА 2

Он приближается...

Тот самый день, тот самый эксперимент, та самая затея...

Он приближается — момент истины. Его первая, действительно значимая вершина. Проверка на прочность, которая покажет, на что он может рассчитывать в жизни. Первый шаг.

И теперь поздно отказываться — нужно делать, несмотря ни на что, нужно, потому что вряд ли он сможет ещё раз собрать столь огромную сумму и провести необходимую предварительную подготовку, но главное... Главное, что вряд ли он ещё раз сможет собраться с духом, чтобы рискнуть.

Момент истины приближается...

Возможно, сбудутся мечты...

Возможно, у него ничего не получится...

Возможно, придётся сражаться...

Но ясно одно — скучно не будет.

Он приближается...

...Арендованный Бранделиусом дом не был особенно велик — в сумме метров триста квадратных, — но при этом имел совершенно бескрайнюю гостиную с камином, баром и вторым светом, обставленную в развесёлом клубном стиле: мягкие кресла, в которых можно лишь полулежать, подушки, толстый ковёр... Гостиная всем своим видом призывала к релаксации, полному расслаблению, как вариант — с бокалом чего-нибудь бодрящего, и великолепно подходила для приближающейся церемонии.

«Во время которой из болванок будут выкованы мечи...»

Антон Арнольдович медленно прошёлся по комнате, постоял у «французского окна»,

разглядывая небольшой сад — деревья ещё держали жёлтые листья, но скоро, очень скоро осень вступит в права и они улягутся ковром на аккуратный газон... Обернулся, скользнул взглядом по креслам, подушкам, дивану и попытался представить, как будут выглядеть здесь выбранные им челы. Как поведут себя? Что спросят? Как среагируют друг на друга? Не то чтобы это имело слишком большое значение, но Антон привык продумывать свои действия до последней мелочи. Он не любил сюрпризов, не желал нарваться на такой во время сверхважной церемонии, вот и готовил варианты действий на любое событие, ответы на любой вопрос...

Но главное, что его тревожило, можно было сформулировать так: «Вы такие разные... Какими вы станете?»

Что случится с челами после церемонии?

Кто откроет глаза в расслабляющей гостиной?

Лицо Бранделиуса стало жёстким. Исчез бесцветно-обходительный интеллигент — немного мечтательный, ранимый, склонный к самокопанию... Обманчивая мягкость скрылась в резко обозначившихся морщинах, словно испугавшись хищного прищуря глаз. Сейчас посреди гостиной стоял безжалостный стратег, холодно обдумывающий план сражения. И знающий, что находится в обстановке тотальной неопределенности, вынужденный решать задачу с шестью неизвестными... Нет! Шестеро будет челов, а неизвестных, то есть переменных, гораздо больше, ведь после церемонии они начнут жизнь заново, будут учиться, познавать, и каждая встреча, каждое событие и каждый удар из прошлого способны их изменить. И потому продумать события до финала невозможно, максимум — спрогнозировать следующий шаг.

«Ну и ладно!»

В конце концов, один шаг — это тоже хорошо, но...

Не из-за этого ли потерпели фиаско предшественники? Сгнули без следа, оставив после себя лишь клеймо неудачников. Они были, эти предшественники. За последние четыреста лет Перстень Парацельса оживал не менее девяти раз. Проходили церемонии. Появлялись обладающие способностями челы. А дальше...

Клеймо неудачников...

Что его предшественники делали не так? Тоже не слушали Хранителя?

— Дурацкий вопрос. — Он скрипнул зубами.

Хранитель — девчонка, что она может знать о реальной жизни? О страстях, сжигающих изнутри? О сладком чувстве превосходства...

ЧТО?!

Исполнение её глупого условия задержало бы Антона на несколько лет, а возможно, на несколько десятилетий, ведь Парацельс не успел сделать самое главное, или... Или он сделал, как хотел? Где ответ? О чём мечтал средневековый колдун, изобретая свой чудовищный артефакт? Чудовищно притягательный... Чудовищно сильный...

ЧЕГО ТЫ ХОТЕЛ, АЛХИМИК? ВРАЧ... КОЛДУН...

Антон расшифровал все обнаруженные в шкатулке записи, увидел, что из них был изъят последний пергаментный лист, и теперь мучился, сомневался, терзался... В общем, вёл себя так, как не имел никакого права себя вести перед важнейшим мероприятием.

ЧЕГО ТЫ НЕ ДОДЕЛАЛ, ПАРАЦЕЛЬС?! В ЧЁМ ТЫ ВИДЕЛ НЕСОВЕРШЕНСТВО АРТЕФАКТА?!

Бранделиус не удержался: добежал до кабинета, выдернул из защищённого магией сейфа деревянную шкатулку, раскрыл её и жадно перебрал пергаментные листы, скользя полубезумным взглядом по знакомым, почти выученным наизусть строчкам старинного письма.

Потом достал тяжёлый золотой перстень, украшенный крупным синим камнем, положил его на ладонь и вздохнул, разглядывая сокровище, ради которого рискнул подставить самого Хранителя. Ключ к невероятной власти или...

«Или к бесславной гибели?»

Никому ещё не удавалось использовать секрет Парацельса в своих интересах, никто не смог оседлать волну, которую поднимал активизированный артефакт, — проигрывали все. Но на их место приходили другие, которые правдами и неправдами добывали загадочное наследство великого колдуна и пытались его использовать.

Не страшась неудачи предшественников, потому что приз виделся невероятным.

«Ты сказала, что его нужно доработать, — продолжил Антон заочный спор с Хранителем. — Но почему ты так сказала? Кто дал тебе право решать за Парацельса? Интерпретировать его достижения? Кто?.. Неужели у тебя есть этот последний лист пергамента?»

Не страшась неудачи предшественников, потому что приз виделся невероятным.

«Ты сказала, что его нужно доработать, — продолжил Антон заочный спор с Хранителем. — Но почему ты так сказала? Кто дал тебе право решать за Парацельса? Интерпретировать его достижения? Кто?.. Неужели у тебя есть этот последний лист пергамента?»

Он вздрогнул, но тут же покачал головой: если бы был, то к чему маскарад? Почему просто не сказать, в чём загвоздка?

«Нет, ты тоже блуждаешь в потёмках, но, в отличие от меня, не понимаешь...»

Истины.

Которая заключается в том, что человек слаб и раскрытие его потенциала ничего не изменит: сверхвозможности не сделают труса и подонка благородным героем, а лишь вложат в его руки невероятное оружие.

«И поэтому Парацельс позаботился о страховке! Для этого связал получившихся существ с мастером церемонии, не желая выпускать в мир свору неконтролируемых психопатов с возможностями суперменов — НЕТ! Мы с Парацельсом этого не допустим!»

Но почему не получилось у предшественников?

Из-за Тайного Города? Если так, то он принял все меры предосторожности и сумеет уберечь себя от внимания Великих Домов...

«А как же Меркель?»

«Он не посмеет меня предать. Сейчас — из любопытства, а чуть позже — из страха».

Бранделиус не питал иллюзий насчёт шамана и его иллюмината, но не мог обойтись без помощи контрабандистов — ему требовались энергия и вещества, доступные лишь в Тайном Городе, а обеспечить их бесперебойную доставку мог только Меркель. Жадный, подлый, ненадёжный, а потому требующий большого внимания Меркель. При этом Антон не сомневался, что сумеет удержать хитрого белоруса под контролем.

«Но почему не сложилось у предшественников?»

Не совладали с новой силой: капризной, своенравной и непредсказуемой? Им казалось, что они овладели ею, им уже чудилось, что могут всё! А она играла с ними, тешилась, ухмылялась невидимо? Она дарила иллюзию величия, и когда они попадались в ловушку, сила захлопывала её, и незадачливый «повелитель мира» видел прямо перед собой лик смерти.

Каков он, тот лик?

Бранделиус не замечал, что тягостно оцепенел, пытаюсь представить тупик, конец пути, в который неизменно упирались те, кто горделиво считал себя вознесённым над серой и тупой человекомассой. Ведь это же... это достойно пера Шекспира! Воистину! Сначала у избранника раскрывались огромные, величиной в половину неба, крылья, он чувствовал, как магическая сила возносит его над всеми, превращает скучную, давно надоевшую жизнь в дивное пространство, где возможны невероятные чудеса, да не просто возможны, а вот они, в его руках, он творец этих чудес, он владыка мироздания!

«Стоп! Стоп!! Стоп!!!»

Не надо думать о смерти!

В чём непредсказуемость силы? Чего не учли предшественники? Где тот рубеж, перейдя который они провалились в пропасть?

Ответа не было.

Было лишь понимание того, что сам он не отступит, даже если ничего не узнает о черте, за которой его ждёт клеймо неудачника...

* * *

— У Бранделиуса? — переспросил Меркель.

— Да, — кивнул Мустафа. — Он в Пугачёвской слободе плотно сел, надёжно.

— Как в крепости?

— Ага. — Иллюминат помолчал, подбирая слова, после чего продолжил: — У Бранделиуса очень хороший дом...

— Его?

— Арендовал.

— Дорогой?

— Да не в этом дело, — отмахнулся Джафаров, недовольный тем, что Меркель оседлал своего любимого финансового конька и в первую очередь интересуется меркантильными нюансами. — Дом хороший, надёжно укреплен и хорошо закрыт магией. Там работают особые заклинания, которые не позволяют увидеть, что происходит внутри, и не выпускают ничего наружу.

— Он сам навёл эти заклинания?

— Думаю, артефакты купил, — тут же, а значит, он об этом думал, ответил Мустафа. — Бранделиус не похож на сильного мага, а защита там высочайшего уровня.

— Вот зачем ему нужна энергия...

— Ага. — Иллюминат помолчал. — Защита на доме такая, что внутри может работать даже Источник магической энергии — мы всё равно ничего не определим. — Ещё одна пауза. — Даже странно, что он сумел выстроить такое укрепление у нас под носом.

— Мы не следим за Уфой, а живём здесь, — недовольно ответил Меркель.

— Согласен...

— А выставить защиту — это активизировать несколько артефактов. Минутное дело.

— Согласен, — уныло повторил Мустафа. — Но случись что, спрашивать будут с нас.

Кто спросит, иллюминат не уточнил, потому что не требовалось: Великие Дома спросят, которые очень не любили, когда магия расплзается по миру, смущая заурядных челов дыханием настоящего колдовства и вызывая появление никому не нужных скандальных заголовков газет.

Все колдуны Тайного Города понимали смысл сочетания слов «режим секретности» и знали, чем грозит его несоблюдение. Нарушители, безусловно, находились, но ни Авдотию, ни Мустафе не улыбалось оказаться в их числе. Но и упускать возможность подзаработать они не хотели, и потому Меркель отправил компаньона в Пугачёвскую слободу, где снял дом Бранделиус. И потому его так сильно не обрадовало услышанное.

— Парень готовится к чему-то очень серьёзному.

— Мы так и думали, — напомнил Джафаров. И нахмурился: — Хочешь отступить?

— Я пока не вижу денег, — вздохнул шаман, постукивая пальцами по столешнице. — Что мы продадим Великим Домам, если не сможем ничего выяснить?

— Продадим неприятности, которые он устроит, — пожал плечами Мустафа. — Как только начнётся что-то непонятное — сразу же звоним в Службу утилизации.

— Это будет не продажа, а мольба о помощи, — наставительно произнёс Меркель. — Это будет тот самый случай, когда звонить надо было три дня назад, и нас крепко нагнут за чужой беспредел.

— Так давай позвоним прямо сейчас! — не выдержал иллюминат.

— А вдруг на Бранделиусе можно поднять миллионы?

Компаньоны одновременно вздохнули. С печалью. Искренне не желая упускать возможность. Искренне не желая получить по мозгам от разъярённых Великих Домов.

Жизнь мага трудна, и чтобы много заработать, нужно иногда крепко рискнуть. А перед тем как рисковать, нужно всё крепко обдумать.

— Внутрь заходил? — поинтересовался Авдотий.

— Попробовал.

— И?

— Голем.

— Врёшь!

За пределами Тайного Города маги неохотно использовали големов как раз из соображений сохранения секретности: бывали случаи, когда у боевых кукол отключалось управление, что приводило к серьёзным неприятностям. Тот факт, что Бранделиус их использовал, говорил о его уверенности в себе. И ещё об отсутствии у него иных защитников.

— Я дождался, когда Бранделиус уедет, коротким порталом прошёл через ограду...

— У него наверняка стоят «Серебряные колокольчики».

Это простейшее охранное заклинание не могли отключить даже самые сильные маги.

— «Серебряные колокольчики» не могут определить, кто именно нарушил периметр, они просто поднимают тревогу, — напомнил Мустафа. — Поэтому я пошёл прямо на видеокамеру и передал на неё изображение кота.

— Умно.

— Старый трюк.

— Сработал?

— С Бранделиусом — да. А вот с его големом — нет.

Как выяснилось, пространство около дома заезжий маг защитил серьёзными заклинаниями, срабатывающими и на челов, и на кошек, и даже, возможно, на крупных насекомых: рисковать Антон Арнольдович не любил. И как только Мустафа приблизился к облюбованному для проникновения внутрь окну, из ближайших кустов, как чёртик из табакерки, выскочил невысокий крепыш в спортивном костюме, обладающий великолепной реакцией и — возможно! — хорошо поставленным ударом.

— Модель я не разобрал, извини, едва успел запустить артефакт портала...

И сбежать из сада, пока голем не начал действовать.

— Ты уверен, что это была именно кукла? — недовольно уточнил Меркель.

— Я просканировал сад перед проникновением — там никого не было. А значит, сработал «спящий» артефакт.

— Бранделиус хорошо подготовился.

— Согласен...

Однако продолжить рассказ Мустафа не успел: телефон шамана забил бубном, Меркель взял его в руку, посмотрел на экран, скривился, но кнопку ответа нажал:

— Да?

— Авдотий, дорогой, ты удовлетворил своё любопытство или твой дружок предпримет вторую попытку? — благодушно осведомился Бранделиус.

— Любопытство я не удовлетворил, но надоедать больше не буду, — осторожно ответил белорус. — Я ведь должен был тебя прощупать.

— Я ждал.

— Я догадался.

— Хорошо... — Бранделиус выдержал многозначительную паузу. — Авдотий, дорогой, ты видишь с той стороны стекла муху?

Меркель резко повернулся и уставился на крупное чёрное насекомое, которое неспешно ползало по окну.

Меркель резко повернулся и уставился на крупное чёрное насекомое, которое неспешно ползало по окну.

— Вижу.

— Смотри внимательно...

Подчиняясь неслышному приказу, муха взлетела со стекла, отдалившись метров на десять от дома, заложила плавный вираж и, резко набрав скорость, рванула обратно.

— Смотри...

Чёрная точка напоминала пулю, и шаману показалось, что она обязательно разобьёт стекло, влетит внутрь, точно ему в лоб, голова разлетится на тысячу частей...

И Меркель в панике подскочил с кресла в тот самый миг, когда муха врезалась в окно.

— Ты чего? — изумился Мустафа.

Муха погибла.

Авдотий Платонович судорожным движением вытер выступивший на лбу пот, да так и замер с поднесённой к голове рукой: стекло пошло трещинами. Крепкое и надёжное, оно буквально разваливалось на куски, как будто в него и впрямь влетела пуля.

— Там особая алхимическая кислота. — Бранделиус негромко рассмеялся. — Представляешь, что было бы, врежься муха в тебя?

Меркель сглотнул. Мустафа, только сейчас сообразивший, с кем разговаривает компаньон, сделал шаг, с любопытством оглядел разрушения и покачал головой.

— Я всё понял, — тихо сказал шаман.

— Позвони, как соберёшь заказ.

— Обязательно.

В трубке слышались гудки.

— А он умеет нагнать страху, — оценил Джафаров. — На тебе лица не было.

— Не только лица... — Меркель оглядел брюки, убедился, что мочевого пузыря не подвёл, вернулся в кресло и посмотрел на компаньона. — Он меня разозлил.

— Позвоним Великим Домам?

— Нет... — Шаман снова побарабанил пальцами по столу. — Я не хотел этой войны, но теперь считаю, что придётся... Да, пожалуй... Так надо...

— О чём ты говоришь?

— О том, что Бранделиусу необходимо устроить неприятности.

— И ещё нам нужно оплатить замену стекла.

— Позвони в фирму, пусть пришлют замерщика.

— Хорошо.

Авдотий кивнул, показывая, что услышал ответ, и продолжил:

— Сегодня, пока ты лазал по саду Бранделиуса...

— Я там чуть не погиб! — обиделся Мустафа.

— А я в это время наводил справки. — Меркель кивнул на компьютер. — И выяснил, что никакого Антона Арнольдовича Бранделиуса в Тайном Городе нет и никогда не было. Это совершенно определённо — «Тиградком» не ошибается.

— Мы понимали, что это псевдоним, — хмыкнул иллюминат.

— Поэтому я сделал запрос на чловских колдунов, которых объявляли в розыск, но не нашли.

— Гм... — Джафаров с уважением покачал головой. — Я бы не додумался.

— Поэтому ты поехал в Слободу, а я остался у компьютера, — язвительно ответил Авдотий.

— Хватит острить.

— Извини. — Шаман открыл файл с фотографиями. — Так вот, за последние пять лет были объявлены в розыск и не найдены всего трое. — Он повернул монитор к компаньону. — Соответственно, они считаются мёртвыми.

— Генетический код?

— Все трое ухитрились представить в Зелёный Дом ложные образцы, и найти их с помощью удалённого поиска невозможно.

Почти две минуты Мустафа молча изучал фото, после чего уверенно заявил:

— Бранделиуса тут нет.

— Я тоже так подумал сначала, — не стал скрывать Меркель. — Но, к счастью, вовремя вспомнил, что у одного моего приятеля есть забавная программа, позволяющая моделировать последствия пластических операций. Я переслал ему фото, и — вуаля! — Авдотий нажал ещё одну кнопку, открыл фотографию и абсолютно довольный произведённым эффектом откинулся на спинку кресла. — Нашего друга зовут Яан Сиби. Его ищут уже два года.

— Ты уверен насчёт программы твоего приятеля? — негромко спросил Мустафа, разглядывая изображение человека, чертовски, если не сказать ещё сильнее, похожего на Бранделиуса.

— Абсолютно!

— И кто же его ищет?

— Заказчик действует инкогнито, — развёл руками белорус. — Поэтому я тоже не стал ничего о себе рассказывать, а просто дал наводку на Бранделиуса. Хочу посмотреть, кто приедет и что этот «кто-то» будет делать.

* * *

— Очень плохо!

— Скорее!

— Есть тут врач?!

— Скорее!

И через несколько секунд тревожный голос по внутрисалонной громкой связи:

— На борту есть врач? Если есть, пожалуйста, обратитесь к главному стюарду.

Суэта в хвосте самолёта не осталась незамеченной пассажирами салона бизнес-класса. Ну, то есть последствия суеты: тревожные лица стюардов и стюардесс, громкие голоса пассажиров, непонятная и ненужная толкотня в проходе — когда мужики вылезают «вдруг надо помочь», понимают, что в данном случае от них ни черта не зависит, но не возвращаются в свои кресла, а принимаются стоя обсуждать происходящее, создавая затор на ровном месте.

— Ну надо же: лететь всего час, а они всё равно успевают плохо себя почувствовать, — пробормотал бородатый модник в стильном джемпере и дизайнерских джинсах. — Будто специально ждали.

— Всего не предусмотреть, — пожал плечами его сосед, мужчина лет пятидесяти, с удлинённым лицом, которому, кажется, было наиболее привычно выражение бесконечного уныния и тоски. Одет мужчина был в строгий, но явно дорогой деловой костюм, сорочку без галстука и лакированные туфли. И носил красивое кольцо с чёрным камнем на мизинце левой

руки.

— Согласен с вами, — кивнул модник. — Но уж больно они раздражают.

— Больные?

— Людишки из эконома.

— А-а... — Пожилой бросил на собеседника быстрый и оставшийся незамеченным взгляд, в котором отчётливо читались презрение и раздражение, после чего привстал: — Вы позволите?

— В смысле?

— Пройти.

— В туалет?

Теоретически нелепые расспросы должны были вызвать ещё большее неудовольствие пожилого, однако тот предпочёл сохранить на лице маску уныния.

— Я — врач, — негромко произнёс он. — Мне нужно в соседний салон.

— А-а... — Модник пропустил соседа, скорчив на физиономии выражение: «И охота вам тратить время на всякое быдло?» — и вернулся в кресло.

А пожилой прошёл в хвост самолёта, уверенно, можно сказать — властно, раздвигая загородивших проход пассажиров, и обратился к стюарду:

— Что случилось?

— Вы...

— Врач, — ответил пожилой настолько веско, что дальнейших уточнений не потребовалось, и стюард принялся за сбивчивый рассказ:

— Сначала она пожаловалась на духоту...

Девушка лет двадцати пяти, не более. Косметики минимум. Волосы собраны в пучок. Дыхание тяжёлое, прерывистое, но в сознании. В глазах — испуг.

— Она жаловалась, что в груди болит, — добавила тётка с соседнего ряда.

— Будьте добры, организуйте вокруг свободное пространство, — вежливо попросил пожилой, присаживаясь в соседнее кресло и беря девушку за руку. — И включите, пожалуйста, кондиционер чуть сильнее.

— Станет холодно? — недовольно уточнила тётка.

— Станет приятнее, — не глядя на неё, ответил пожилой.

— Но...

— Сейчас сделаю. — Стюард удалился.

И странное дело: едва врач взял девушку за руку, как ей стало лучше. Немного, но заметно:

выровнялось дыхание.

— Вы просто испугались, — по-прежнему тихо произнёс пожилой, мягко удерживая в ладони кисть девушки. — В какой-то момент вам стало некомфортно, возможно, слишком душно, и вы запаниковали.

— У вас есть таблетки?

— Какие?

— Я не знаю... — Она слабо улыбнулась. — Какие-нибудь.

— Вам нужно просто успокоиться... — Девушка почувствовала, что страх и беспокойство пропадают, а вместе с ними — неприятная боль внутри. Как будто голос пожилого или его рука... В общем, как будто пожилой незнакомец делился с ней невидимой силой. — Как вас зовут?

— Лена.

— Очень приятно, Лена, меня называйте Кузьмой Георгиевичем... — И сразу же, совсем-совсем тихо: — Третий месяц, да?

Ей стало лучше настолько, что получилось восклицание:

— Как вы узнали?!

— Голубушка, я врачую уже сто... — Кузьма Георгиевич осёкся, улыбнулся и ровно продолжил: — Столько лет, что вас всех насквозь вижу. Нет, не третий — второй. Но первый раз, и потому вам страшно...

— Да.

— Я не спрашивал... — Мужчина вздрогнул. Ощутимо — дрожь прошла через всё тело, — и девушка решила, что он собирается подняться.

— Пожалуйста, не уходите.

— Я и не... — Голос стал сиплым, поэтому врачу пришлось откашляться. — Я и не собираюсь, голубушка. К тому же уйти отсюда довольно затруднительно — мы немножко летим.

— Меня муж встречает, — сообщила Лена, закрывая глаза.

В салоне стало чуть прохладнее. Воздух, если можно так выразиться, посвежел, и стало проще дышать. Пассажиры, убедившиеся в том, что ситуация под контролем и трагедии не предвидится, разбрелись по креслам, и никто не обратил внимания на побледневшую кожу врача, ставшие резкими морщины и то, что он, лишь недавно полный сил, выглядит изрядно уставшим, словно не рядом с девушкой в кресле просидел последние минуты, а тягал штангу или бегал по стадиону.

— Я бы не советовал вам летать до рождения сына...

— Откуда вы знаете, что будет мальчик?

— По форме живота.

— Правда?

— Я тридцать лет больничные выписываю, — усмехнулся врач. — Так что да, правда.

— А на УЗИ сказали, что непонятно.

— Много они понимают. Вам лучше?

— Намного.

Он ободряюще улыбнулся и уверенно, глядя девушке прямо в глаза, продолжил:

— Всё будет хорошо, Лена, вы нормально долетите до Уфы, но в аэропорту вас будет ждать «Скорая», потому что я не хочу рисковать и потребовал осмотра в стационаре. Но я уверен, что угрозы выкидыша нет.

— Спасибо...

— А теперь вам лучше вздремнуть.

— Пожалуй.

Она послушно закрыла глаза, и уже через несколько секунд её дыхание выровнялось, показав, что девушка погрузилась в спокойный сон.

А врач ещё раз улыбнулся, мягко высвободил руку и поднялся с кресла.

— Нам повезло, что вы акушер, — негромко произнёс стюард.

— Я? — удивился Кузьма Георгиевич. — Дорогой мой, я психиатр.

— Ой. — Стюард ошарашенно уставился на врача. — Правда?

— Вы разве не заметили, я с ней просто поговорил? — Кузьма Георгиевич достал платочек и аккуратно вытер лоб.

— А как вы узнали насчёт мальчика?

— У меня двое детей и шестеро внуков, — рассмеялся врач. — Так что пол будущего ребенка я могу определить даже во сне.

...Окончание полёта прошло как, впрочем, было обещано — без приключений.

Кузьма Георгиевич объяснился с врачами из подъехавшей к аэропорту «Скорой», пожелал сонной девушке удачи, перебросился несколькими словами с её обеспокоенным мужем, проводил их и только после этого отправился на парковку у аэровокзала.

Пассажиры уже разъехались, других самолётов в ближайшее время не ожидалось — ни на вылет, ни на прилёт, и на довольно большой площади было пусто — машины три, не больше, среди которых выделялся массивный американский внедорожник с тонированными стёклами и мощным таранным бампером.

К нему-то и подошёл доктор, открыл дверь и уселся рядом с водителем.

— Как долетели, брат Петриус? — поинтересовался тот, мягко трогая машину с места.

— Хорошо. Добрый вечер, Керо.

— Добрый вечер, брат Петриус. — Короткая пауза. — Вы выглядите усталым.

— Человской женщине стало плохо, и мне пришлось спасти её ребёнка.

— В смысле, ребёнку стало плохо?

— В смысле, у бедняжки почти случился выкидыш, и пришлось принимать экстренные меры.

— На которые вы угробили весь свой запас магической энергии?

— Его можно восстановить. — Петриус извлёк из портфеля маленькую чёрную пирамидку, прочитал короткое заклинание и крепко сжал её в руке, впитывая поступающую энергию.

— Никогда бы не подумал, что эрлиец займётся врачеванием бесплатно, — поддел собеседника водитель.

— А если бы на неё напали? Ночью. В тёмном парке... — Бледность исчезла, но брат Петриус продолжал говорить медленно и устало: — Неужели вы не убили бы нападавшего?

— Убил бы, — поразмыслив, ответил Керо.

— И выставили бы счёт?

— Э-э... — Водитель был профессиональным киллером, получающим плату за каждую отнятую жизнь, но сейчас он с улыбкой признал: — Подловили.

— Знаю. — Эрлиец убрал опустевшую пирамидку в портфель и осведомился: — Узнали что-нибудь интересное?

— Я приехал в город всего на шесть часов раньше вас, — напомнил водитель.

— И ничего не выяснили? — притворно удивился врач.

— Если вам интересно, нашёл ли я вашего друга Сиби, то нет, не нашёл. Он очень хорошо прячется, и магическое сканирование ничего не показало... В смысле, показало только известных колдунов.

— Как же мы его отыщем? — В голосе Петриуса послышалось разочарование, он явно надеялся, что цель обнаружена.

— Мы найдём Сиби через тех, кто отправил вам послание, — спокойно объяснил Керо.

— Я же говорил, что проследить отправителя не получилось даже у моих знакомых из «Тиградком».

— В этом нет необходимости, — усмехнулся водитель. — Сиби планирует провести сложный обряд?

— Да, — кивнул эрлиец. — Сложный и требующий серьёзного подготовительного периода.

— Значит, ему нужна магическая энергия и припасы?

— Безусловно.

— В таком случае он, вероятнее всего, обратился к Меркелю, которого считают главным в Уфе контрабандистом.

— Меркель? — Петриус поднял брови. — Пакистанец?

— Скорее всего, хорват.

— Откуда в Уфе хорват?

— Из Тайного Города, — пожал плечами водитель. И развил тему: — Если хотите, можно поехать к Меркелю прямо сейчас; как показывает опыт, челы крайне нервно переносят ночные допросы, и нет никаких сомнений в том, что наш друг продемонстрирует невероятную искренность.

— Нет, — поколебавшись, решил брат Петриус. — Хватит на сегодня челов, я хочу отдохнуть.

— Как скажете.

И внедорожник взял курс на «Хилтон».

* * *

При расставании Бранделиус пообещал позвонить, но свой номер не оставил, взял лишь телефон Виктора, и потому следующие две недели стали для Громова настоящей пыткой.

Нет, первые дни дались легко: Виктор не сомневался, что новый знакомый вот-вот объявится, а потому вёл себя как обычно, правда, всё время пребывая в приподнятом настроении, подобно человеку, который точно знает, что скоро в его жизни случится нечто безусловно приятное, и спокойно ожидает заслуженную радость.

Но время шло, Бранделиус не давал о себе знать, и в душу Виктора стали закрадываться сомнения.

Первая мысль: а не стал ли я жертвой розыгрыша? Чего проще: подкараулить одинокого прохожего в укромном и довольно таинственном уголке и навешать ему лапши на уши, чтобы... И вот тут сомнения улетучивались, потому что розыгрыш всегда имеет конкретную цель — посмеяться над жертвой, причём, как правило, сразу же после спектакля, а ничего подобного с Громовым не произошло. Более того, продемонстрированный Бранделиусом трюк показался необычайно реалистичным, доступным лишь опытному фокуснику, который должен был долго готовиться... И снова возникает вопрос: зачем? Кто пойдёт на такие расходы ради неизвестно чего?

Убедив себя, что не стал жертвой мистификации, Виктор испугался другого — что оставил волшебнику неправильный номер. Встревоженный, он несколько раз возвращался к роще — в разные дни, в разное время — в надежде встретить Бранделиуса, но тщетно — таинственный знакомец как в воду канул.

Даша, которой не повезло принять участие в фокусе, а соответственно поверить так же крепко,

как Виктор, посмеивалась над другом, пару раз даже намекала, что встреча ему приснилась, и тем вгоняла Громова в ещё большую тоску.

Он ведь поверил!

А его обманули.

Или он сам себя обманул.

Или ошибся и тем лишил себя возможности прикоснуться к Неведомому, изменить жизнь...

Виктор не расставался с телефоном, без конца подзаряжал его, опасаясь, что в нужный момент батарейка сядет и он не сможет принять звонок, постоянно посматривал на экран, проверяя, не выключился ли звук, он почти сошёл с ума, но, к счастью, Бранделиус не солгал.

— Виктор? Здравствуйте, это Антон Арнольдович...

Громов изо всех сил постарался удержать спокойствие — хотя сердце отчаянно ухнуло в неопишимо счастливую глубину и безумно захотелось завопить во всё горло: «Есть!»

Но сдержался. И ровным, разве чуть сдавленным голосом ответил:

— Здравствуйте.

Дом, надо отдать должное, оказался не помпезным сараем, выстроенным в стиле «Малиновый пиджак Forever», а небольшим, со вкусом отделанным коттеджем, стоящим в центре также небольшого, но очень уютного садика. С одной стороны, кусты и деревья не мешали любоваться строением, подчёркивая его аккуратную отделку, с другой — надёжно скрывали участок от соседей.

— Прощу, прошу, — радушно проговорил открывший дверь Бранделиус. — Наслышан о вас, Дарья...

— Алексеевна.

— Очень рад познакомиться. Все в сборе, ждём вас.

Виктор кивнул. Он ощущал нечто схожее с состоянием спортсмена перед стартом — смесь куража и тревоги. И потому, когда вошёл в комнату, где находились четыре человека, волнение застило ему глаза... эти четверо для него как-то смешались, даже до странности смешались, образовав хаотический коллаж из лиц, и потребовалось секунд пять-шесть, чтобы сообразить: перед ним трое мужчин и женщина.

А хотя не так уж мудрено было сбиться, потому что женщина, точнее, девушка лет двадцати — двадцати трех, — оказалась типичной «унисекс»: короткая стрижка, клетчатая рубашка-ковбойка, прямые джинсы... Да и движения у неё получались угловатыми, лишёнными женской грации.

— Карина, — представилась она.

— Виктор.

— Даша.

— Очень приятно... — На три голоса.

— Карина, — представилась она.

— Виктор.

— Даша.

— Очень приятно... — На три голоса.

К этому мгновению Громов вполне освоился, взгляд вернул привычную наводку, и он увидел, что все присутствующие относятся к достаточно ровной возрастной категории: от двадцати до тридцати пяти. От Карины вот до этого рыжего парня с бледно-голубыми, почти белыми глазами.

— Герман.

— Очень приятно...

— Марат, — сказал третий.

Высокий, изящный, элегантный... Чёрные волосы, удивительно тонкие черты смугловатоматового лица, ещё не утратившие свежести, хотя Марату было не менее тридцати. Но главное — чувствовалось в нём нечто не от мира сего, какая-то сдержанная отстранённость от реальности.

— Профессиональный музыкант, — добавил Бранделиус. — Скрипач симфонического оркестра.

— Вторая скрипка, — скромно заметил Марат.

— Пока.

— Да нет, — вяло усмехнулся оркестрант. — Навсегда.

— Ну, никогда не говори «никогда»...

— Я и не говорю — «никогда». Я говорю — «навсегда».

— Достаточно захотеть...

— И всё? Только захотеть? — Чувствовалось, что для Марата, несмотря на демонстративное равнодушие, номер скрипки давно и прочно превратился в большую тему. — И больше ничего не надо?

— Да, только захотеть! — подтвердил Антон Арнольдович и неожиданно пробарабанил пальцами сложный ритм, судя по изумлению на лице музыканта, очень сложный. — Ваши новые способности, друзья мои, позволят идеально контролировать себя, двигаться с уникальной точностью и совершенством. Ты станешь первой скрипкой.

Марат промолчал.

Даша бросила на Виктора быстрый взгляд, но тот лишь слегка пожал плечами.

Почему-то вышло так, что последним, на кого обратил внимание Виктор, оказался рослый, спортивно-подтянутый, плечистый, но не перекачанный — словом, очень гармонично сложенный парень лет двадцати пяти. Шатен с преувеличенно аккуратным, подчёркнуто старомодным зачёсом, носящий вычурно-стильные тёмные очки типа «бабочка».

Впрочем, ничего удивительного, что для Виктора и Даши этот персонаж оказался как бы в тени. Он — намеренно? — не выставлялся на первый план, сидел в углу за старинным комодом и не проявлял ни малейшего желания приветствовать новых гостей.

— А теперь позвольте представить самого загадочного члена нашей команды! Без имени и без лица.

Сидящий лениво повернул голову к вошедшим и словно нехотя произнёс:

— Давайте сразу... чтобы всё прояснить на берегу: рукопожатия считаю пустой привычкой... всякие там дружески приятельские кренделя тоже. Делу они лишь помеха. А по делу можете не сомневаться. Считайте, что вам со мной повезло.

Слова и манера, в которой они были произнесены, произвели на Виктора неприятное впечатление, на Дашу, судя по всему, тоже — девушка не сдержала брезгливой гримасы. Остальные восприняли речь спокойно... или же Громов не успел разглядеть на их лицах неудовольствия. Но все промолчали, никак не реагируя на высказывание обладателя чёрных очков, поэтому хозяину дома пришлось снова взять слово, чтобы сгладить возникшую неловкость.

— Дорогие друзья! — Бранделиус развернулся так, чтобы оказаться лицом ко всем гостям. — Я говорил каждому из вас, но с удовольствием повторю снова: мы встретились не случайно, не по воле Судьбы, как кто-то мог подумать, нет. Мы встретились, потому что мы — необычные, не такие, как все, и это проявлялось и во внешности, и в поведении...

Виктор добросовестно задумался над тем, как его необычность проявлялась в поведении? Но тут же спохватился — речь хозяина лилась дальше, и пропускать её было нельзя.

— Да, мы все яркие индивидуальности, хотя у кого-то эта яркость приглушена, но есть и те, чьи повадки кажутся... ну, слишком уж экстравагантными. Это нормально, это надо понять и принять.

Присутствующие дружно посмотрели в дальний угол.

— Это был камешек в мой огород? — вяло поинтересовался обладатель чёрных очков.

— Разумеется, — спокойно ответил Бранделиус. — Но не камешек, а демонстрация того, что я с уважением отношусь ко всем. Ибо знаю: необычность внутренняя идёт рука об руку с необычностью внешней.

— Так как же нам всё-таки вас называть? — с лёгкой иронией поинтересовалась Даша.

Спрашиваемый какое-то время разглядывал девушку, после чего буркнул:

— Сатурн.

— О как! — тут же высказался Громов, которому не понравился слишком долгий взгляд этого типа на Дашу. — А что же не Юпитер?

— Юпитер у нас вы! — рассмеялся Бранделиус, ловко переводя разговор в шуточный тон: — Ведь «Виктор Громов» в античном мире звучало бы примерно так — «Юпитер-победитель».

Гости рассмеялись, атмосфера потеплела, и в гостиной постепенно завязался разговор. Слово за слово, и выяснилось, что Герман — частный предприниматель; правда, что именно предпринимает, не сказал, а спрашивать вроде бы как-то неловко... Унисекс Карина оказалась «вечной студенткой»: три года на математическом факультете, потом поняла, что «не её», бросила точную науку и перешла на психологический, знания которого грызла по сей день. Музыкант Марат рассказал пару баек из жизни симфонического оркестра, Дарья мгновенно поддержала скрипача, припомнив бородатый финансовый анекдот, а Виктор выдал несколько забавных случаев из своего банка...

Сатурн не принимал участия в разговоре, сидел, небрежно развалившись в кресле, нога на ногу, и словно бы ему дела не было до всего окружающего, но о нём быстро забыли. Особенно после того, как Бранделиус откупорил бутылку двенадцатилетнего виски «для мужиков» и французское красное «для девочек»: под звон бокалов избранные ещё быстрее потянулись друг к другу...

— Похоже, ты изрядно вдохновилась, — негромко произнёс Виктор, когда они добрались до дома.

— Правда?

— Ты светишься изнутри.

— Неужели? — Даша засмеялась и приложила к лицу ладони. — А сейчас?

— Пылаешь.

— Не знаешь, почему?

— Кажется, догадываюсь.

— Да... — Девушка расстегнула блузку, медленно прошла по спальне и распахнула шкаф. — Я верю своей интуиции, Витя, она, может, и не такая, как твоя, но она есть и сейчас говорит, что твой московский дяденька в самом деле тот, за кого себя выдаёт. А наши земляки... м-м...

Даша замялась с определением, и Громов пришёл на помощь:

— Экстрасенсы?

— За неимением другого, пусть будет так.

Прозвучало как-то «по-телевизионному», оставив на губах привкус ненастоящего, и потому Виктор неопределённо пожал плечами.

— А ты разве не ощутил? — Она взглянула пристально. — От ребят явно идёт... идут некие флюиды. И от нас, думаю, тоже. И когда мы собрались, неужели ты не ощутил суммарного эффекта? Ты! С твоим-то чутьём!

Почувствовал ли он? Пожалуй, некий подъём был, но не настолько сильный, чтобы вызвать

бурный энтузиазм. И это показалось странным, потому что их первая встреча с Бранделиусом вскружила Виктору голову, а сейчас всё прошло на удивление серо. Неужели та самая интуиция, которая удостоилась столь лестной похвалы от девушки, намекает, что дело не настолько ясное, каким кажется, и, возможно, опасное?

— Ты просто бирюк по натуре, — рассмеялась Даша, стаскивая джинсы. — Тебе не понравилось, что Антон распределил своё внимание на всех.

В середине вечера Бранделиус договорился с девушками, что они будут называть его по имени. Мужчинам было сказано — почти в шутку, — что рано или поздно им тоже повезёт.

Громова это покорило.

— Может, ты и права.

И в следующий миг подумал, что они с Сатурном похожи, только тот не скрывает своего нежелания общаться, а он, Громов, Юпитер-победитель, лицемерит.

— Как бы там ни было, Антон Арнольдович предлагает необычайный эксперимент, отказываться от которого глупо.

— Но чем он закончится?

— Или у нас получится, или нет. — Она подошла к трюмо, наклонилась соблазнительно и стала внимательно изучать левую щеку. — Разве непонятно?

— Если не получится, мы останемся такими, какие есть, и будем гордиться тем, что у нас хватило смелости попробовать, но...

— Ты боишься перемен? — Даша не отвлеклась от зеркала, но вопрос, несмотря на показную небрежность, прозвучал не так шутливо, как ей, наверное, хотелось бы.

— Я не знаю, во что мы превратимся, обрета особые способности, — честно признался Громов. — И чем больше я об этом думаю, тем сильнее мне кажется, что мощная сила способна завести нас слишком далеко...

— На сторону Тьмы?

— Если хочешь — да.

Даша переступила с ноги на ногу — соблазнительно — и осведомилась:

— Разве Антон — чудовище?

— Бранделиус вырос с пониманием своей силы, сроднился с ней, его личность формировалась с учётом этого фактора. — Громов явно ждал подобного вопроса. — А что натворит Сатурн, заполучив сверхспособности?

— Если хочешь — да.

Даша переступила с ноги на ногу — соблазнительно — и осведомилась:

— Разве Антон — чудовище?

— Бранделиус вырос с пониманием своей силы, сроднился с ней, его личность формировалась с учётом этого фактора. — Громов явно ждал подобного вопроса. — А что натворит Сатурн, заполучив сверхспособности?

— С ним мы справимся, — не очень уверенно отозвалась Даша.

— А может, не надо ничего делать? И тогда не придётся справляться.

— Просидеть всю жизнь в чулане?

— Почему в чулане?

— В чулане своего тела, в тесной камерке, зная — зная! — что вокруг — сияющий дворец! Ты предлагаешь остановиться и потом до старости жалеть, что мы не попробовали всё изменить? Ты это предлагаешь? Самый романтичный человек из тех, кого я знаю?

— Ну... — Громов заметно смутился. Поскольку понял, что девушка не хвалит его романтизм, а обвиняет его в трусости.

— Я собираюсь рискнуть. — Она повернулась к нему лицом и сняла лифчик. — Что скажешь?

Что сказать? Только одно — мало кто из людей знает, что таится в его собственных душевных подземельях, какие демоны ждут там своего часа и найдутся ли силы их побороть. Вот что хотел сказать Виктор, но понимал — сейчас не время. Он хорошо изучил Дашу и видел, что дальнейшее развитие темы приведёт к ссоре, и благоразумно решил смягчить ситуацию.

— Я просто хочу быть осторожным.

— А я хочу, чтобы ты был диким.

— Насколько диким? — Он сделал шаг вперёд и медленно провёл рукой по кружевным трусикам — последнему, что оставалось на Даше.

— Необузданным, как мустанг.

— Свирепым?

— Неутомимым.

Она рванула рубашку, которую Виктор до сих пор не позаботился снять, и повалила мужчину на кровать.

ГЛАВА 3

— Я думала, церемония пройдёт в роще, — заметила Даша. — У точки силы.

— Я тоже, — поддакнул Виктор.

Бранделиус улыбнулся и самодовольно напомнил:

— Дорогие друзья! Вы забыли, что ваш мудрый наставник давно работает с магической энергией и способен обеспечить вам точку силы в любом месте. Подчеркиваю: в абсолютно

любом.

— Надеюсь, когда-нибудь я тоже так смогу, — вздохнула Даша.

— Организовывать точки силы?

— Управлять ею.

— Уверен, что сможешь, — пообещал Бранделиус. Помедлил и уточнил: — Все смогут, каждый из нас.

— После церемонии?

— Может, не сразу, но...

— Почему не сразу? — удивился Громов.

— Честно говоря, я не знаю, как быстро произойдёт инициация, — честно ответил Антон Арнольдович. — Может получиться так, что изменения будут происходить постепенно, шаг за шагом, словно исподволь...

— Но ведь не в течение ста лет? — кокетливо поинтересовалась девушка. — Не хотелось бы стать волшебницей-старушкой.

— Ты всегда будешь прекрасной, — галантно отозвался «мудрый наставник».

— Ты обещаешь?

— Сила творит чудеса, и я намерен подарить тебе чудо.

— Рада слышать.

— Всегда пожалуйста.

Виктор на мгновение нахмурился, но промолчал, не желая показаться грубым. Или глупым. Или дерзким, рискнувшим бросить вызов человеку много сильнее себя.

А в том, что Бранделиус сильнее, Громов не сомневался.

«Но скоро всё у нас изменится...»

К дому в Пугачёвской слободе они с Дашей приехали первыми, но не потому, что больше всех торопились — так получилось: встали рано, в хорошем настроении, быстро позавтракали, попутно обсуждая, взять такси или отправиться на «Форде» Громова. Решили, что своя машина лучше, сходили за ней в гараж и неожиданно быстро — улицы оказались полупустыми — добрались до Слободы.

Бранделиус встретил их на улице, вышел из дому в тот самый миг, когда перед «Фордом» распахнулись ворота, тепло поприветствовал гостей и предложил подождать остальных здесь же, на утреннем солнышке: «Смотрите, какая замечательная стоит погода! Совсем не осенняя».

Погода и впрямь удалась: на небе ни облачка, чуть припекает, лёгкий ветерок несёт не прохладу, а свежесть, одним словом — красота, и ребята, не раздумывая, согласились.

Однако завязавшийся разговор нравился Виктору гораздо меньше погоды.

— Антон, ты буквально засыпал меня комплиментами, — промурлыкала девушка.

Мягко, даже излишне мягко, но пока сохраняя дистанцию.

— Тебе не понравилось?

В ответ — лёгкая улыбка у девушки и лёгкая мрачность Громова.

— Извини, Даша, извините, Виктор, — виной тому исключительно хорошее настроение, — весело объяснил Бранделиус. — Для меня сегодня тоже важный день.

— Думал, вы будете волноваться.

— Почти не спал ночью, но под утро понял, что у меня всё получится, и с тех пор безмятежен, — рассмеялся москвич.

— Самый правильный подход, — одобрила Даша.

— Спасибо.

Виктор промолчал.

Следующим явился Марат — пришёл пешком, видимо, добирался на муниципальном транспорте; а ещё через несколько минут на такси подъехал Сатурн. Этот кивнул только Бранделиусу и, чуть выждав, Дарье — после чего уселся на лавочку, стоящую рядом с крыльцом, и принялся ждать. По обыкновению, в гордом одиночестве.

Затем последовали несколько минут дежурных разговоров ни о чём — темы церемонии молчаливо решили не касаться, — по истечении которых к дому подкатила серебристая «Субару» — подоспели Герман и Карина. Оказалось, они жили чуть ли не в соседних домах, и, узнав об этом, Герман вызвался подвезти даму.

Виктор глянул на экран смартфона: 11.59. Учитывая, что договаривались встретиться в полдень, рыжий продемонстрировал прямо-таки снайперскую точность.

— Прошу в дом, — пригласил Бранделиус, которому тоже понравилась пунктуальность команды. — В гостиную. И располагайтесь с максимальным удобством.

— Можно снять обувь? — хмыкнул Герман.

— Да.

— Вы шутите?

— Куртки, обувь — разумеется. И устраивайтесь, как понравится: в креслах, на диване, если хотите — стаскивайте подушки на пол и ложитесь. Главное, чтобы вам было удобно.

— Будете распылять наркотики?

— Почти, — серьёзно ответил Бранделиус. — Я не знаю, получится ли у нас, но знаю, что такая мелочь, как затёкшая нога, ни в коем случае не должна помешать церемонии. Если выяснится, что вы не получили доступ к силе из-за того, что я поспешил на кресла или же потребовал

«прилично» в них сидеть, я буду крайне разочарован.

— Звучит логично.

— У нас действительно есть цель...

— Цель превыше всего!

— В таком случае — располагайтесь.

И они последовали совету, развалившись и распластавшись так, как было максимально удобно. И лишь тогда Виктор понял, что Бранделиус, вполне возможно, лукавил: затёкшая нога церемонии не помешает, а вот обустройство удобных «гнездышек» и возникшие в связи с этим смех и веселье позволили снять напряжение, овладевшее членами команды в начале встречи. Перебрасываясь шутками и подушками, они превратились в дружный — за исключением Сатурна, разумеется, — коллектив, над которым не висела тёмная аура ожидания неведомо чего.

Они расслабились.

Виктор понял и в очередной раз сказал себе, что Бранделиус гораздо умнее и хитрее, чем кажется.

— Может, нам и выпить нальют?

— Разумеется, — подтвердил Антон Арнольдович, удобно устроившись в кожаном кресле с высокой спинкой — из него хозяин дома мог видеть всех членов команды. — Выпьем обязательно.

— Вы шутите?

— Я? — Бранделиус хлопнул в ладоши, и в гостиную вплыл большой серебряный поднос, на котором стояли шесть фарфоровых пиал.

— Ух! — не сдержался Сатурн, и стало ясно, что фокус удался: незамысловатый, но вовремя проделанный трюк не просто произвёл впечатление, а по-настоящему удивил. И все шестеро как замороженные уставились на остановившийся в центре гостиной поднос.

Кто-то тихонько выругался. Как показалось Даше — Марат.

— Это лишь малая толика того, что вам предстоит постичь, — проникновенно произнёс Бранделиус. — Каждый из вас будет уметь нечто особенное, нечто запредельное, нечто невероятное... Но всё это — после церемонии. А пока — угощайтесь.

Вставать не пришлось: поднос снизил высоту и медленно проплыл по воздуху мимо каждого из шестерых, притормаживая, чтобы тот смог спокойно взять пиалу.

— Предлагаю поднять тост за будущее! — Голос Бранделиуса дрогнул, и всем стало ясно, что он далеко не так спокоен, каким хочет казаться.

— А вы? — Герман обратил внимание, что хозяин дома остался без угощения.

— Я должен следить за происходящим. — Антон Арнольдович раскрыл стоящую на маленьком столике шкатулку, достал и надел на средний палец золотой перстень с крупным синим

камнем. — Я буду вести церемонию.

— Может, это наркотик и у нас начнутся галлюцинации... — неуверенно протянул Марат.

— Да, я воспользуюсь вашей беспомощностью, изнасилую всех и ограблю, — рассмеялся Бранделиус. — Кто думает так — может не участвовать в представлении. Остальные...

— Вы шутите, а ведь кто-то может испугаться, — произнёс Сатурн и залпом выпил содержимое своей пиалы. — Кислит.

— Слишком сладко, — не согласился Герман.

— Нейтральное, как вода, — проворчал Виктор.

— Шипучка, — улыбнулась Даша.

— Сладкое, — вздохнул Марат.

— Сладкое, — подтвердила Карина.

Фарфоровые чашки вернулись на поднос, а люди — в свои мягкие «гнёздышки». Бранделиус повёл рукой, начиная медленно повышать уровень магической энергии, и одновременно принялся читать длинный текст заученного наизусть заклинания. Тихо, но постепенно повышая голос. Синий камень засветился, поглощая потоки магической энергии и перенаправляя их на расслабившихся участников церемонии, и Даша прошептала:

— Сила...

Сила текла не рядом, как раньше, как в той роще, а вокруг. Они погрузились в неё, но пока не сроднились с нею. Они плыли, но это мало отличалось от сидения на берегу полноводной реки: сила окружила, но не вошла в них.

Нужно было сделать следующий шаг.

Нужно было захлебнуться.

Сломать барьер страха.

— Сила...

Не прерывая заклинания, Бранделиус аккуратно добавил мощности. Почувствовал, что перстень стал греться, улыбнулся и добавил ещё. Синие волны плавно таранили раскинувшихся челов, добежали до них — и терялись, рассыпаясь у невидимого барьера. Синие волны тоже хотели единения — слово Парацельса гнало их вперёд.

— Сила...

Внешний мир отступил и полинял. Контурные предметов поплыли. Громкий голос Бранделиуса, нараспев читающего на латыни, стал тихим и почти пропал, зато громогласно ударили секундные стрелки наручных часов...

Мир изменился. Встал на грань, переломился, новая его форма вонзилась прямо в сердце, и Виктору почудился крик.

Может быть, его.

Может быть, чужой.

А в следующий миг рассыпалось всё...

* * *

Кричала Карина.

Но не от страха, а потому, что не выдержала напора эмоций и новых чувств. От неожиданности.

И от восторга.

Она расположилась на ковре, на подушках, пригrelась, расслабилась после выпитой жидкости, и... И не смогла сдержать крик, когда одна из стен — та, где стоял камин, — исчезла, остальные же вытянулись, образовав сначала коридор вперёд, к улице, и ещё дальше, в соседний район, за пределы Уфы, и прочь, прочь, прочь, до самого Урала... а затем земля провалилась, и коридор превратился в пугающего вида ущелье... Улицы, дома, вообще город, полдень, осень — всё исчезло, остался лишь этот уходящий в никуда обрыв.

И это было и ужасно, и прекрасно.

Мир вытянулся вверх и вниз, а прочие его измерения не то чтобы пропали, но стали не важны, поскольку высота затмила всё.

И она — на тонкой жёрдочке, готовой вот-вот исчезнуть. Одинокaя птица в мире бесконечной высоты и отсутствия тверди. В мире, где нет границ поверхностей, а есть лишь упоение...

Жёрдочка исчезла.

Не переломилась, не прогнулась, не стала скользкой настолько, что не удержаться, — исчезла, окончательно окунув девушку в новый мир.

Жёрдочка растворилась, но ни страха, ни ужаса её исчезновение не вызвало.

Карину бросило в безумие восторга — морально, а физически она полетела, трепеща, ликуя и не боясь разбиться. Несколько секунд спустя сообразила, что может управлять полётом: как будто тело её — летательный аппарат, а мозг — пилот; отдала себе приказ зависнуть, и падение послушно остановилось.

Если бы Карина разбиралась в технике, то непременно отметила бы, что представляет собой универсальное воздушное судно, сочетающее в себе качества ракеты, птицы, самолёта, вертолётa и аэростата. Но по большому счёту это знание было сейчас совсем не важно. Она и без него справлялась с пилотажем — мысленные импульсы легко отправляли её в любые режимы полёта.

— А ну-ка! — приказала она себе и взмыла ввысь стрелой.

Это было не передать, не описать! Это можно было лишь пережить. Она бешено пронзала пространство, а время то ли растянулось, то ли сжалось, то ли выгнулось дугой, и в этом изгибе вроде бы мелькнула чья-то нехорошая, холодная усмешка.

* * *

Герману тоже довелось полетать, правда, в совсем иных условиях и с иным сюжетом...

Но прежде, чем отправиться в полёт, он оказался облачён в неожиданное одеяние: на удивление ловко сидящий защитный костюм, состоящий из аккуратно гнутых металлических пластин, соединенных невероятно прочной тёмной тканью. Завершали облачение шлем и короткий меч, напоминающий римский гладиус.

Мир сделался неясным, туманным в прямом смысле слова: Германа окутала серая муть, в которой он ничего не видел, но интуитивно угадывал дорогу, по которой и пошёл, поскольку понял, что оставаться на месте нельзя.

Идти пришлось недолго. Примерно через десять шагов туман распался — иначе не скажешь, — и его серые ошметки превратились в бесчисленную толпу человекообразных существ. В сутулых, длинноруких призраках без пола, возраста и лиц. Намерения тварей были понятны без пояснений, и Герман, не раздумывая, ринулся в бой.

Один против всех.

И резко, с чрезмерной яростью, ударил мечом ближайшего призрака.

Лезвие легко, как туман, рассекло серое, и тварь прахом осыпалась к ногам героя.

— Вот так!

Но радоваться рано! Рассыпался первый, за ним второй, третий... Но, убивая четвёртого, Герман почувствовал холодное прикосновение к шее — сзади! Развернулся, одновременно нанося рассекающий удар, и понял, что почти окружён.

Их было слишком много!

Кто-то вцепился в ноги — удар! Кто-то ухватил за пояс — взмах мечом, и серая конечность отлетает прочь. Кто-то снова тянется к шее...

Герман был быстр и силен, но тварей оказалось слишком, слишком много. При этом они двигались, нападали и умирали без малейшего звука — ни крика, ни хрипа, ни шумного дыхания, — как будто они уже были мертвы и герой лишь завершал их жизненный путь. Удары рассекали врагов, и хотя под острой тяжестью меча ощутимо хрустели кости, ткани тварей были какие-то противно-склизкие, будто у улиток или насекомых, и не кровь плескала из смертельных ран, а бледная жижа.

Герман бил беспощадно, с короткого замаха, но так люто, что ни крупинки импульса удара не пропадало впустую. И серые валились вокруг, как снопы. Герман вошёл в холодный, расчётливый раж, рубил и рубил, сокрушая тварей быстрее, чем они успевали окружить его, и медленно пробивался вперёд.

И пробился!

Выскочил из липкой слизи смертоносного тумана, да так неожиданно, что машинально взмахнул мечом в пустоте. И нелепо дёрнулся, когда не нашедший врага клинок резко пошёл вниз...

Никого!

Орда нелюдей исчезла бесследно, как морок, как дурной сон, и память дивным образом отгородилась от бойни: секунды не прошло, а Герман и не вспоминал сражение, инстинктивно готовясь к новым испытаниям.

Туманная дорога привела его в густой, почти сказочный лес. Вокруг — глухая чаща с толстыми деревьями и вставшими непролазной стеной кустами. Наверху, в просветах крон, угадывалось беспокойно-облачное небо.

И в тот самый миг, когда Герман разглядел далёкую синеву, невидимая сила мягко отняла его от земли и повлекла ввысь. Сначала он испугался, решив, что оказался в ловушке, но через несколько секунд понял, что может управлять полётом с той же лёгкостью, что и ходьбой.

Это казалось невероятным.

Это было прекрасным.

Правда, подъём получился недолгим. Минуты не прошло, и воин оказался над лесом, выглядевшим теперь, как тёмно-рыже-буро-зелёное рыхло-холмистое поле под лазоревым небом. Им можно было бы залюбоваться, но...

Стоп! Вот оно!

Недалеко от Германа синеву неба нарушала отвратительной черноты туча, а прямо под ней таранил безупречный простор островерхий, лишённый растительности холм.

— Сюда?

Разумеется, сюда.

Лысая гора! Она — средоточие зла, а грозное пятно — его отблеск на небеса. Тень зла! И Герман, Дон Кихот наших дней, должен избавить мир от скверны.

Вперёд!

Стремительный полёт. Ветер стекает по глазам так, что выступают слёзы, но это ерунда... Ерунда на фоне охвативших воина ощущений: Герман не любил выставлять чувства напоказ, но не сдержал восторженный вопль, пережив невероятно сладкое ощущение свободного полёта. Захотелось взмыть ввысь, в бездонность неба — как ракета! Захотелось покрутиться в чистоте неба, развлекаться фигурами высшего пилотажа. Захотелось радоваться невиданной свободе...

Но он осадил себя: сперва — дело.

Продолжил полёт к Лысой горе, а ещё через несколько секунд оглянулся, услышав шум хлопающих крыльев, и холодно прищурился, увидев трёх мчащихся на него чудовищ.

Больше всего они походили на древних летающих ящеров, птеродактилей, только крупнее и отвратительнее, оснащённые рогами и лапами с длинными острыми когтями. Их зубастые пасти скалились в мерзких ухмылках, а глаза пылали злобой — почти человеческой. В небе они выглядели неестественно, было непонятно, как такие здоровяки способны оторваться от земли, но летели быстро, и кожистые крылья рассекали воздух с резким свистом.

От нетерпения и желания поскорее напасть твари сбились в кучу, нарушили боевой строй, двое задели друг друга крыльями, потеряли ритм полёта, и это обстоятельство дало Герману дополнительный шанс. Воин планировал подпустить ящеров как можно ближе, затем резко взмыл вверх, используя своё преимущество в скорости и маневренности, и атаковать с высоты, но, столкнувшись, твари подыграли ему, одному птеродактилю пришлось уйти вправо, второй же сбросил скорость, беспорядочно захлопал крыльями, и Герман стремительно нырнул под него, проскользнул мимо страшных когтей, почти до рукояти вонзил меч в беззащитное брюхо зверя и потащил вперёд, распарывая врага, как набитый мусором мешок.

Небо огласил жалобный вой.

Выскочив из-под ящера, Герман взмыл вверх с разворотом — сам того не зная, выполнил полноценный иммельман и увидел красивое: распоротый враг камнем летит к земле, попутно бомбардируя её чем-то красным, а две другие твари растерянно мечутся вокруг, пытаются сообразить, как именно они потеряли собрата.

— Учитесь! — в восторге завопил Герман, хотя, конечно, ничему он не собирался этих гадов учить.

Только убивать!

И ринулся в следующую атаку.

Второй монстр так и не понял, что случилось, и даже вряд ли ощутил страшный удар в основание черепа. Просто — раз! — и выключился свет. Причём навсегда. Атака сверху — одна из самых неприятных в воздушном бою.

Второй победный крик, второй вопль умирающей твари, вторая туша, ломающая ветви при падении к земле. Два — ноль в пользу Германа, но оставался третий враг, и расслабляться нельзя...

И не получилось.

Третий ящер знал цену времени в бою и набросился на Германа в то самое мгновение, когда воин праздновал победу. И должен был разорвать его, но в самый, в самый последний миг Герман ухитрился извернуться, сотворив совершенно невозможное сальто, и вместо смертельного удара когтём получил лишь мощный толчок, швырнувший его в сторону ближайших облаков.

Закувыркало так, что где там небо, где земля! Земля-небо-земля-небо-земля-небо! Сумасшедший вихрь сбил с толку, с ориентации, едва не заставил забыть о том, что в любой момент огромный ящер окажется на расстоянии удара, и тогда уж точно не спастись...

Но не заставил.

Герман шумно выдохнул и «выключил» полёт. И тут же рухнул вниз, к вершинам деревьев, рухнул, но перестал вертеться из стороны в сторону и в самом деле избежал следующего выпада подоспевшей твари.

Ударился о ветки, вновь «запустил» полёт, остановился, ухватился за толстый сук и замер, тяжело дыша. Ящер тенью скользнул над головой, высматривая, куда упал воин, развернулся и пошёл на снижение.

— Я здесь, придурок, здесь!

Герман взмахнул рукой, привлекая внимание разъярённой твари, убедился, что замечен, и стал медленно спускаться к земле... И рассмеялся, увидев, что враг попал в заботливо приготовленную ловушку.

Здесь, в чаще, среди могучих стволов и переплетения толстых ветвей, размеры ящера играли против него: тварь не могла повернуться, с трудом взмахивала крыльями, выглядела неуклюжей, как слон в посудной лавке — и была такой! — а маленький на её фоне Герман мгновенно заполучил огромное преимущество.

Атака!

Герман ловко избежал удара лапой, ушёл птеродактилю за плечо, обогнул крыло, вновь вернулся и вонзил меч точно в сердце врага.

И быстро отлетел в сторону, не мешая твари падать на землю.

Победа!

Смрадные гады сдохли, мир сделался чище, и сквозь бурную радость от виктории пробилась ясная и яркая мысль:

«Это твоё призвание, воин! Это твоя жизнь...»

* * *

Бранделиус не мог покинуть кресло — исходящая из камня энергия проходила сквозь мастера церемонии, навсегда скрепляя его с иницилируемыми людьми, и Парацельс не рекомендовал мастеру менять местоположение, — однако это обстоятельство не мешало Антону внимательно следить за происходящим.

Для постороннего глаза, правда, и следить-то было не за чем: шесть человек валяются в креслах и на подушках, дыхание спокойное, позы расслабленные, естественные и очень вольные. С виду — спят. Или ловят кайф. Или загипнотизированы до потери ориентации. Другими словами, на что тут смотреть? Тем более — внимательно.

Но Бранделиус знал, на что.

По редким вздохам и едва уловимым всхрипам, по незаметному подрагиванию пальцев и век, по играющим уголкам губ и редким сменам поз Антон пытался читать происходящее за пеленой церемонии, силился узнать, а точнее, угадать, кто и каким вернётся в реальный мир из тех увлекательных странствий, которые они сейчас переживали.

И которые вцепились в них, податливых и ничего не понимающих, чтобы изменить навсегда.

Когда ты смотришь в бездну, бездна смотрит в тебя...

А эти шестеро в неё не смотрели — они в бездну нырнули. Растворились в ней в надежде измениться. В желании измениться. Но они не знали, какую цену придётся заплатить за прикосновение к Неизведанному.

За невероятную силу, которую каждый из них обретёт.

— Парацельс... — прошептал Бранделиус, разглядывая своих будущих рабов. — Ты ведь меня не подведёшь, правда? Твой рецепт сработает, и я обрету власть. Настоящую власть...

И сердце его сжалось в тревожном и радостном предчувствии.

* * *

А Сатурн оказался в лабиринте: стены тёмного камня, холод, вызывающий облака пара при дыхании, под ногами иногда — лужи. И всегда — тьма над головой. То ли потолок затерялся где-то высоко, то ли вовсе нет его, не сделали, а давит на запертого здесь человека именно тьма.

Живая.

Гнетущая.

Тьма...

Он в лабиринте, а откуда вошёл — непонятно, и где искать выход — неясно. Ничего не ясно, кроме того, что коридоры уходят прочь на каждом шагу, их много, но они похожи, как близнецы...

И вдруг — чья-то тень!

Сатурн, не раздумывая, бросился на замеченное движение: поворот, краткий прямой отрезок коридора и ещё один поворот! — на сей раз вправо. Теперь длинный коридор, уходящий в непроницаемую тьму, но в этой тьме опять же мелькнуло нечто... или не мелькнуло вовсе, а почудилось... или не почудилось?

Быть может, это были только шорох, вздох, шелест... и погнался он не за чем-то настоящим, а за своим желанием найти хоть кого-то... Или...

Как бы там ни было, а Сатурн в угрюмом азарте ринулся за мимолётным видением. Хоть тресни, а догнать призрак во тьме, развернуть, заглянуть в незнакомый лик! — это стремление нестерпимо жгло изнутри.

Охваченный столь неожиданным, но крайне ярким порывом, Сатурн мчался, несуразно взмахивая руками — словно разгребая непроглядную черноту, остро вздрагивая от желания настичь таинственную сущность. Хотя он не только не видел её, но и не особенно думал о ней — просто бежал во мраке со страстно перекошенной душой навстречу неведомому. Бежал, бежал, да так и выбежал вдруг из узкого коридора в обширное пространство.

Мрак здесь рассеялся, и пленник лабиринта смог оглядеться.

Он оказался в большой сумрачной зале с дымчатыми зеркальными стенами, бесчисленное множество раз отражающими самое себя. Обманывающими хуже тьмы. Рассеивающими внимание и убеждающими, что отсюда не выбраться.

Шаг — холодное стекло.

Шаг — холодное стекло.

Шаг...

«Где выход?»

Сатурн вспотел от нестерпимой тревоги, задрожал, почти запаниковал, но вдруг... Волшебным проводником мелькнула давешняя тень.

— Есть!

И снова бешеный бег за неизвестным. И какое-то сверхестественное чутьё не позволяет ему врезаться в предательские зеркала, на которые он только что наткнулся при каждом движении. Показалось... Могло показаться, что неуловимая тень стала ему проводником, не только задающим верное направление, но и оберегающим от опасностей.

Могло так показаться, если бы Сатурн дал себе труд разобраться в происходящем. Но он просто бежал, думая лишь о том, чтобы догнать... Догнать то, о чём ничего не знал...

Время странно заплясало, и из обычного, ровно текущего потока внезапно превратилось в дёрганое мельтешение нанизанных одно на другое событий и мест, закрутилось, подобно самому лабиринту, то и дело бросая Сатурна то в прошлое, то в неизведанное.

Он видел скромный дом, в котором родился, и грандиозные дворцы, которых не было; видел себя на первом свидании и на похоронах; путался, глядя в незнакомые лица, и лишь потом понимал, что видит родных — прадедов и внуков... И продолжал бежать, потому что, когда он останавливался — время пропадало и тьма, до сих пор царившая над его головой, начинала опускаться, грозя поглотить и лабиринт, и его, Сатурна, ничего не понимающего...

— Есть!

Неведомая тень внезапно отразилась во всех зеркалах. Пискнула, словно от страха, и Сатурн, изловчившись, набросился, крепко обхватив добычу двумя руками...

И упустил! Потому что тень тут же рассеялась струйкой тёмного дыма.

«Куда ты делась, гадина?»

Он завертелся на месте, но видел только зеркала. Снова — зеркала. И ничего больше. Ни намёка...

«За кем я бежал?»

И ответная мысль поразила Сатурна до глубины души: «За собой...»

* * *

«Забытьё...»

Даша до последнего момента понимала, что волшебная смесь таинственного напитка, распевного заклинания и нарастающей концентрации силы отправляют её в забытьё. До последнего понимала, что всё вокруг окажется ненастоящим. Готовилась к миру галлюцинаций...

И позабыла о данных себе предупреждениях почти мгновенно — слишком уж отчётливой и живой оказалась новая реальность.

Мрачной, но живой.

Настоящей.

Это был крайне аскетичный мир. Мир камня, песка и пустоты. Безднадёжный, как долги пропойцы, и колючий, как дикобраз.

Дарья стояла посреди невиданной огромности простора, ровного, как будто укатанного асфальтовым катком, жёлтого, словно раскрашенного, сливающегося далеко-далеко с высушенным до блёклой голубизны небом. Солнце светило ослепительно, но, как ни странно, совсем не жарко, как будто некто невидимый приглушил подачу тепла, но выкрутил на максимум яркость.

И всё.

Кроме солнца, неба и смеси утоптанного песка и торчащего камня, больше ничего не было. Только Даша. Обнажённая и не стыдящаяся этого.

Голый человек в голом мире.

Эта мысль была странной не по содержанию, а по происхождению: она отчётливо налетела извне, как будто ветер дунул и принёс. Но Дарья не успела удивиться чужой мысли... или чужому шёпоту... как ветер и вправду подул, легонько прикоснувшись к лицу, шее, груди...

И сладостная дрожь пробежала по телу.

Этот тёплый, ласкающий, бархатный ветерок обладал вкрадчивым волшебным свойством: он был подобен сильным мужским рукам, умеющим в должный момент делаться нежными, почти невесомыми, но при этом не теряя силы, ясно ощущаемой женским телом за легчайшими прикосновениями...

Знакомая, ох знакомая история...

Дарья замерла в нарастающей истоме, закрыла глаза...

Голый человек в голом мире...

Дрожь превратилась в лёгкий озноб, покрыла тело мурашками, а ветер стал сильнее, приобретая всё больше и больше сходства с действиями мужских рук. Ветер терял стыд, мягко, но настойчиво проникая в самые потаённые местечки, осваиваясь и лаская, ветер действовал умело, и в какой-то момент Даша не сдержала протяжного стога. Не финального — первого. И с удивлением поняла, что впервые в жизни испытывает столь обжигающе-острое предчувствие восхитительной близости.

Восхитительной — в этом не было никаких сомнений, потому что столь длинная и умелая прелюдия не могла, не должна была завершиться унылым пшиком. Не имела права.

— Хочешь? — песком прошуршал ветер.

— Да... — с вожделением выдохнула девушка.

— Мой мир пуст, но ты можешь наполнить его...

Пауза шелестит среди обломков скал.

— Чем?

— Любовью...

Какой простой и в то же время всеобъемлющий ответ! Логичный, потому что чем ещё можно наполнить мир? Что ещё нужно миру, который гол и мрачен?

Только любовь.

А ветер вдруг обрёл плоть. Широкие плечи, крепкие руки и загрубевшую кожу. Ветер обрёл густые волосы до плеч и сводящий с ума запах жаждущего ласки самца. Ветер легко, как пёрышко, подхватил девушку на руки, и она увидела его голубые глаза.

«Любовь?» — беззвучно спросил он.

«Любовь», — беззвучно подтвердила она.

И в следующий миг почувствовала, как ветер входит в неё — мягко, но властно. Наполняя её восторгом и таким блаженством, которого она не испытывала никогда в жизни...

* * *

Талантливые музыканты, они — словно камертоны бытия — сами по себе волшебники, умеющие создавать удивительной красоты и силы мыслеобразы, способные унести людей в другие миры.

Хоть на мгновение...

Хоть на миг...

И потому Марат, в отличие от остальных участников церемонии, без удивления воспринял мир, в котором оказался. Он не мог вспомнить, приходилось ли ему когда-нибудь здесь бывать, но если вдуматься, это не имело особенного значения: миры, будто облака, всегда ходили вокруг, менялись, наливаясь разными оттенками настроения, бледнее и странно, неуловимо звуча... именно из этого синтеза форм, цветов и звуков и возникали потом настоящие мелодии.

Однако сейчас мелодий не было. То есть, возможно, и были, но не в них дело, они ушли на дальний план.

Окружающее не исчезло, но изменилось геометрически и физически. Оно сомкнулось вокруг и одновременно вытянулось — мир стал похож на трубу, в конце которой сверкал неугасимый свет. И всё существо Марата неожиданно востребовалось и загорелось желанием бежать туда, к манящему огню, к свету, который казался наградой.

«Да! — Он чуть не задохнулся от переполняющих душу эмоций. — Да! Да!»

Так и должно быть. Он это знал и раньше, это не было новинкой для него, но всё-таки... Всё-таки сейчас всё происходило иначе, чем прежде, в старых партитурах, с помощью которых он только нащупывал возможности. Сейчас его сила звучала по-настоящему, сыгранным оркестром, а значит — новая стадия.

Прыжок...

И нужно обязательно достичь света и уйти...

Марат обернулся и обомлел: позади стояли люди.

Их много — огромная толпа, теряющаяся в противоположном, сумрачном конце тоннеля, но именно люди, а не унылая серая масса. У каждого — своё лицо, свой взгляд, свой образ. Они молчат, но не потому, что немые, — они ждут: побежит или останется? Рванёт ли к свету, задыхаясь от желания и азарта? Останется ли здесь, в полумраке, где есть место и свету и тьме? Чтобы идти вместе: пусть медленно, зато поддерживая друг друга.

Кто ты: мотылёк или пахарь?

Хочешь ли ты неизведанного сразу или предпочтёшь осторожность?

Молчание. Молчание людей. Молчание музыканта.

Тишина...

Внутри — бурление страстей и обжигающие вспышки яростных призывов: «Скорее!»

Свет манит, дорога кажется удобной и уж точно прямой, может быть, и далёкой, но понятной. Мир, свёрнутый в трубу-тоннель, буквально подталкивает к решению: «Бежать!»

А молчание за спиной гнетёт якорем.

Они не зовут, но они — свои. Невидимые крылья, трепещущие от предвкушения стремительного полёта к свету, негодуют на корни.

От чего-то нужно избавиться... Отрезать...

Но от чего?

Родное или неизведанное? Какая ставка сыграет? Что принесёт удачу: осторожность или риск? Чья мелодия звучит ярче?

И в тот же миг, словно исполняя услышанный приказ, мир-труба-тоннель наполняется музыкой. Уверенной, привычной — из тишины корней и звонкой, неожиданной — со стороны света. Из сплетения сияющих огоньков. Из неведомого...

Музыка света обжигает Марату душу, и противиться неудержимому влечению становится невозможно.

«Это не риск, — шепчут тёплые светлые лучи. — Это поиск...»

«Знаю», — отзывается Марат, решительно обрубая корни...

* * *

Тишина...

Может быть, именно её он ждал? О ней мечтал, прогуливаясь меж наполненных неведомой силой берёз? К ней стремился в снах?

Тишина...

Виктор сидел в маленькой лодке, медленно дрейфующей посреди безбрежного океана, и

наслаждался невероятной, оглушающей и раздирающей душу тишиной.

И одиночеством.

Абсолютным уединением.

Наслаждался свободой от чужих голосов и взглядов, прикосновений и запахов, дружеских улыбок и вражды. Наслаждался тишиной снаружи и тишиной внутренней, покоем, в который привёл его огромный океан.

И ещё он наслаждался потрясающим закатом, что разгорался прямо по курсу. С восторгом смотрел на кучерявые облака, медленно наливающиеся багровым, на небо, лазурь которого смешивалась с уходящим к линии воды солнцем, на море, вбирающее смесь всех оттенков заката.

Великолепие умирающего дня потрясло воображение, и Громов поймал себя на мысли, что готов вечно смотреть на буйство красок, с которым свет уступал место тьме, но солнце неожиданно провалилось, лучи какое-то время сопротивлялись, но поддались неизбежному — ушли.

И океан окутала Тьма...

* * *

— Нет! — Герман вскочил на ноги, но тут же присел, напряженный, готовый к удару, и диковато повторил: — Нет!

— Что? — повернулся к нему Бранделиус.

— Ушёл! — Рыжий понял, что охота завершена, мир снова поменялся, и он заметно расслабился — словно получил команду. — Тварь одна ушла...

— Во сне?

— Нет, на Лысой горе... — Герман хотел продолжить, но распахнувший глаза Громов заставил его замолчать и вернуться на диван.

— Что? — повернулся к нему Бранделиус.

— Ушёл! — Рыжий понял, что охота завершена, мир снова поменялся, и он заметно расслабился — словно получил команду. — Тварь одна ушла...

— Во сне?

— Нет, на Лысой горе... — Герман хотел продолжить, но распахнувший глаза Громов заставил его замолчать и вернуться на диван.

Бранделиус кивнул с пониманием, перевёл взгляд на следующего возвращенца, но задать вопрос не успел.

— Крылья... — с блаженной улыбкой протянул очнувшийся Марат, заводя руки за голову. — У меня были крылья...

— А я летала просто так, — обронила Карина.

А затем случилось то, чего не ожидал никто из присутствующих, включая Бранделиуса.

— Вы поняли? — срывающимся голосом спросил Сатурн. Вскочил, сорвал с лица очки, обвёл присутствующих полубезумным взглядом и повторил: — Вы поняли, что видели?

Несколько секунд все ошарашенно молчали, изумлённо глядя на Сатурна, а затем нестройно, вразнобой загомонили, торопливо излагая себе и окружающим пережитое, перечувствованное, поразившее... Загомонили громко, перебивая друг друга, не слушая ни собеседников, ни себя, загомонили, выплёскивая накопившееся и важное, а важным было всё. Загомонили, не понимая даже, что с каждым словом становятся ближе друг другу, превращаясь в единую команду.

И только очень-очень опытный взгляд, только исключительно хороший знаток человеческих душ смог бы заметить, что один из участников церемонии делится впечатлениями без характерного для остальных глубокого внутреннего восторга. Едва ли не через силу. Делится лишь потому, что не хочет отличаться от остальных...

ГЛАВА 4

Домой Виктор и Даша ехали молча и как будто не вместе, осваивая новый жизненный опыт каждый в своей раковине, переживая его внутри, не делясь. Они выплеснули ощущения и чувства на общем собрании — громко, как все, почти яростно, а теперь спрятались и крепко захлопнули створки, чтобы кто-нибудь ненароком не влез...

Они прошли через Невиданное, но оно их почему-то не сблизило.

Каждый знал почему, но не хотел делиться своим знанием с другим.

Они теряли то, что у них было. Или начали терять. Сделали первый, малюсенький, но очень важный шаг... И не поняли, что происходит.

Они молчали.

Виктору такое поведение Даши показалось странным: насколько он знал возлюбленную, из неё должен был хлынуть поток рабочих версий произошедшего, как правило — научных или приближённых к ним, возможно — смешных, юмористических, но она... Она — рот на замок и взгляд отводит, словно обиделась. Но в действительности — задумалась.

О чём?

Громов покосился на девушку и шутливо поинтересовался:

— Уснула?

— Думаю, — кратко и вроде бы неохотно отозвалась Даша.

— Обычно ты думаешь вслух.

— Так то обычно, а сейчас у нас время необыкновенных историй...

— Рождественских.

— Вроде того.

— И что это значит?

— Мне нужно всё осмыслить. — Девушка снова отвернулась. — Честно говоря, я не в себе.

— В смысле — удивлена?

— В смысле — хотела бы помолчать.

Намёк был настолько очевиден, что Виктору не оставалось никакого ответа, кроме короткого:

— Извини.

Но тоном он чётко дал понять, что не прочь продолжить разговор. Знал, что услышан и понят правильно, однако девушка поёрзала в кресле и... промолчала.

Почему?

Дарья замкнулась, едва они вышли из дома Бранделиуса. Там, в компании, девушка вела себя, как все: эмоционально делилась впечатлениями, смеялась, даже выпила немного, «чтобы снять напряжение»... Но стоило им остаться вдвоём — «задумалась».

Почему?

Началась следующая стадия осмысления произошедшего? Или дело в нём? Вдруг она инстинктивно чувствует его ложь? Нет, не ложь...

Громов не хотел признаваться — даже себе, — что врёт.

Не ложь — его растерянность, если хотите, его удивление и тревогу. Да, именно так: удивление.

Прислушиваясь к тому, что рассказывали остальные, Виктор ощущал восторг ошарашенных ребят, их полную вовлечённость в происходящее и глубокий интерес. Они вышли из «того мира», но остались в нём. Церемония не просто произошла — стала их частью, и это было заметно в каждом слове, в интонациях, в жестах. Громов ощущал всё это у них, но не чувствовал в себе. Искал, но не находил.

Ему было хорошо в той лодке, он с удовольствием насладился величием океанского заката, но не пережил чего-то потрясающего. Его «не задело». Хотя он изо всех сил старался показать, что это не так.

Он лгал.

Неужели Даша это почувствовала?

Пауза становилась невыносимой. Виктор деликатно кашлянул, привлекая к себе внимание, и как можно более непринуждённо произнёс:

— Слушай, а твоя пустыня...

— Голая земля, — с отсутствующей улыбкой поправила его девушка.

— Извини. Твоя голая земля... Ты сказала, что тебе было хорошо на ней?

— Да.

— Чем?

— Ощущение полной безопасности... — Даша пожала плечами — Виктор увидел это боковым зрением. — Спокойствие... Свобода...

— Там ведь пусто.

— Не важно...

Она ничего не сказала о безудержном и упоительном соитии с ветром, обратившимся неутомимым любовником. Никому не сказала. Повела обо всём, но в какой-то момент в душе девушки щёлкнул тумблер, и слово «секс» было заменено на «свободу». Даша делилась настоящими чувствами, но прятала их истинное значение, и это её корбило.

Задевало.

Она не хотела врать Виктору, но понимала, что не должна его ранить. Ей пришлось промолчать, и внутри её возникло чёрное пятнышко злости. Ещё маленькое.

Но оно появилось.

А злость — она живучая, не уходит и способна прорасти даже из микроскопического семечка...

— Как думаешь, насколько реальны миры, в которых мы побывали? — тихо спросил Виктор.

— Если мир — это поток ощущений, то на сто процентов, — тут же отозвалась Даша. — Я стояла под тем солнцем, я вдыхала тот ветер, шла по той земле... Никто не убедит меня в том, что этого не было.

— А насколько реальны теперь мы?

— Что? — Этот вопрос не приходил ей в голову.

— Мы увидели другие миры, пережили нечто непонятное...

— Мы стали другими, — подхватила девушка. — Или станем другими... Это ты имел в виду?

— Да.

— Но разве мы не реальны?

— А вдруг наша сила находится только здесь? — Громов прикоснулся указательным пальцем к виску. — Вдруг мы всего лишь представляем эту реальность?

— Для чего же Антон нас собрал?

— Я... — Одно дело строить гипотезы, и совсем другое — объяснять реальные действия людей. Допустим, Бранделиус наделил команду воображаемой силой — зачем? И Громов был

вынужден признать: — Не знаю.

— Вот и не фантазируй, — рассмеялась Даша. — Нужно принять то, что произошло, и посмотреть, что из этого получится.

— Согласен. — Они почти подъехали к дому, к их дому, и пауза стала давить его едва ли не физически. Стала давить так, что Виктор не смог удержаться и негромко, но очень проникновенно произнёс: — Я люблю тебя.

— Я тоже... — крохотная, едва заметная пауза, — тебя люблю, — ответила Даша.

* * *

— Как ваши дела, Вера Павловна? — участливо осведомился Меркель, галантно помогая пожилой посетительнице усесться в кресло.

— Всё хорошо.

— Точно? — Он расположился напротив, на среднем расстоянии: рядом, но не очень близко, и эта дистанция позволила ему чуть подать корпус вперёд, жестом изображая глубокий интерес к делам посетительницы.

— Абсолютно. — Женщина смотрела на шамана, как на бога, ну, или на полубога: с доверием, которое невозможно в обычном общении.

— Сны больше не тревожат?

— После вашего обряда сплю, будто убитая, вообще никаких снов не видела.

— Не скучаете по ним, Вера Павловна?

— Честно говоря, я очень рада, что избавилась от тех сновидений. — Неприятные воспоминания на мгновение омрачили чело женщины, правая рука сжалась в кулак, но уже через секунду она справилась с эмоциями и улыбнулась: — Мне стало значительно спокойнее.

— Значит, наши труды не пропали...

— Как вы можете так говорить, Авдотий Платонович? — возмущённо перебила его женщина. — Ваши труды не просто не пропали: вы сделали меня другой! Вы помогли мне!

— Замечательно. — Он накрыл её ладонь рукой и так помог успокоиться. — Это был просто речевой оборот.

— У меня закончился травяной чай, — сообщила Вера Павловна.

— Я догадался, — не стал скрывать шаман. — И приготовил пакет вашего любимого.

Он выложил на стол объёмный свёрток.

— Вы всё всегда знаете наперёд, Авдотий Платонович.

— Я должен, Вера Павловна, я должен...

— Верно...

Они поговорили ещё минут пятнадцать. Женщина пожаловалась на сына: «Непутёвый, никак на работу не может устроиться!» — спросила, можно ли дать телефон шамана двоюродной сестре: «У неё ноги в последнее время болят», расплатилась за чай и ушла. Спокойная. Умиротворённая.

— Верно...

Они поговорили ещё минут пятнадцать. Женщина пожаловалась на сына: «Непутёвый, никак на работу не может устроиться!» — спросила, можно ли дать телефон шамана двоюродной сестре: «У неё ноги в последнее время болят», расплатилась за чай и ушла. Спокойная. Умиротворённая.

Выходя из Дома культуры, столкнулась с высоким мужчиной в старомодном элегантном костюме. Тот вежливо придержал перед нею скрипучую дверь. Кивком поблагодарила и направилась к автобусной остановке.

А мужчина прошёл к офису шамана, уверенным толчком распахнул металлическую дверь, вошёл, на ходу снимая шляпу, кивнул поморщившемуся белорусу и без приглашения уселся в одно из потрёпанных кресел.

— Серьёзно? Травяной чай? Перепродаёшь таёжные сборы?

— Подслушивать нехорошо, — недовольно ответил Меркель.

— Обыкновенная предосторожность, — пожал плечами гость. — Меня не интересуют твои секреты.

«Потому что у тебя своих полно...» Шаман уже понял, кто перед ним, но продолжал изображать простачка, не желая переходить к главной теме.

— Год назад Вера Павловна стояла на пороге безумия, у неё случилась чёрная полоса в жизни, которая привела к затяжной депрессии, — со вздохом поведал он удивлённому собеседнику, которого абсолютно не волновало прошлое случайной старушки. — Вера Павловна не думала о самоубийстве, но почти сошла с ума. Я её вытащил. — Пауза. — Магическое вторжение происходило в допустимых пределах.

— Я не проверяющий, — уточнил мужчина.

— Тогда что вас интересует... Э-э? — Авдотий поднял брови, состроив на круглой физиономии вопросительное выражение, и посетитель с достоинством ответил:

— Брат Петриус.

Добавлять что-то ещё он не счёл нужным, но любой маг, знакомый с реалиями Тайного Города, в объяснениях и не нуждался: эрлиец, подданный Тёмного Двора, выходец из семьи, занимающейся врачеванием тысячи и тысячи лет.

— Что вас интересует, брат Петриус?

— Ты знаешь, что.

— Вы слишком высокого мнения о моей проницательности, — развёл руками шаман. — Мне, безусловно, приятно видеть в своём офисе столь значимую персону, но...

— Яан Сиби! — резанул Петриус.

Фраза вызвала лёгкое, великолепно сыгранное замешательство.

— Что вы сейчас произнесли?

— Имя.

Меркель цокнул языком, эрлиец улыбнулся. Но при этом понял, что кругленький белорус готов изображать дурачка сколь угодно долго, и решил взять быка за рога:

— Я знаю, что это ты написал мне о Сиби. Больше просто некому.

— Я не единственный колдун из Тайного Города, практикующий в Уфе, — попытался отбиться Меркель. — У нас есть настоящие ведуньи...

— Ты — единственный здесь контрабандист магической энергии и потому нужен Сиби, — отчеканил эрлиец. — Он не мог не прийти к тебе.

— Простите? — Настоящие контрабандисты крайне болезненно реагировали на подобные обвинения, особенно из уст подданных Тёмного Двора.

— Я — прощу, а Служба утилизации?

Несколько секунд мужчины внимательно смотрели друг другу в глаза, после чего белорус одарил собеседника широчайшей улыбкой и предложил:

— Может быть, начнём разговор заново?

— Зачем? — удивился эрлиец. — Мы только-только определили свою позицию и поняли друг друга.

— Вы меня незаслуженно оскорбили.

— Жизнь полна неприятных сюрпризов.

— А если я попрошу вас уйти?

— Ну, попроси, — предложил брат Петриус, поудобнее устраиваясь в кресле. — Можешь начинать прямо сейчас.

Ещё одна пауза, после которой шаман окончательно сдался:

— Чего вы хотите?

— Я тоже считаю, что нет никакой необходимости усложнять наши взаимоотношения, — рассмеялся эрлиец. Однако глаза его оставались холодными. — Мне абсолютно безразличны твои контрабандные делишки, Меркель, мне нужен Сиби, и я не хочу тратить время на его поиски. Я уже провёл магическое сканирование Уфы, но его не обнаружил, значит, Сиби прячется, поэтому просто скажите мне, где он, и мы расстанемся.

— Навсегда? — с надеждой поинтересовался белорус.

— А как бы тебе хотелось?

Вместо ответа Авдотий молча взял листок бумаги, карандашом написал на нём адрес и подвинул эрлийцу.

— С тобой приятно иметь дело.

— Не за что.

Несмотря на тонкий намёк, благодарить собеседника эрлиеца не стал. Поднялся, надел шляпу, повернулся к двери, но задержался:

— У старушки аллергия на одну из трав, входящих в рецепт чая. Вычисли, на какую, и замени, иначе через пару месяцев ей придётся лечить серьёзное кожное раздражение.

— Знаю, — буркнул Меркель.

Эрлиеца всё понял, приподнял брови, демонстрируя лёгкое удивление, а затем поморщился:

— Шарлатан.

— Мне нужно кормить большую семью...

...От старенького ДК, в котором располагался офис шамана, брат Петриус уехал на такси — не хотел показывать Меркелю напарника, с которым встретился, лишь убедившись, что белорус не устроил за ним магическую слежку.

— Вот адрес. — Петриус протянул помощнику листок. — Соби снял дом.

— Навестить его?

— Проведи предварительную разведку, — велел эрлиеца. — Оглядишься, установи наблюдение... Соби наверняка устроил прекрасную защиту, поэтому постарайся себя не выдать.

— Разве не проще сразу отправиться по адресу и решить наши дела? — удивился Кери. — Я думал, вы охотитесь за артефактом...

— Да, — подтвердил брат Петриус.

— Так давайте его заберём!

— Не всё так просто... — Эрлиеца задумчиво прищурился. — Мне кажется, Соби уже активизировал артефакт.

— У вас есть доказательства?

— Я предлагаю тебе оглядеться.

— И тогда... — До Кери наконец дошло: — Вы хотите, чтобы он активизировал артефакт, так? И если Соби до сих пор этого не сделал, мы будем ждать.

— Я хочу увидеть то, что произойдёт, но не испытываю желания отвечать потом перед Великими Домами, — объяснил очевидное брат Петриус. — К тому же ни один из экспериментов ещё не закончился успехом...

— Почему?

— Никто не знает, — развёл руками эрлиец. — Отчёты обрываются, а в хрониках написано лишь то, что эксперименты были прерваны.

— Вас это не смущает? — быстро спросил Керо.

— Смущает, — не стал скрывать брат Петриус. — Но я — исследователь. Мне выпала удивительная возможность изучить эксперимент в его развитии, пусть даже со стороны, и я её не упущу. А на случай опасности у меня есть ты.

Лесть Керо пропустил мимо ушей. Помолчал, обдумывая слова врача, после чего уточнил:

— Разве со стороны можно что-то узнать?

— Если не получится, изменим тактику.

— Хорошо. — Решение принято, решение объяснено, цель ясна, а это для Керо было самым главным: понимание обстановки. Теперь он будет рассчитывать свои действия исходя из поставленной задачи, но... Нужно было прояснить ещё один момент: — По вашему мнению, почему Меркель сдал Сиби?

— Они могли поссориться, — предположил эрлиец. — Например, из-за денег.

— Но почему Меркель не запросил награду? Почему предпочёл действовать инкогнито?

— Гм... — Увлёкшись основной частью происходящего, брат Петриус не обратил внимания на детали, показавшиеся его телохранителю существенными. — И почему же?

— Полагаю, Меркель собрался принять участие в нашей игре, — ответил Керо. — Сиби наверняка произвёл на него сильное впечатление, нагнал таинственности, возможно — как-то оскорбил, и Меркель решил узнать, что происходит, дабы использовать это к своей выгоде.

— Но если он встанет на нашем пути, ты ведь всё уладишь?

Несколько секунд Керо смотрел эрлийцу в глаза, после чего рассмеялся:

— Как всегда.

* * *

Герман не сразу понял, зачем предложил Карине помощь: подбросил до особняка Бранделиуса и теперь вёз обратно. Некрасивая, угловатая и достаточно замкнутая девушка не вызвала у него ни интереса, ни романтического отклика, но Рыжий предложил, получил согласие и даже подождал двадцать минут в машине на улице, потому что Карина проспала... Из-за чего, собственно, они и приехали последними.

Но самое интересное заключалось в том, что когда ждал — не злился, очень ровно и спокойно отнёсся к тому, что женщина опаздывает. И это стало для Германа в некотором роде неожиданностью: обычно он был куда требовательнее. Но разобраться в чувствах Рыжий не успел: они приехали на встречу, затем прошла церемония, затем все начали бурно обмениваться впечатлениями, и только сейчас, возвращаясь домой, Герман неожиданно понял, что устал быть один. Он давно развёлся, с бывшей женой отношений не поддерживал, друзей растерял, всё время тратил на бизнес: управление подчинёнными и общение с деловыми партнёрами — и отчаянно нуждался в ком-то из другого круга.

Вот и предложил.

А она согласилась.

И опоздала.

А он подождал, не разозлился. И сейчас повёз обратно, хотя мелькнула предательская мыслишка: «Разве тебе не надо хорошенько подумать о случившемся в одиночестве? Ты недостаточно поделился во время общего разговора?»

Достаточно на самом деле, но то был общий разговор, со всеми одновременно, а Герману вдруг стала интересна реакция Карины. Не первая, для всех, а сейчас, когда схлынули сильные эмоции.

— Я никогда не думала, что в глубине души мечтаю о крыльях, — улыбнулась она. — То есть я понимала, что романтична, но не думала, что настолько.

— О крыльях мечтают все. Ты удивлена тем, что они у тебя оказались.

— Ты прав, — чуть помолчав, согласилась девушка.

— Я знаю.

Карина удивлённо приподняла брови, несколько секунд смотрела на увлечённого вождением Рыжего, после чего с улыбкой предложила:

— Только не говори, что разобрался во мне лучше, чем я разбираюсь в себе.

— Я просто прокомментировал твои слова.

— Правильно прокомментировал.

— Я знаю.

— Ты что, брат Сатурна?

— Извини.

— Ты извини, — тут же вырвалось у неё. — На самом деле ты прав: я всегда считала, что рождена ползать. И многие меня убеждали в этом. Я даже в мечтах перестала летать, не верила в себя, трусила... А там, в небе, я раскрылась. Я узнала себя другой.

— Это случилось со всеми нами.

— Ты тоже увидел себя иным?

— Удивлена?

— Ты кажешься цельным, сильным. — Девушка говорила искренне, без капли лести. — Мне казалось, ты останешься таким же, только сделаешься ещё сильнее.

Церемонию Герман пережил спокойнее других, как-то увереннее, и Карина это заметила. Там промолчала, но теперь, наедине, высказалась и услышала честное:

— Я действительно остался там таким же, как здесь, но стал...

— Сильнее?

Каждая честность имеет пределы, особенно честность с не самыми близкими людьми. Много ли вы готовы рассказать незнакомцу? А для кого-то наоборот — честность с близкими самая ограниченная, зато случайному попутчику выкладывается самое сокровенное, самое выстраданное.

Герман ещё не знал, насколько может доверять девушке, вот и сбился при ответе. Добрался до скользкого момента — и сбился, задумался над тем, имеет ли смысл откровенничать дальше.

— Я знала, что так будет, — вздохнула Карина. — Всё в порядке.

— Я стал много жёстче, — отчеканил Рыжий. — Я очищал тот мир от скверны.

— Ты был бесстрашным рыцарем?

— Да.

— Но ведь это хорошо.

— Но я убивал.

А следующие слова он произнёс мысленно: «И мне это нравилось...»

— У тебя была благородная цель, а я летала просто так. Порхала, как бабочка.

— Теперь ты веришь в себя.

— Ещё не знаю, насколько, но намного больше, чем раньше, — кивнула Карина. — Но разве для этого была нужна церемония? Чтобы я поверила в себя?

— Чтобы после этого ты пошла дальше.

— Ах вот как ты думаешь!..

Девушка медленно кивнула, показывая, что поняла и согласилась с Германом, помолчала, глядя в окно, а затем попросила:

— Останови здесь.

— Тебе дальше.

— Хочу пройтись.

Герман покосился на Карину, увидел задумчивый, направленный в себя взгляд и понял, что сейчас им действительно пора разойтись, ибо есть вещи, которые необходимо протащить в одиночку.

— Увидимся, — произнёс он, останавливаясь у тротуара.

— Обязательно. — Она вышла из машины, повернулась и улыбнулась ему. — Обязательно!

— Позвонишь?

— Перед следующей встречей?

— Можно и просто так.

— А... — По тонким губам Карины скользнула полуулыбка. — Я подумаю.

Отвернулась и быстро пошла прочь.

«Подумай, — беззвучно ответил Герман, мысленно укоряя себя за то, что слишком торопится. — Подумай и позвони...»

Жили они в Зелёной роще — по названию санатория, что расположился в лесах правого берега Уфимки, неподалёку от Чёртова городища, в котором предки башкир устраивали таинственные ритуалы. Застраивалась «Зелёнка» в 70–80-х годах прошлого века типовыми многоэтажками, народу, соответственно, жило много, и в нынешние автомобильные времена здесь стало чертовски трудно отыскать место для парковки. Герману повезло втиснуть «Субару» в торце дома, после чего он неспешно, продолжая обдумывать разговор с Кариной, добрался до своего подъезда и... И едва не получил по носу: дверь резко распахнулась, и на крыльцо бомбой вылетела раскрасневшаяся соседка по этажу.

— Привет, — вырвалось у едва успевшего отклониться Рыжего.

— Привет! — сердито крикнула она. — Домой?

— Ну да... Что случилось?

— Баллон опять бузит, чтоб его... — Соседка добавила немножко нецензурщины. — Покоя с этим... нет!

Бывший инженер, а ныне — одинокий пьяница Баллон обитал на их восьмом этаже и считался главным несчастьем подъезда, да и всего дома. В последние десять лет из всех возможных состояний человеческого организма ему были знакомы лишь два: запой и похмелье. И если во втором он ещё был как-то терпим, хотя и доставал выклянчиванием денег «на поправку», то в первом — невыносим категорически: впадал в буйство, выскакивал на площадку, бегал по лестнице и двору, орал, что вот сейчас убьёт и зарежет... Правда, не убил, не зарезал, даже перочинного ножика у него никто сроду не видел, но всё равно хорошего мало, а беспокойства много. Мужики пытались его «образумить», один раз даже перестарались и отправили дебошира в больницу, но Баллон не исправлялся, и постепенно на него плюнули, принимая его выходки как заслуженную кару, данную обитателям дома за грехи.

— Ты-то куда?

— Участкового жду, — порывисто ответила Ольга. — Не хочу это слушать.

— А толку от участкового?

— Пусть его опять на пятнадцать суток закроет. Хорошо ещё, что мои уехали... — Соседка закурила. — Постоишь со мной?

Проходить сквозь бузотёра не хотелось — уж больно Баллон был приставуч и неприятен, но и стоять на улице Рыжий не желал. Поразмыслил и качнул головой:

— Нет, устал, домой хочу.

— Как знаешь. — Ольга поёжилась. — Осторожнее там.

— Он мирный.

— Все они до какого-то предела мирные.

— До какого?

— До белой горячки.

— Ерунда.

Герман ободряюще улыбнулся соседке, вошёл в подъезд, вызвал лифт, долго ждал, а потом долго волокся вверх в полумраке старой, обшарпанной кабины... и вот тут-то, в вертикальном пути, ощутил, что в нём созрело нечто, вовсе не похожее на привычное кислое неудовольствие от предстоящей встречи с дебоширом.

Нет! Это было совершенно новое чувство — лёгкое, звенящее, злое.

«Я всё могу!» — вдруг ясно услышал Рыжий.

И это было сказано не им, а в нём. И точно из воздушной пушки дунуло и разом выдуло из души всю слякоть: вялость, сомнения, боязнь чего-то. Душа зазвенела, словно клинок.

Чего бояться? Чушь!

— Я всё могу, — повторил Герман вслух.

Лифт остановился. Двери с натугой разъехались, открывая путь на площадку, из глубины которой послышался грозный рёв:

— Кто это там приехал?!

Баллон при всём своём пьянстве был мужик здоровый от природы, собственно, здоровье-то и позволяло ему много лет гробить организм, не доводя до закономерного финала. Росту в нём было почти два метра, веса — больше центнера, и сила ещё оставалась.

— А-а... — протянул он, разглядев, кого привёз лифт. — Соседушко наш дорогой, олигарх хренов, пожаловали в резиденцию... Ну-ну... — И вдруг бешено рявкнул: — Смир-рна! Р-равнение на... право!

Судя по всему, на этот раз алкоголь активизировал в его мозгу память об армейской службе.

В иное время Германа, возможно, приказ встать смиренно насмешил бы, но сейчас... Сейчас он стал другим. Может быть, ещё не жестоким, но уже предельно жёстким, умеющим убивать.

Он резко шагнул вперёд, впился взглядом в мутные глаза Баллона и сквозь них увидел хаос, разрушающий душу и мозг соседа.

«Ну что, пришло время?»

Перепуганный алкоголик съёжился и попятился к стене.

— Ты... чего?!

Ответа не последовало.

Рыжий почувствовал, что его взгляд неожиданно обрёл плотность луча и одновременно — гибкость петли. Почувствовал и безжалостно перехватил арканом шею пьяницы.

«Нет! Ниже!»

Взгляд сместился к сердцу. Невидимо, но страшно взял его в тиски и чуть сжал.

Баллон схватился за грудь.

— Ты чего? — испуганно повторил он.

Но Герман не услышал глупого вопроса, поскольку отчётливо переживал упоительное понимание того, что лишь крошечное усилие отделяет его от перехода черты: нужно чуть-чуть прищуриться, и...

Герман прищурился.

Лицо Баллона помертвело.

«Я сделал!»

Высокий пьяница шагнул назад, упёрся спиной в стену да и съехал по ней — мягко, почти бесшумно. Голова упала на грудь. Правая нога дёрнулась. Дыхание остановилось.

Прошла минута.

А затем громыхнул остановившийся лифт, на площадку вышел полицейский, за которым семенила соседка, да так и замерли они, увидев лежащего Баллона и стоящего в пяти шагах от него Германа.

— Вот... — с совершенно достоверной растерянностью произнёс Рыжий. — Я выхожу, он кричать, как обычно, а потом за грудь...

— Вы его трогали? — тут же спросил участковый.

— Не приближался даже. — Герман сглотнул. — Он мне «Смирно!» крикнул, а потом за грудь...

— Стойте где стоите. — Полицейский осторожно подошёл к Баллону, присел и приложил пальцы к его шее.

— Ну? — нетерпеливо спросила женщина.

— Отгулял, — коротко ответил участковый. Выпрямился и властно посмотрел на Германа.

Герман взгляд выдержал.

* * *

Сначала — мужское лицо.

Круглое. Лоснящееся. Противное...

Оно приблизилось вплотную, заполонило собой мир, стало этим миром — страшным и омерзительным. Стало символом всего плохого, что только может быть. Стало воплощением всего плохого...

«Тебе хорошо?»

Этот вопрос давно превратился для неё в кошмар. Владелец лоснящегося лица обожал его задавать и принимал только один ответ.

«Да... — шепчет девушка. — Очень...»

Но важны не только слова — важна интонация. Важно, чтобы ответ был произнесён искренне, идеально — с протяжным, полным удовольствия стоном или страстным шёпотом. Лоснящийся чутко прислушивается и, если чувствует фальшь, наказывает.

Беспощадно.

«Мне очень нравится...»

Она неподвижна. Не потому, что связана, — ей запрещено шевелиться. Это игра, и если она проигрывает — её наказывают.

Беспощадно.

Она боится наказания и старается, очень старается... Но трудно сохранять неподвижность, когда его пальцы делают всё, чтобы с её губ срывался протяжный, полный сладостного удовольствия стон.

«Тебе хорошо?»

«Ты сводишь меня с ума...»

«Шлюха!»

Он бьет её по лицу своей маленькой женственной ладошкой, но она не имеет права нарушать правила игры и продолжает сохранять неподвижность.

«Ты сводишь меня с ума...»

«Сука!»

Лицо отодвигается, оказывается неподалёку, расплывается в выступивших слезах, но они разрешены — она может плакать, но не имеет права шевелиться. Главное — объяснить ему, почему слёзы выступили именно в тот момент, когда он проникает в неё...

«Почему ты рыдаешь, тварь?»

«Мне безумно хорошо...»

«Почему ты рыдаешь, сволочь?»

«От наслаждения...»

Он хрюкает от удовольствия.

Её слезы льются рекой...

...Это был обычный кошмар. Можно сказать — повседневный.

Она закрывает глаза и видит его. Каждый день видит его и уже давно не может спать без таблеток.

Но сегодня заснуть не получалось по другой причине, сегодня Карина ворочалась в кровати не потому, что ей мерещилось круглое лоснящееся лицо, а вновь и вновь переживая события прошедшего дня. Вспоминая церемонию. Вспоминая себя после церемонии и остальных ребят. Вспоминая то великолепное настроение, что охватило её после пробуждения.

Она изменилась...

Карина ворочалась до двух часов ночи. Осторожно, конечно, ворочалась, чтобы не разбудить родителей, но иногда забывалась и шумно выдыхала, вспоминая наиболее яркие моменты удивительной церемонии.

И понимая, что с ней происходит нечто странное.

«Интересно, а остальные спят?»

Или так же не находят себе места, елозят по кроватям, пьют чай в тёмных кухнях, курят на балконах... И если выйти сейчас на улицу, то можно встретиться со всеми, поговорить... Но не как днем — торопливо, бессвязно, а спокойно, обдуманно обсудить произошедшее...

«Мы всё уже обсудили, а больше ничего не случилось... Пока не случилось».

Она приложила руку ко лбу — показалось, что он пылает, — но только показалось, температура была в норме. Глотнула воды из приготовленной с вечера бутылки, но жажда не ушла. Во рту постоянно пересыхало, но явно не от жары — сентябрьская ночь была довольно прохладной.

«Может, именно так и сходят с ума?»

Оставаться в кровати больше не было ни сил, ни желания. Карина отбросила одеяло, вскочила, достала из шкафа и натянула спортивный костюм, кроссовки и вышла на балкон.

Жажда...

Осенняя ночь взбудрила и придала сил. Карина улыбнулась, посмотрела вниз — третий этаж, не высоко, конечно, но всё же неприятно, раньше она ни за что не сделала бы то, на что решилась теперь... Отринула сомнения и неуверенность, отринула всё, вообще всё, что было «до», вскочила на узенькую полоску перил, вздрогнула и тут же поймала баланс.

И удивлённо замерла, прислушиваясь к новым ощущениям. К силе, что мягко просилась наружу. К возможностям, которые она только-только начала познавать.

К себе новой.

К себе сильной.

«Я становлюсь другой!»

Карина спрыгнула на балкон и неожиданно почувствовала усталость: эксперимент на перилах

стал последней каплей, необходимой точкой, которую следовало поставить в длинном сегодня. Она обязательно превратится в многоточие, но не сейчас.

Девушка улыбнулась, бесшумно вернулась в комнату, разделась, повалилась на кровать и мгновенно уснула.

* * *

— К дому я больше не приближался, магию исключил, использовал направленные микрофоны и фотоаппарат с длинным объективом, — доложил Мустафа.

— Уверен, что Бранделиус тебя не заметил? — После случая с мухой Авдотий сильно осторожничал, но от слежки за подозрительным москвичом не отказался.

— Не должен был, — твёрдо ответил иллюминат. — Он не пользуется магией, видимо, боится привлечь к дому внимание. И электронные гаджеты ему вряд ли помогли: я был далеко и хорошо замаскирован.

— Та-ак... — Меркель потёр руки. — Тогда рассказывай, что узнал?

— Приезжали те же люди, что в прошлый раз. Шестеро: четверо мужиков и две девушки. В доме пробыли около четырёх часов, потом разъехались.

— На улице ничего не обсуждали?

— Несколько раз упоминали, что станут другими, прикоснутся к неведомому... — Джафаров поморщился, вспоминая, после чего закончил: — У меня всё записано — посмотришь.

— Что он, секту, что ли, лепит? — удивился шаман.

— Не похоже. — Мустафа не понял, что вопрос риторический, и ответил всерьёз: — Люди выходили очень довольные, на эмоциональном подъёме...

— Ну, точно — секта.

— Не похоже, — повторил Мустафа.

— Да почему?

— Как бы сказать... — Джафаров потёр пальцы правой руки. — Чувствовалось, что они свободные, понимаешь? Раскрепощённые и свободные. И с Бранделиусом они ведут себя с уважением, но не как с богом. — Лёгкая усмешка. — Некоторые твои клиенты больше смахивают на сектантов.

— Давай не будем о бизнесе, — предложил Меркель. — Ты определил посетителей?

— Сфотографировал и пробил изображения по базам, — подтвердил Мустафа. Магия открывала ему двери во многие информационные хранилища, причём, как правило, таким образом, что хозяева хранилищ ничего об этом не знали. — Есть имена и адреса.

— Что за люди?

— Разные... Но все законопослушные, не привлекавшие внимания полиции или ФСБ.

— Может, он им устраивает оргии? — Авдотий не знал, что и думать. — Лёгкое магическое воздействие гарантирует незабываемые ощущения... Прецеденты были.

— Тогда бы среди его клиентов была золотая молодёжь, — качнул головой Мустафа. — А не нищая студентка или музыкант-неудачник.

— Тоже верно... — Белорус вскочил на ноги. — Но чем, Спящий его покарай за такую скрытность, чем они там занимаются? Чем?

Ради ответа на этот вопрос они и затеяли слежку, но Меркелю хотелось получить всё и сразу, а если не сразу, то как можно скорее, вот он и дёргался.

— Что сказал эрлиец?

Встречу с подданным Тёмного Двора иллюминат пропустил и теперь хотел войти в курс дела.

— К сожалению, ничего не сказал, — мрачно ответил шаман. Упоминание Петриуса его не обрадовало. — Он больше требовал.

— Адрес Бранделиуса?

— Ага.

— Дал?

— Разумеется.

— Мы знали, что он этого захочет, — тонко улыбнулся Джафаров. — Жаль, что ты не сумел его разговорить и выудить хоть что-нибудь.

— Я узнал главное, — самодовольно ответил Меркель. — Брат Петриус занимается частным расследованием и скрывает происходящее от Тёмного Двора. То есть мы можем совершенно спокойно участвовать в игре.

— Как ты это понял? — Иллюминат знал, что его друг умеет вести переговоры и слышать невысказанное, но, как правило, просил объяснить выводы.

— Петриус не угрожал навами, не прикрывался навами, и с ним не приехал ни один нав, — перечислил свои резоны шаман. — Всё вместе означает, что эрлиец работает на себя.

— У него должен быть телохранитель.

— Наверняка есть, и наверняка кто-нибудь крутой, — кивнул Авдотий. — Но здесь он не появлялся.

— У него должен быть телохранитель.

— Наверняка есть, и наверняка кто-нибудь крутой, — кивнул Авдотий. — Но здесь он не появлялся.

— Умно, — уныло протянул Мустафа. Подданные Тёмного Двора умели заботиться о своей безопасности и при отсутствии навов нанимали таких ребят, встреча с которыми с девяностопроцентной вероятностью заканчивалась похоронами.

Меркель понял причину охватившей компаньона печали и уверенно произнёс:

— Но ведь мы и сами не лыком шиты, ведь так?

— Так, — без особой радости подтвердил Джафаров.

— Уфа — наш город. — Глаза белоруса вспыхнули. — И мы имеем право знать, что здесь происходит, чтобы не допустить нарушения режима секретности.

— Всё так, но лучше бы нам при этом остаться в живых...

— Останемся, — пообещал Авдотий. — Куда мы денемся?

* * *

Марат давно привык думать о себе как об особенном, можно даже сказать, избранном человеке, способном видеть невидимое. И не только видеть, но и передавать его другим... Но не словами — музыкой.

И совершенно не грустил от того, что его рассказы не понимают, а музыку отвергают — ведь не всем дано услышать Избранного. Он усмехался, вспоминая известное изречение о том, что гениальность и помешательство всегда бродят рядом, и стоически воспринимал критику своих странных произведений: десяток сонат, целая связка пьес и настоящая симфония, правда, незаконченная...

А впрочем, помешательство, сумасшествие, шизофрения... это всё не те слова. Это жалкие попытки обозначить то, что рядовой разум постичь не в силах, блуждая по самой поверхности и не умея заглянуть вглубь. И здесь, на поверхности, этот рядовой разум, ясное дело, видит тех, кто, не справившись с призраками, потерял себя и приобрёл клеймо психа. Но они и вправду дураки, раз подставились так. А умные...

Умные молчат.

Стало быть, сумасшедший — не тот, кого посещают видения, а тот, кто горланит об этом вслух.

Видения! Да, Марат мог бы рассказать о них столько, что хватило бы на собрание сочинений, да некому... И он молчал.

Хотя иногда это было невероятно трудно.

Когда он играл свою партию в какой-нибудь опере, и голоса певцов, и музыка, и его собственные цветные мыслеобразы сливались воедино, в чудную гармонию, и полный зал, затаив дыхание, смотрел на сцену — вот тогда Марат ощущал, как его обволакивает мягкий живой полумрак, в котором исчезают зрители, артисты, зал, голоса... а музыка остаётся, но совсем не та, что играет оркестр. Звучало нечто странное, неизъяснимо притягательное и тревожное, и скрипач всей душой чувствовал, что эта полутьма существует не сама по себе, а как порог, через который нужно перешагнуть, чтобы открылось новое поле бытия. Ему казалось: вот в этом мягком тумане крадётся кто-то — он не видел, не слышал их, не знал, люди это или не люди... но был уверен, что эти бесшумные сущности, они оттуда, из-за порога. Он с замиранием сердца ждал их, но они так ни разу и не пожелали выйти из серой зоны.

При этом свою скрипичную партию Марат выводил исключительно чисто, нота к ноте, ни единой ошибки. Все дирижёры хвалили его. Однако годы шли, а Марат всё числился во вторых

скрипках: первые, старичье, держались за свои пюпитры мёртвой хваткой — попробуй кого сдвинь! Такая вонь поднимется, что проклянешь себя за то, что тронул то, чего, по старой пословице, трогать не следует... Так Марат и «прописался» во второй шеренге.

Нельзя сказать, что он был совершенно равнодушен к карьере — профессиональное честолюбие у него присутствовало, — но он жил в двух параллельных потоках бытия, и второй поток, по правде говоря, был первым — хотя пока и неуловимым, существуя лишь видениями, сопровождавшими Марата и наяву, и во сне. Он шёл по улице и боковым зрением улавливал, как в тех или иных точках пространства — в воздухе, стенах, окнах, в зелени парков и дворов — внезапно возникает нечто вроде лёгкого вихря, словно пространство стремится свернуться в трубу или тоннель... Это случалось редко, но случалось. И во сне было то же самое, всё как днем, один в один, только смутно и непонятно где.

И теперь, как он надеялся, сны и явь совпадут.

Вся эта грандиозная сумма событий: знакомство с Бранделиусом, понимание, что его чувства и ощущения реальны, появление других избранных и — апофеоз! — церемония — эмоционально взорвала Марата. А уж тот факт, что никто вокруг не подозревает о зарождающейся в нём силе, приводил музыканта в неистовство. От осознания этого густо-сладкая волна вздымалась из глубин души, и было невообразимо приятно окунуться в неё с головой.

После церемонии присутствие неведомого стало ощущаться гораздо заметнее. Это было похоже на пришествие сновидений без сна: Марат угадывал жизнь безмерных пространств рядом с собой, их дороги, ведущие неведомо куда, в незнакомые ещё земли...

Марат увлекался и не замечал, что по его лицу то и дело пробегают отголоски тех вселенских потрясений, о которых, кроме него, знают лишь пятеро из всего семимиллиардного населения Земли. Меньше одного человека на миллиард! И по правде говоря, этих отголосков не заметил бы и вовсе никто, не оказавшись в тесном салоне маршрутки наблюдательная девушка.

Сначала её, как, впрочем, и любую нормальную девицу подобного возраста, заинтересовала тонкая красота молодого человека, делающая Марата похожим на восточного принца. Притягивающая и даже возбуждающая.

«Ах, если бы он заговорил со мной!..»

Настенька переживала тот самый романтический возраст, в котором явление наследника старинной королевской династии с предложением руки и сердца ещё не кажется необычным или несбыточным, а ожидание принца на белом коне является совершеннейшей обыденностью, проходящей в фоновом режиме и ещё не приведшей к тоске по безвозвратно загубленной юности. Настенька просто знала, что это обязательно случится.

Маршрутка ехала, красавчик молчал. Он не отрываясь изучал проплывающий за окном пейзаж, и от нечего делать девушка стала его разглядывать, пытаясь угадать, что за принц перед ней. Кем бы мог быть человек со столь интересной внешностью? Скорее всего, он имеет отношение к искусству. Музыка, живопись, театр? Или он поэт, надеющийся разглядеть за немытым стеклом микроавтобуса нечто большее, чем просто мир?

Или скульптор?

Маршрутка затормозила, красавчик, так и не заговорив с ней, вышел на тротуар, сунул руки в карманы и направился к подземному переходу. Никаких белых коней поблизости не наблюдалось.

«Вот и всё...»

«Газель» двинулась дальше, девушка в последний раз посмотрела на мужчину, так и не ставшего её принцем, и вдруг к горлу Настеньки подкатила невыносимая тоска. Смертная тоска, безжалостно вцепившаяся в душу. Мир вокруг стал сумрачным, неживым, а одинокая фигура, готовая вот-вот спуститься под землю, — чёрной-чёрной-чёрной, резко чёрной, как будто вымазанной вороньей краской. Фигурой смерти...

Секунду длился приступ. Секунду, не больше.

Потом маршрутка достаточно отдалилась от места остановки, мир обрёл прежнюю яркость, а мысль выскочить, догнать неизвестного красавца с лицом сказочного героя и предупредить его о страшной опасности улетучилась. Эта мысль показалась глупой и никчемной.

«Фантазия разыгралась», — решила Настя, отворачиваясь.

* * *

Покинув особняк, Сатурн почти сразу стал испытывать непонятно чем вызванное раздражение, как будто что-то мешает, а что — никак невозможно определить. Как будто комар летает вокруг, а убить не можешь. И даже не слышишь его, а только чувствуешь — вот он, рядом, стервец, ждёт момента, чтобы попить крови... И здесь — так же: какая-то мелочь не позволяет расслабиться, а какая?

И лишь минут через пять Сатурн понял — очки.

Он хочет снять очки!

Ему нужно их снять!!

Мир вокруг стал слишком тёмным.

Сатурн скрипнул зубами, обругав себя за то, что не приехал на встречу на машине. Поленился, неохота было баранку крутить. Снял бы сейчас очки без проблем, никто бы не увидел. А вот избавиться от них при таксисте — это всё равно что стриптиз станцевать. Внутренний такой стриптиз: публика не поймёт, но девочке будет неприятно...

«Я сравнил себя с девочкой у шеста?!»

Сатурн злобно набычился, отвернулся и стал смотреть в окно, стараясь притянуть какую-нибудь хорошую мысль и с нею дотерпеть до квартиры.

Или хотя бы до подъезда...

«О чём бы подумать?»

«О сексе, разумеется!» — немедленно отозвалось в голове.

И Сатурн усмехнулся.

Секс был единственным занятием, которому он отдавался с душой и от которого не уставал. Сатурн был виртуозом, артистом, умеющим играть на тончайших струнах женских тел, и если бы не его запредельная надменность, купался бы в благодатном источнике искренней любви прекрасной половины человечества. А так они лишь пользовались друг другом, наслаждались

сексом, но не любовью.

«Кому позвонить сегодня?»

Обычно Сатурн полагался на чутьё: задавал себе этот вопрос и ждал, когда перед внутренним взором возникнет возбуждающий образ. Возбуждающий именно сегодня. Иногда ему хотелось женщину в теле, иногда — хрупкую рыжую с мальчишечьей фигурой, иногда длинноногую и длинноволосую, иногда — простую, без талии, с низким тазом... Сатурн ценил разнообразие, доверял себе и потому приготовился понять, с кем ему будет хорошо сегодня, и...

Увидел Дашу.

И выругался от неожиданности, вызвав изумление таксиста.

Извинился, объяснил, что вспомнил неприятное, откинулся на спинку кресла, повторил «внутренний запрос», и вновь перед его глазами предстала красивая подруга этого дурака Громова.

Действительно — красивая. Сатурн, естественно, оценил дышащее свежестью личико девушки, её изящную фигуру, соблазнительные ножки и высокую грудь. Удивился же он потому, что в обычном случае ответом на «внутренний запрос» становился безымянный образ, на который его организм готов был отреагировать наилучшим образом. Но сейчас Сатурн увидел конкретного человека.

Женщину.

Красивую и соблазнительную.

И понял, что хочет не абстрактную красавицу с густыми волосами и длинными ногами, а конкретно эту — Дашу.

«Вот оно как...»

Дома он налил себе виски, уселся в кресло, пролистал записную книжку смартфона, нашёл «Дарья» — ещё вчера, при первом знакомстве, все обменялись номерами — и улыбнулся. Звонить, конечно, не стал, но смотрел на экран долго, продолжая улыбаться и постепенно пробуждая в себе спортивный азарт.

«Ну что, красавица, познакомимся ближе?»

«Ещё не знаю», — кокетливо отозвалась девушка, и Сатурн вздрогнул — настолько реально прозвучал голос.

И он, этот голос, сорвал плотину в душе молодого человека.

Эмоции захлестнули его, заставили задрожать и взвыть от нетерпения, от желания увидеть Дарью, зайтись бешенством от мысли, что кто-то другой обнимает её, лапая нежное тело похотливыми руками.

И этого «кого-то» захотелось убить.

«Проклятье!»

Он схватил очки, надел, выбежал из дома — просто так, без всякой цели, куда глаза глядят, в сумерки, в наступающий вечер, когда в тёмных очках неуютно и глупо, и все оборачиваются, и надо бы снять, но они давно стали родными, привычными, а чужие взгляды раздражают, изводят, и вот Сатурн останавливается в пустом переулке и снимает очки.

Оглядывается.

И убеждается, что вокруг — те же сумерки. Такие же тёмные, как в очках. И только глупые люди этого не понимают, не видят, что мир всегда мрачен, как на него ни смотри, и ярким он может стать, только если рядом Даша.

«Не думай о ней!»

Сатурн снова надел очки.

Снял.

Надел.

Проклял мир и побежал домой, но не кратчайшим путём, а через соседнюю улицу. Потом свернул на следующую, сделал здоровенный крюк, вспотел, еле добрался до дома, в лифте ощутил, как дико устал, понял, что до крови стёр ноги — бегать в элегантных ботинках то ещё развлечение, — улыбнулся.

Дома упал на тахту и ощутил такую слабость, какой с ним ещё не случалось, и сразу же уснул — не раздевшись, без простыни, без одеяла, точно тёмный обморок одним глотком сожрал его.

* * *

Вечер сменился ночью. Взошла и потерялась луна, ветер пошуршал листьями и улетел прочь.

Ночь...

Странное время. Какие тени вышли из него, бесшумно промчались через город и то ли исчезли, то ли затаились рядом до поры до времени? Что за тени теперь рядом с нами?

Или это и есть мы?

Или это то, чем мы хотим стать?

Или же всё это лишь дуновение причудливого ночного сна?

Впрочем, что есть жизнь, если не сон...

ГЛАВА 5

— Рад, искренне рад снова вас видеть, — заулыбался Меркель при виде появившегося в дверях Бранделиуса. — Я всегда считал, что правильный клиент, он как бумеранг — обязательно возвращается.

— Разве ты меня бросал? — удивился Бранделиус.

— Я образно, — уточнил Авдотий. И очень добродушно, совсем по-белорусски, заулыбался. — На самом деле в наши беспокойные дни каждый клиент на вес золота. Кризис, знаете ли, каждая копейка на учёте, за каждой приходится наклоняться, не жалея ног.

— Шаманство не даёт прежнего дохода?

— Не шаманство, а шаманизм, — поправил посетителя Меркель. — И — да: народ стал прижимист. И это несмотря на то, что я предоставляю исключительно российский продукт, изобретённый и изготовленный у нас, в Сибири, не опирающийся на демонические учения безбожного Запада...

— Кажется, тебя понесло, — строго заметил Антон Арнольдович. — Будь проще.

— Извините: готовлю речь для Всемирной конференции эзотерических наклонностей Восточного полушария, — с гордостью сообщил Меркель. — Через две недели буду выступать на Олимпийском стадионе в Салехарде... Билеты на самолёт, раз уж вам интересно, стоят огромных денег, а организаторы...

— Мне неинтересно, — отрезал Бранделиус.

— Зачем же спросили?

Несколько томительно долгих секунд маги внимательно смотрели друг другу в глаза с таким видом, будто силились понять, кто из них идиот, после чего москвич шёпотом, почти шипя угрожающе, осведомился:

— Ты для чего меня бесишь?

И белорус мгновенно сдулся, даже съёжился, всем своим видом давая понять, что никак не собирался злить столь могущественного колдуна.

— Прошу прощения, Антон Арнольдович, просто вы спросили... А я действительно в Салехард... И насчёт доходов не лгал...

— Ты собрал мой заказ?

— Полностью! — восторженно выдохнул шаман, продемонстрировал гостю иностранный знак «ОК», отлучился в соседнюю комнату, представлявшую собой нечто среднее между встроенным шкафом, подсобным помещением и погребом, вернулся с крепкой картонной коробкой, на боку которой грустила линялая надпись: «Для биологических отходов», и водрузил её на стол. — Прошу!

— Гм... — Запас алхимических зелий ещё не исчерпался, снадобий и их составляющих тоже было в достатке, поэтому в первую партию товара Бранделиус велел вложить только «батарейки» с магической энергией Колодца Дождей — они расходовались со страшной скоростью. Подойдя к столу, москвич раскрыл коробку, извлёк выбранный наугад кувшин и принялся внимательно, даже с излишней дотошностью, исследовать печать Зелёного Дома на залившем горлышко сургуче.

— Красивое колечко, — заметил Меркель, кивая на перстень с крупным синим камнем, который Бранделиус с недавних пор был вынужден носить постоянно. — Раньше не видел.

— Разбирал вещи и нашёл, — коротко ответил москвич.

— Оно вам не идёт.

— Прадедушка завещал не снимать.

Бранделиус надеялся, что после такого достаточно грубого ответа белорус сообразит, что пора заткнуться, но... Но Авдотий был гораздо умнее, чем считал гость, он понял, что москвич не хочет говорить о перстне, и продолжал изображать дурака.

— Продавать не собираетесь?

— А у тебя здесь ломбард?

— В том числе. Времена сейчас тяжёлые — кризис...

— Заткнись.

— То есть не продаёте?

Вместо ответа Антон Арнольдович демонстративно вернулся к коробке, шёпотом произнёс: «Три... пять... пятнадцать... Вроде всё на месте...» — закрыл крышку и выдал шаману заранее заготовленный конверт с наличными.

— С тобой приятно иметь дело.

— С вами тоже, — не стал скрывать повеселевший шаман. — Только вот муха показалась мне абсолютно излишней.

— У тебя диптерофобия?

— Что это вы такое говорите? — растерялся Авдотий. — Не нравятся мне ваши подозрения, Антон Арнольдович, не по-людски это.

— Диптерофобия — это боязнь мух, — высокомерно объяснил москвич.

— С детства.

— Излечить?

— Я к ней привык.

— Как скажешь... — Бранделиус медленно провёл рукой по коробке, однако снимать её со стола пока не стал, вновь посмотрел на шамана: — В последнее время у меня появилось странное чувство, будто сюда кто-то приехал...

Заявление вызвало очевидную реакцию:

— Наша Уфа, Антон Арнольдович, довольно большой город и не такая уж провинция, как вам из Тайного Города кажется. Сюда постоянно кто-то приезжает. — Меркель выдержал короткую паузу, размышляя, и добавил: — И уезжает.

— Не юродствуй, — попросил Бранделиус.

— А вы говорите понятнее.

— Ты тупой?

— Обойдёмся без оскорблений. — Авдотий зевнул. — Если вам нужна помощь, разумеется.

— Услуга, — уточнил москвич.

— Какая?

Больше колебаний не было: Бранделиус заранее решил, что обратится к шаману, и теперь, заведя разговор, изложил ситуацию предельно ясно.

— Я заложил в городе несколько «ленивых глаз», так, на всякий случай...

Эти артефакты — малюсенькие следящие устройства — разбрасывали по территории и оставляли в «спящем» режиме, который сменялся «рабочим» при выполнении заранее введённого условия.

— Я заложил в городе несколько «ленивых глаз», так, на всякий случай...

Эти артефакты — малюсенькие следящие устройства — разбрасывали по территории и оставляли в «спящем» режиме, который сменялся «рабочим» при выполнении заранее введённого условия.

— Мои «глаза» настроены на нелюдей, — добавил Бранделиус. — До сих пор они «спали», не прислали ни одного сигнала, но вчера один из них сработал.

— К нам иногда наезжают шасы... — припомнил Меркель. — Ну, и другие тоже бывают.

— Они приходят к тебе?

— Не все.

— Я хочу знать о каждом новом нелюде, который явится в Уфу, — твёрдо произнёс Антон Арнольдович. — Для меня это важно.

— А для меня это может быть опасным, — усмехнулся шаман. — Он придёт ко мне, я расскажу тебе, ты его убьёшь, а потом Великие Дома сделают из меня...

— За каждый донос плачу тысячу, — оборвал белоруса москвич.

— Пять.

В итоге сошлись на трёх, после чего Бранделиус забрал коробку и покинул гостеприимный офис.

* * *

«Кем я буду?»

Каждый из них задавался этим вопросом, и Марат не стал исключением. Но для него узнать ответ было куда важнее, чем для остальных. Ответ для него имел гораздо больший, можно даже сказать сакральный, смысл, поскольку музыкант хотел быть только тем, кого он себе выбрал, кого представил.

Кем себя видел.

Миры увлекали его. Возможность прикоснуться к ним, а там, глядишь, и возможность отправиться далеко-далеко сводила с ума, и Марат не хотел отказываться от той способности, которую заранее успел полюбить.

Возвращаясь домой, он переживал нечто большее, чем азарт, — его распирало предчувствие огромности событий, и музыкант понял, что готов броситься в них, как в омут, а дальше — будь что будет. Он чувствовал, что прямо-таки пылает изнутри. Трогал ладонью щёки и не мог понять, поднялась ли у него температура или нет. Но и без того сознавал, что горит — не телесно, так душевно, от близости перемен.

От ощущения, что становится другим.

На следующий день его дар усилился. Марат это чувствовал: коридоры реальности призрачно змеились рядом, обдувая его ветром далёких миров... словно нечто сокровенное из замочной скважины. Словно шум моря из ракушки... Ещё немного, и грань, отделяющая ближний мир от миров дальних, будет пройдена. Но прежде надо сработать здесь, в этом мире, надо увидеть то, что в обычном состоянии людям невидимо.

«Но у меня-то уже состояние необычное! Я должен сделать это! — заклинал себя Марат. Должен!»

И чувствовал, что у него получается, что изменения неотвратимы.

Он шёл очень быстро, почти бежал, грозная музыка гремела, бушевала в нём.

Скоро, скоро, скоро! — стучало набатом.

Непогода наступала. Небо нахмурилось, порывы ветра то и дело плетью стегали город, остро брызгали в лицо капли начинающегося дождя. Количество прохожих на улицах резко уменьшилось, а те, кто оказался застигнут ненастьем, спешили, бежали... некогда им было удивляться странному юноше, идущему размашисто, с остановившимся взглядом, с подергивающимися уголками рта.

Они спешили, не зная, что где-то рядом, докуда можно дотянуться невидимой рукой, нет никакого дождя и злого ветра.

Они ничего не знали, и не видели, и не обращали внимания на других.

А странный юноша аршинным шагом разрезал неуютный вечер, не чуя ни холода, ни ветра, ни брызг. Он шёл, собирая вокруг не видимые никем вихри пространства, прикасаясь и одновременно примеряясь к ним, в ожидании, когда начнёт получаться ими управлять.

А это время придёт — он знал наверняка.

И ещё он чувствовал, что от его прикосновений барьер делается всё тоньше и тоньше, всё ниже, всё эфемернее. Неведомое, прежде неподатливое, отгородившееся, не желающее знакомиться и раскрывать свои секреты, стало потихоньку расступаться, подчиняясь тому, кто сумел измениться. И гибкие трубы, в которые сворачивалось пространство, превращались в тоннели и коридоры, уходящие на десятки, сотни и даже тысячи километров прочь, в совершенно неведомые, но абсолютно реальные места, которые Марат никогда не видел, но теперь представлял так явственно, словно разглядывал фотографию.

Когда-то, всего пару дней назад, этот процесс был неуправляем, вызывал обиду, жгучее желание превзойти себя... И вот мечта сбылась.

Возбуждённый, покрасневшийся, насквозь промокший и шумный настолько, что, будь на улице больше людей, он наверняка привлёк бы их внимание, Марат пешком отшагал весь путь домой и опомнился лишь на крыльце. Остановился, осмотрелся с очумелым видом: где это я? Через несколько секунд узнал знакомый подъезд и рассмеялся: «Ну и ну!»

* * *

Рано или поздно возникает вопрос: «Зачем?»

У всех.

Одних интересует «Зачем мы живём?»; других — «Зачем я на ней женился?»; кто-то корит себя за ошибку: «Зачем я так поступил?!»; а кто-то изумляется: «Зачем я ждал так долго?»

Зачем?

И совершенно очевидно, что этот вопрос задавал себе тот, кто прошёл через странную, таинственную и немного пугающую церемонию. Прошёл, ибо жаждал необычного, а теперь засомневался.

Зачем?

Что она изменила во мне? Что похитила? Что добавила? Каким я стану? Чему научусь? Зачем мне всё это?

Эти вопросы задавали себе все отобранные Бранделиусом «избранные», но Сатурн — громче всех, потому что, проснувшись утром, он ничего не почувствовал.

Абсолютно ничего.

Трудно сказать, на что он рассчитывал: увидеть себя демоном, научиться плевать огнём, летать или вызывать драконов, царить на планете или провалиться в ад — неизвестно. Зато абсолютно точно известно, что он оказался совершенно не готов к тому, что утро окажется самым что ни на есть заурядным. Естественным до омерзения. И не очень приятным, потому что Сатурн, несмотря на холостяцкий образ жизни, не любил просыпаться одетым на диване, предпочитая кровать.

А тут проснулся.

Сел, не сразу поняв, как здесь оказался, стянул носки — почему-то именно их наличие взбесило молодого человека больше всего, — поморщился, бросил их в угол, а в следующий миг улыбнулся, вспомнив события вчерашнего дня, и попытался заглянуть себе в душу в надежде определить произошедшие изменения.

И ничего не нашёл.

В смысле, он сам не знал, как именно нужно «смотреть в душу», поэтому просто попытался разглядеть внутри себя что-нибудь необыкновенное и не преуспел.

Выглядел он, если верить висящему на противоположной стене зеркалу, как прежде, сил, чтобы взлететь, в мышцах или в душе не обнаружилось, драконы щелчком пальцев не

вызывались, сверхъестественные тексты странных заклинаний на мёртвых языках в голову не лезли, а вместо плевков огнём изо рта просто плохо пахло.

«Надо мной пошутили?»

Однако в действительности Сатурн был далёк от мысли, что стал жертвой мистификации. Поведение Бранделиуса и остальных участников игры — а именно так их стал называть Сатурн — не оставляло сомнений в серьёзности происходящего, а значит, либо все они стали жертвами искренней веры в несбыточное и синдрома завышенных ожиданий, либо нужно просто подождать.

Сатурн сходил в ванную, с наслаждением освежился и привёл себя в порядок, умиротворённый, вышел на кухню, заглянул в холодильник и... громко выругался: есть было нечего.

«Доигрался...»

А голод, между прочим, донимал. Молодой человек не был обжорой, но в отношении еды придерживался знаменитой пословицы: «Завтрак съешь сам, обед раздели с другом, ужин отдай врагу» — и потому был крайне раздосадован отсутствием снеди для того самого завтрака.

«Обойтись одним кофе?»

Нет, не выход.

И проклиная свою забывчивость, ставшую следствием чрезмерной увлечённости прожектками Бранделиуса, Сатурн собрался и отправился в ближайший магазин.

«Колбаса, яйца, сок, помидоры, перец, лук, хлеб... — Ввиду отсутствия жены Сатурн посещал магазины без перечисляющих необходимое записочек и был вынужден проговаривать список в голове. — Пиво... Или лучше без алкоголя? Кто знает, как он повлияет на мои новые способности? Или способности повлияют на него... Или...»

Сатурн представил пьяный вызов ближайшего дракона, включающий в себя неверно истолкованное заклинание, разрушение пары кварталов Уфы, где жили особенно неприятные ему личности, панику на улицах, жуткое похмелье наутро... Рассмеялся, свернул за угол и вздрогнул — у идущего навстречу мужчины было четыре руки.

Четыре.

Четыре! Чёрт побери, и так четыре раза! Четыре!!

У идущего навстречу мужчины самого обычного во всём остальном вида: короткая тёмная куртка, свободные тёмные брюки, удобные ботинки мягкой кожи... и четыре руки.

У Сатурна отвалилась челюсть. Эффект неожиданности оказался настолько силён, что он допустил ошибку: ткнул пальцем в непонятное и выдавил:

— Э-э...

И тут же получил классический хук правой, отправивший его в настолько глубокое беспомыслие, что в нём не оказалось ни снов, ни видений.

Керо же молниеносно навёл на место схватки морок, полностью скрыв и себя, и оглушённого чела от заурядных взглядов, огляделся, убедился, что прохожих не было и их встречу никто не увидел, рывком взвалил нокаутированного Сатурна на плечо и потащил к машине, на ходу ругая себя за непредусмотрительность, а придурка — за некстати открывшийся иммунитет к отводу глаз.

* * *

Проснувшись, Герман не сразу понял, отчего на душе так странно — муторно и пусто... и вдруг в эту звенящую от отсутствия всего пустоту обрушились вчерашние картины — и призрачные, и земные.

В первый миг он был охвачен лютым холодом. Неужто это всё было?! Ну, аморфные фигуры и летающие ящеры — это по ту сторону, работа тайных структур мозга. Но пьяница Баллон! Это же здесь, рядом, это грубая, зримая сторона жизни, самая материальная материальность, даже предусмотренная статьёй Уголовного кодекса.

Последняя мысль показалась особенно важной — ответственность — и едва не опрокинула его в панику, но... Но когда первый холод схлынул, Герман с некоторым усилием вернул себе способность анализировать и взялся рассуждать. И пришёл к выводу, что бояться и холодеть ему вовсе незачем: юридически он абсолютно чист и любая экспертиза не продерётся к нему ни в чём, поскольку к Баллону он не приближался, никаких следов на теле жертвы не оставил, а что там произошло с сердцем алкоголика, так о том пусть беспокоятся врачи да судмедэксперты.

Ну, а раз так...

Раз так, то продолжение следует?

Лицо Германа затвердело.

«Продолжение? Снова убить?»

«Только того, кто заслуживает...»

«А кто тебе скажет, кто именно заслуживает?»

«Ты сам!»

«На каком основании?»

«Потому что ты можешь и сказать это, и привести приговор в исполнение».

«Я палач?»

«Ты избавляешь мир от скверны».

«На каком основании?»

«А зачем тебе дана сила?»

И этот вопрос рушил его оборонительные редуты, требовал честно признать: нет, не могу! Или же согласиться с тем, что кому много дано, тот... Тот должен многое сделать.

Герман машинально, не чувствуя вкуса, позавтракал, плюхнулся в кресло, включил телевизор, но происходящее на экране не воспринимал, просто таращился на движущуюся картинку и думал.

И так провёл весь день.

Чуть ли не в забытьи.

Взглянул в окно, увидел, что и без того невзрачный день начал заметно тускнеть, оседать к сумеркам, спохватился, в минуту оделся, а ещё через пять сидел в машине, смотрел сквозь стекло, уже почти сплошь покрытое дождевыми каплями, и снова думал.

Точнее, в последний раз пытался совладать с тем собой, который уже набросал план действий.

А чтобы совладать — вызвал в памяти вчерашний эпизод.

Вот дурак Баллон попёр на него с наглым... или даже не наглым, а быдлчым бессмысленным взглядом... да. А потом этот взгляд стал меняться, в нём мелькнуло сперва тупое непонимание, затем удивление, переросшее в изумление, затем страх... а потом дикий предсмертный ужас.

Да! Вот это Герман запомнил навсегда. Было это. Доли мгновения, но было. Пьяный идиот понял, что заигрался не в свою игру, даже протрезвел, но поздно. Понял, что проиграл так, как по дурацости и представить не мог. Проиграл жизнь.

И ощущение чужой смерти захлестнуло Германа.

«Ещё!»

Он понимал, что попадает под действие... Нет! Он уже попал под действие силы, больше похожей на наркотик! Он уже хотел продолжения, хотел чужих смертей, а главное — не мог и не хотел бороться с этим желанием.

«Я очищаю мир от скверны!»

И не важно, что ему это доставляет наслаждение. Сильное... Не важно, что он жаждет крови — ведь в действительности он делает правильное и нужное дело.

Герман нажал на газ, серебристый «Субару» резко рванул с места и, как подхлестнутый, помчался в восточную часть пресловутой Черниковки, в Цыганские дворы — один из самых неблагополучных и криминогенных районов города. Когда-то здесь почти открыто торговали наркотиками, нередко происходили разборки, сопровождавшиеся перестрелками, на которые тогдашние правоохранители старательно закрывали глаза. Сейчас ситуация изменилась, большинство «героев» прошедшей эпохи оказались или в тюрьме, или в могиле, но район по-прежнему считался опасным, и именно туда направился Герман.

Он чувствовал волнение и едва сдерживал его.

«Будь что будет!» — крутилось в голове.

А кто-то изнутри поддакивал: «Ты должен...»

Доехал без помех, попадая на зелёный свет на каждом перекрестке: захочешь, так не сделаешь, а тут — как на блюдечке. Весь длинный проспект Октября пролетел играючи, потом по улице Интернациональной, подчёркивающей Черниковку с юга, — с ветерком... ну, и

вот они, Цыганские дворы, малопривлекательный комплекс пяти- и девятиэтажек.

Герман аккуратно притормозил у торца одной из них и задумался: «Что дальше?»

Только сейчас задумался, потому что до сих пор он мыслил в целом: делать или не делать — и, решившись делать, упёрся в детали: как делать?

Он отродясь здесь не был. То есть проезжать-то проезжал, конечно, но чтобы именно с целью, именно к здешним обитателям — никогда. Он знать не знал технологию местных дел, но догадался, что следует просто стоять и ждать. Кому надо, те сами появятся.

Так и вышло.

Минут через десять к машине как бы невзначай приблизился вкрадчивый, оглядчивый тип. Выглядел он, кстати, прилично: не гопник и не маргинал, нормальный худощавый парень, чистенько одетый по местной городской моде: светлая спортивная куртка с солидным лейблом, бейсболка, джинсы, кроссовки. Только глаза у Худощавого оказались неприятно бегающими и в красных прожилках лопнувших сосудов — но это обстоятельство выяснилось вблизи.

Тип прошёлся туда-сюда с видом «я не я, и лошадь не моя» — как будто он вовсе ни при чём, а так, погулять под вечер вышел, поговорил с кем-то по телефону, видимо, получая подтверждение, что полиции поблизости нет, подошёл к машине со стороны водителя — Герман предусмотрительно опустил стекло — и тихо спросил:

— Есть интерес?

— Да.

— В первый раз тут?

— Да. — Врать не имело смысла.

— Чего вдруг?

— На Гоа вштырило — понравилось.

— Хочешь продолжить?

— Жизнь штука тяжёлая, надо как-то расслабляться.

Легенду Герман придумал по дороге, понимал, что на опытного торчка не тянет, вот и выдумал причину, по которой взрослый солидный мужчина мог оказаться клиентом уличных дилеров. Легенда испытание прошла.

— Пошли, — предложил Худощавый.

— Куда?

— Шопинговать.

— А машина?

— Клиентов тут не трогают.

— Надеюсь.

— Верь.

Герман закрыл «Субару» и послушно двинулся следом за Худощавым.

— Вы не спросили, что мне нужно.

— Там есть всё, были бы деньги, — не оборачиваясь, ответил тип и поправил бейсболку.

— Деньги есть, — заверил Герман.

— Значит, всё в порядке.

Худощавый вёл Германа за гаражи, в дрянное место, заросшее беспородной древесно-кустарниковой дичью, идеально приспособленное и для торговли наркотой, и для организации засады на тупого фраера, решившего потратить часть законной зарплаты на незаконные развлечения.

«Можно делать ставки: нападут или нет...»

Худощавый свернул за угол, Герман за ним и тут же понял, что путешествие окончено. Он находился в тупике, образованном покосившимся бетонным забором и металлическими стенами гаражей. За этим забором — деревья, пройденный путь — неблизкий, и понятно, что кричи не кричи — никто не услышит.

«Так всё-таки: война или торговля?»

Как выяснилось через секунду — война.

Худощавый развернулся к жертве и неприятно улыбнулся. А за спиной Германа, начисто перекрыв возможность бегства, вырос плечистый Амбал.

— Деньги покажи.

— Мне нужна трава.

— Деньги покажи.

— Сначала товар.

— Если хочешь уйти живым, условия не ставь.

Амбал сделал шаг, его дыхание обожгло затылок, в руках у Худощавого мелькнул нож, и Герман начал действовать. Не сражаться, а именно действовать, поскольку разница между ними таилась не в классе — они были существами с разных планет.

Амбал сделал шаг, Герман плавно ушёл влево, оттолкнулся плечом от металлической стены, двинулся назад и, продвигаясь, а точнее, пролетая мимо противника, развернулся на триста шестьдесят градусов, затем ткнулся плечом в противоположную стену, вновь находясь лицом к Худощавому и не глядя назад, на Амбала. Поскольку всё, что там творится, он читал в расширяющихся глазах последнего оставшегося в живых врага. Не видел, но знал, что несколько секунд Амбал продолжал стоять, не понимая происходящего, и даже правая его рука неловко пошла вверх, будто могла хоть что-то исправить.

А затем он грузно осел на землю.

— Лови! — Герман бросил Худощавому окровавленный кусок мяса — вырванный кадык Амбала. — Пригодится.

Худощавый выставил перед собой нож, но не для нападения, уже не для нападения. Подвывая, сделал шаг назад и упёрся спиной в забор, оказавшись в собственной ловушке.

— Ты...

— Нет, нет, я не из полиции, — усмехнулся Герман. — Так что фразы: «Вы арестованы!» — ты, урод, не дождёшься.

— Возьми всё, что есть! — Одной рукой продолжая направлять на Германа нож, другой Худощавый извлёк из кармана штанов бумажник и бросил его на землю. — Всё бери!

— Дурь где?

— Что?

— Дурь где?

— Нет у меня дури, сволочь! Мы на гоп-стопе работаем!

— Ну, нет так нет.

Расстояние между ними Герман убрал играючи — на ложном движении. Перехватил руку врага, выдернул из неё нож и тут же вогнал клинок Худощавому в глаз. И отскочил, чтобы не запачкать кровью одежду.

Постоял, с улыбкой разглядывая трупы, затем распотрошил бумажник: «Пусть думают, что сыр-бор из-за денег», довольный, вернулся к машине и уехал.

Ему было хорошо.

Пьянящее ощущение отнятых жизней окрыляло, заставляло душу петь и полностью глушило мысли. Герман вновь и вновь переживал упоительные моменты убийств и ни разу не задумался ни об оставленных на ноже отпечатках пальцев, ни о том, что Цыганские дворы отнюдь не безлюдны...

* * *

Весь следующий день Карина провела в ожидании. Чем дальше, тем отчётливее она ощущала, что ночной опыт на балконе был робкой пробой, примеркой — так штангист-чемпион для разминки подхватывает лёгонький снаряд, — а сегодня она сможет сделать то, что вчера только наметилось лёгким пунктиром. И теперь она ждала ночи, как Джульетта — Ромео.

Еле дождалась темноты, сказала родителям, что ляжет пораньше: дескать, неважно себя чувствует. Заперлась в комнате, ощущая, как сила бродит в ней, распирает изнутри, делая похожей то ли на пружину, то ли на баллон со сжатым газом, с трудом дождалась, когда уснут родители, и примерно в половине первого начала свой следующий поход.

— Я могу всё, — произнесла она тихонько.

И порывисто вскочила с кровати.

Торопливо оделась — тепло и по-спортивному, чтобы ничего не стесняло движений. Прислушалась. Тихо. И, как в прошлый раз, бесшумно выскользнула на балкон.

Как в прошлый раз, но по-другому, поскольку теперь Карина чувствовала себя куда увереннее. Вспрыгнуть на перила и прогуляться по ним так спокойно, словно по мостовой? Легко! Вспрыгнула, прошлась туда-сюда, остановилась на углу. Посмотрела вниз.

Равнодушно. Но с пониманием того, что ещё вчера похолодела бы от столь рискованного шага.

Вчера...

А сейчас для неё не стало высоты. Она покачивалась на перилах третьего этажа, но понимала, что так же спокойно могла бы себя чувствовать и на пятнадцатом. И на сотом. И силу Карина ощущала в себе дикую, первобытную, словно ожили тысячи забытых лет и из картинок и буковок в учебниках истории превратились в живую нить, в нерв, в пульс, соединяющий её, студентку университета, с пещерным предком, полуобезьяной, для которой карабкаться по вертикальным поверхностям было такой же нормой, как для нас ходить по асфальтам и паркетам.

Карина вдруг сделала стремительное ловкое движение — элегантно «колесо» на тонком ограждении, но посередине исполнения передумала — замерла, стоя на руках, мягко опустилась наружу, оттолкнулась, на мгновение воспарив, но тут же ухватилась за пол балкона, повиснув между этажами, и через секунду мягко прыгнула на перила соседней снизу.

И ей даже не пришлось ловить равновесие.

— Я могу!

Следующий прыжок привёл девушку на землю.

Взбудораженная, она прошлась по сырому газону, с трепетом внимая клокочущему внутри чувству победы над собой. Пониманию, что она почти преодолела барьер... Остановилась, смерила взглядом ближайшую берёзу — и с кошачьей быстротой и ловкостью взметнулась по ней ввысь.

Время точно моргнуло. Мгновенный провал в ничто — и Карина увидела себя сидящей высоко-высоко, на уровне шестого этажа! Хотелось петь, хохотать или просто орать от переполняющих, разрывающих душу чувств.

Тонкие ветви угрожающе прогибались под её весом, но Карину это совершенно не тревожило, и высота — тоже. Она подтянулась ещё выше, стала аккуратно, тонко лоя баланс, раскачивать ветвь, сама при этом туго собралась в пружину — даже больно стало. Зачем-то включила обратный отсчёт: пять, четыре, три... и на счёте «ноль» вдруг дико выкрикнула: «А!» — и с силой бросила себя в полёт.

Расчёт оказался предельно точен: Карина ловко влетела в пространство подъездного балкона шестого этажа, совершив мягкую посадку с кувырком вперёд и огласив очередную победу громким кличем. И замерла, спрятавшись за грубым бетонным орнаментом балконной ограды: вопль наверняка должен был встревожить обитателей дома.

Но не встревожил.

И если громкий голос первобытного прошлого кого-то и встряхнул, то этот «кто-то» не рискнул выходить в поисках источника шума.

Не дождавшись никакой реакции, девушка успокоилась, привстала, выглянула из-за балюстрады и снова осмотрелась.

Тихо, и ни души вокруг.

Ну и хорошо. Карина легко перепрыгнула через ограду, держась за перила, прошла по узенькому карнизу, ни разу не соскользнув и не оступившись. Стоя на углу, смерила расстояние до ближайшего «жилого» балкона и тут же, без всяких криков и видимых усилий, оттолкнулась и перепорхнула туда.

Именно перепорхнула, иначе не скажешь, легко перемахнув не менее четырёх ярдов на высоте шестого этажа. Легко и беззаботно.

Карина ухватилась за перила балкона, на мгновение замерла, намереваясь на них вскочить, и...

И тут случилось непредвиденное.

В комнате включился свет, а в балконном окне появилась встревоженная старушка, и ещё через секунду из форточки донеслось приглушённое: «Свят, свят, свят...»

А по движениям руки девушка поняла, что в её адрес творится крестное знамение.

«Логично, я ведь ведьма!»

Карине захотелось сделать старухе какую-нибудь гадость: стекло разбить, вскочить на перила голой и в голос расхохотаться, пролететь мимо на метле... Ярости хотелось. Резкости. Продемонстрировать силу и могущество.

Она размахнулась, чтобы врезать по стеклу кулаком, но в последний момент передумала и прыгнула прочь, улетающая в темноту ветвей.

«Пёс с тобой, старая дура, живи пока!»

Осознание того, что она могла навести шороху, но не стала, было таким же сладким, как если бы она устроила старухе весёлую ночь. Сила рвалась на свободу. Сила говорила: «Ты можешь... — и сладко добавляла: — Ты можешь всё».

Сила сводила с ума, и это было здорово.

Карина разделась и нырнула в постель. Попыталась собраться с мыслями и чувствами, но ни тех, ни других не оказалось — выгорели. От неожиданно навалившейся усталости классическое мышление превратилось в квантовое, в котором путано мелькали ликование, жестокая мстительность, прошлое, будущее, смутные обрывки грандиозных видений и упоение достижением... В какой-то миг девушка почувствовала, что задыхается, и испугалась, постаралась дышать ровнее, совсем не двигаться — и помогло, дыхание угомонилось. Но почему-то она вдруг стала думать о Марате, вернее, о тех пространствах, которые он прозревал: ведь если получилось у неё — получится у него, и они вместе смогут путешествовать по удивительным мирам...

А затем всё окончательно перепуталось, и Карина уснула, точнее, впала в беспокойный,

полный скрытой чертовщины обморок.

* * *

— Ты идиот?

— За языком следите, пожалуйста, — сдержанно попросил Керо. Он понимал, что напортачил, но не собирался терпеть больше оскорблений, чем считал допустимым в данной ситуации.

— За каким языком? — Брат Петриус в ярости топнул ногой. — Ты чего принёс?

— Вот это. — Керо аккуратно уложил бесчувственное тело Сатурна на диван и пожал верхними плечами. — Разве не видно?

Хван решил до последнего вести себя так, будто в происходящем нет ничего необычного: принёс добычу, и всё, разговор окончен.

— Чел?

— Вы точно эрлиец? — язвительно уточнил Керо.

— Он живой?

— Повторю вопрос...

— Зачем он здесь? — Убедившись, что телохранитель никого не убил, брат Петриус слегка расслабился.

А сначала очень испугался: увидеть хвана, втаскивающего бесчувственного чела в роскошный номер роскошного отеля в самом центре города, — то ещё удовольствие. Врач сильно встревожился и не сразу сообразил, что Керо достаточно опытен, чтобы проделать всё это, не привлекая ненужного внимания.

— Это один из челов Сиби.

— Каких ещё челов? — не понял эрлиец.

— Ах да, я ведь не успел доложить... Но прежде... У вас есть «Пыльца Морфея»?

— Это один из челов Сиби.

— Каких ещё челов? — не понял эрлиец.

— Ах да, я ведь не успел доложить... Но прежде... У вас есть «Пыльца Морфея»?

— Сейчас... — Врач сходил в соседнюю комнату за чемоданчиком, вытащил пробирку с белым порошком, высыпал чуть-чуть на ноготь большого пальца и дунул Сатурну в лицо. — Всё, теперь он будет спать часов пять, не меньше, и нам не мешает.

— Вот и хорошо. — Хван расположился в кресле, скинул морок — ему нравилось смущать собеседников видом второй пары рук, — закинул ногу на ногу и небрежно начал рассказ: — Несмотря на ваш приказ, я пока не стал следить за домом...

— Но...

— ...потому что счёл это преждевременным. — Керо предостерегающе поднял вверх указательный палец правой нижней руки, показывая, что в настоящий момент его перебивать не следует. — Я услышал ваши слова о том, что для эксперимента требуются подопытные, и решил вычислить окружение Сиби. Для чего взломал его телефон...

— Сам? — не выдержал Петриус. Он не ожидал, что его помощник попутно окажется специалистом по электронике.

— Попросил знакомых ребят из «Тиградком».

— Это была личная услуга?

— Это была платная услуга, я обязательно отмечу её в счёте. — Хван приятно улыбнулся и сложил на животе нижние руки, на мгновение став похожим на шаса. Только четырёхрукого.

— Понятно, что платная, — хмыкнул эрлиец, который прекрасно знал, что телохранитель не из тех, что лентяят поднять с земли лишнюю копейку. — Я имел в виду: взлом произошёл с санкции Великих Домов?

— Нет, — успокоил врача четырёхрукий. — С этой точки зрения услуга была именно личной.

— Хорошо. Что дальше?

— Дальше мы определили шестерых челов, которым он часто звонил в последние дни. В смысле: выкинули из списка Меркеля, московских деловых партнёров и оставили только жителей Уфы...

— Я понял.

— Так вот. Я получил список и решил посмотреть на этих челов, попробовать понять, что они из себя представляют. Приехал к этому, — хван кивнул на Сатурна. — Иду, ищу адрес, а он навстречу из-за угла.

— Адрес?

— Чел.

— И ты не нашёл ничего лучшего, чем притащить его сюда? — саркастически осведомился брат Петриус.

— Только после того, как он заметил мои руки. — Керо многозначительно повертел средними конечностями. — Вот эти.

— Ты забыл навести морок?

— Хочу напомнить, что мы, в отличие от вас, эрлийцев, немножко отличаемся от челов. Совсем чуть-чуть. — Пришла очередь хвана быть саркастичным. — Поэтому в Кодексе специально прописано обязательное наличие самоподзаряжающегося артефакта морока.

Керо откинул полу куртки и продемонстрировал врачу закреплённое на поясе устройство. Рядом с серьёзным ножом в кожаных ножнах.

— Артефакт работал, когда вы встретились?

— Да.

— А чел всё равно сумел заглянуть под морок... — Петриус быстро просканировал Сатурна. — Он не маг.

— Знаю, я уже проверил.

— А это значит... — Тёмные глаза эрлийца вспыхнули. — Сиби уже провёл церемонию! Он собрал группу и инцирировал её Перстнем Парацельса. Отсчёт пошёл.

Брат Петриус потёр руки и совсем иначе посмотрел на сопящего на диване чела, так одержимый учёный смотрит на неизвестного вида мотылька, прежде чем проткнуть его булавкой.

Керо знал этот взгляд и поинтересовался:

— Принести ваши хирургические инструменты?

— Зачем? — удивился эрлиец.

— Вы ведь говорили, что хотите его вскрыть.

— Изучить!

— Разве это не одно и то же? — Как все хваны, Керо был приверженцем простых решений.

— Нет, — покачал головой врач, прикидывая количество челов. — Если я начну их вскрывать, они быстро закончатся.

— Их шестеро, можно составить график на весь эксперимент.

Предложение выглядело настолько заманчиво, что на этот раз брату Петриусу потребовалась почти минута для его отклонения.

— Боюсь, что должен отказаться, — с грустью произнёс он. — Не сейчас. Не на этой стадии. — Эрлиец вздохнул. — Ограничимся магическими исследованиями.

— А потом? — тут же поинтересовался хван.

— Вернёшь его откуда взял.

— Он меня видел.

— Если мы его убьём — Сиби насторожится, если мы его не убьём и он расскажет о тебе — Сиби насторожится... — Эрлиец прищурился, размышляя, и закончил: — Но я всегда был сторонником минимизации насилия.

— Тоже мне Сантьяга, — проворчал Керо.

— Что ты сказал?

— Спросил, где ваши магические приборы?

— Кожаный саквояж в шкафу.

* * *

Ночью они с Дарьей спали, словно убитые, — сказало потрясение прожитого дня — и чуть не проспали. Наспех собрались, наспех попрощались и помчались к местам службы.

Рабочий день быстро втянул Громова в жёсткий ритм, время понеслось в русле рутинных дел — всё как всегда, вздохнуть некогда — и позволило... нет, конечно, не позабыть о церемонии — такое не забывается, — но отодвинуть её на второй план, сделать мысли о ней фоном к основным делам. Однако постепенно, где-то в районе обеда, когда утренняя горячка срочных дел прошла, Виктор начал ощущать нечто... нечто такое, чему он и названия подобрать не мог: какую-то невнятную смесь грусти, злости, печали, раздражения и непонимания. И отмахнуться от этого «нечто» не получалось при всём старании.

Настроение категорически испортилось, Виктор насупился, стал огрызаться на коллег, едва не испортил важный разговор с клиентом, в последний момент сообразив, что нужно сменить тон.

Словно некая облачная хмарь спеленала Громову душу и придавила нелёгким грузом. Исчезла привычная бодрость. Да что бодрость! Куда-то делся душевный покой, необходимый для нормального самоощущения, и причина этого крылась...

«Во вчерашней церемонии...»

Точнее, в том, что он до сих пор не представлял, чем она для него закончилась.

«Кто я теперь?»

У него — хмарь на душе, у остальных — яркие эмоции. Вспоминая путешествие к Неведомому, он равнодушно пожимает плечами, а остальные захлёбываются от восторга.

Они мечтают о том, что станут другими. А он этого боится.

Почему?

Незадолго до шести позвонила Дарья:

— Ты за мной не заедешь?

И Громов — впервые за время их знакомства — едва не ляпнул: «Нет!» Не потому, что не мог, а потому, что не хотел.

Пережитое вчера наслаждение одиночеством вновь манило Виктора, намекало, что ему никто не нужен.

— Ты как? — тихо спросил Громов.

— Если честно — устала.

— Это понятно...

— Нет, я действительно устала. — Даша помолчала, не уверенная, что следует продолжать, но тем не менее продолжила: — Чувствую себя выжатой как лимон.

— Из-за чего?

— Ну, надеюсь, что это простое и временное последствие церемонии. Слишком много сил мы на ней оставили. — Она не собиралась говорить правду. — А у тебя не так?

— В общем, примерно так.

Он тоже соврал, поскольку чувствовал себя вполне обычно.

— Вот видишь... Заезжай.

— Обязательно.

Даша отключила трубку, но не вернула аппарат в сумочку — повертела в руке и даже постучала им по столу, задумчиво разглядывая модную вещицу.

Она совершенно не знала, что говорить Виктору при встрече. И всё то время, что они пробудут до завтрашнего утра, до того, как разойдутся по разным конторам.

Врать, если честно, не хотелось, но правда... Правда была ещё хуже, потому что весь сегодняшний день Даша провела в мыслях о сексе.

Или в его предвкушении.

Или...

Первый звонок прозвенел у входа в здание фирмы. Сегодня пропуска у сотрудников проверял Кастерский — двухметровый громила, на которого заглядывались едва ли не все легкомысленные барышни и взрослые одинокие дамы их богатой конторы. Даша относилась к «промежуточному» варианту: не настолько молода, чтобы спать с каждым мощным самцом, и не настолько стара для этого же. Даша о Кастерском не грезилась, ей вполне хватало Виктора, тем более что она сама его выбрала, не осталась разочарована, всерьёз размышляла о свадьбе... но сегодня... Сегодня двухметровый здоровяк привлёк девушку настолько, что она едва сдержалась. Кастерский почувствовал — он прекрасно разобрался в женщинах, — посмотрел заинтересованно, и Даше пришлось в буквальном смысле бежать, чтобы не оказаться с волосатым громилой в ближайшем туалете.

«Возьми себя в руки!»

Приказ прозвучал более чем вовремя, и его жёсткость на какое-то время привела Дарью в чувство. Часа два она не отрывалась от монитора компьютера, работая словно одержимая, а затем её взгляд упал на директора департамента, и всё вновь изменилось.

«Давно он мне зарплату не поднимал...»

Дашин шеф, Анзор Анзорович, был человеком весёлым — внешне, но прагматичным во всём остальном и числился «хорошим» по обе стороны баррикад: собственники ценили его за то, что он не слишком баловал сотрудников и при этом умел заставить их работать, подчинённые уважали за справедливость, редкие поблажки и защиту перед руководством и конкурентами из соседнего отдела.

«Анзор, я нравлюсь тебе больше, чем тебе кажется...»

Шеф повернул голову и уставился на Дашу, которая тут же уткнулась в монитор.

«Сработало!»

Анзор Анзорович недоумённо нахмурился.

«Ты даже не замечал, насколько я красива...»

Даша не понимала, как это происходит, но точно знала, что управляет происходящим. Сила внутри её позволяла обволакивать мужчин невидимым облаком очарования, от которого не было защиты. Или не облаком, а стрелой Купидона, но разницы не было: выбранная девушкой мишень оказывалась в полной её власти.

Но был и нюанс: при использовании силы Дашу само окутывало сильнейшее влечение, для подавления которого требовалась железная воля.

«А может, не надо подавлять?»

Воображение услужливо подбросило картинку: запертый кабинет, большой письменный стол, за которым так любил сидеть Анзор Анзорович, а на столе — она. Юбка бесстыдно задрана, ноги раздвинуты...

Девушку привёл в чувство грохот: шеф споткнулся и повалил стойку с документами. В офисе возник лёгкий переполох.

«Я что, транслировала тебе свои эмоции?»

Красный как рак, Анзор скрылся в кабинете, но очень скоро — и десяти минут не прошло — позвонила его секретарша и пригласила Дашу на аудиенцию. После которой девушка вышла, получив половинную прибавку к зарплате.

И не устроив соития на письменном столе.

Нет.

Хотя они оба были не против...

— Ты действительно выглядишь усталой, — заботливо заметил Виктор, целуя любимую в щёку.

— Ага.

— Плохо себя чувствуешь?

— Умение забирает много сил.

— Ты тренировалась?

— Да.

Она должна была поделиться впечатлениями. Пусть лукаво, полуправдой, но должна, потому что держать происходящее в себе становилось всё труднее.

— В чём? — помолчав, поинтересовался Громов.

— Я управляю людьми, — просто ответила Даша.

— И мной? — Он издал короткий смешок.

— Нет. — Она выдержала паузу. — Тобой — никогда.

— Спасибо.

— И ты... — Девушка запнулась. — Ты ведь...

— Я не стану использовать своё умение на тебе, — твёрдо пообещал Виктор. — Никогда.

Ему было легко дать такое обещание.

— Оно пришло? — тихо спросила Даша.

— Я ещё не разобрался, — честно ответил Громов. — Пока я вижу только тьму.

— В душе?

— Вокруг.

— Антон говорил, что сила может проснуться не сразу после церемонии, — припомнила девушка.

— На это я и надеюсь. — Виктор помолчал. — Только на это.

В прихожей он отчего-то замешкался, а когда наконец разулся и разобрался с курткой, увидел, что Дарья не просто успела пройти в комнату... Она встала посреди, подбоченилась и расстегнула две пуговицы на блузке, демонстрируя край кружевного лифа.

— Прекрасно, — тихо протянул он. — Прекрасно...

Вместо ответа Дарья прищурилась и сделала неуловимое, но весьма провоцирующее движение, заставившее Громова с шумом раздуть ноздри.

Он уже понял, что сегодня будет жарко.

— Ты вроде говорила, что устала, — шутливо произнёс он, сбрасывая пиджак. Прямо на пол — чёрт с ним!

— Я собираюсь отдохнуть. — Девушка чуть повела плечиками, отчего видимые через распахнутую блузку округлости игриво заколыхались. — Ты со мной?

— Скорее, на тебе.

— Пошляк!

Даша резко обхватила мужчину, прижалась всем телом и впилась глубоким, проникающим поцелуем.

«Да!»

В первый миг у Громова помутилось в глазах, во второй — он пережил острейший ожог вожделения. Грубо облапил женщину, сжал — та простонала нечто, не размыкая уст, —

подхватил, швырнул на диван и набросился, срывая одежду. Восхищаясь её страстью, яростной, какой-то первобытной, и удивляясь себе, своей безбашенности и неистовству.

Они занимались сексом дико, как после длительного перерыва, и долго, словно в последний раз. Они потеряли счёт времени или вывалились из него, отвергли, чтобы не мешало наслаждению, и опомнились через пару часов, обессиленные и довольные.

— Это было великолепно, — не стал скрывать Виктор, целуя раскинувшуюся на диване девушку в щёку.

В ответ — неясная улыбка. И возбуждение в тёмных глазах.

Даша приподнялась, посмотрела на любовника и тихо спросила:

— Знаешь, о чем я сейчас думаю? — Ответа не дождалась, дотронулась пальцами до груди Виктора и закончила: — О том, что у нас вся ночь впереди.

И залилась странным, но счастливым смехом.

ГЛАВА 6

— Усталость?

— Апатия...

— Я сегодня не пошёл на работу и спал до двенадцати.

— А я — до двух. Без просыпу.

— Тоже устал?

— Руку не мог поднять.

— Это похоже на похмелье...

— Болит голова и сухо во рту?

— Вялость.

— Меня, кстати, тошнит.

— Какой месяц?

— Не смешно, пошляк.

— Что пошлого в том, что ты станешь мамой?

— По-твоему, я тоже беременный?

— Тоже тошнит?

— Тоже. — Марат выдержал короткую паузу. — От слабости.

И все посмотрели на Бранделиуса. И в их взглядах сквозило напряжённое: «Что с нами происходит?»

Сквозило холодным, арктическим ветром, готовым в любой момент взорваться яростной бурей. Сквозило сдерживаемой злостью и... страхом. Свой испуг участники церемонии старательно прятали глубоко внутри, но он прорывался, чувствовался, он управлял их вопросом: «Что с нами происходит?»

В ответ — мудрая улыбка.

Лица подопытных Антон Арнольдович читал как раскрытые книги и понимал гораздо больше, чем несли в себе «строчки», понимал всё, что прячется намного глубже, понимал, потому что знал об их состоянии гораздо больше, чем они сами. Знал, куда они идут. Знал, где окажутся.

Знал всё.

И потому улыбка получилась действительно мудрой: нетрудно изображать умника, заранее прочитав нужные ответы.

— Я не подписывался на то, чтобы быть слабым!

Бранделиус ждал этой реплики от Сатурна, но прозвучала она, как это ни удивительно, от Германа, казавшегося сильным и решительным.

«Именно такие с трудом переносят внезапную потерю привычной силы...»

Сатурн же помалкивал, сидя по обыкновению в некотором отдалении и очень внимательно наблюдая за происходящим. Тёмные очки скрывали глаза, но лицо Сатурн сегодня «держал» плохо, мимикой передавая всё, что творилось в его душе.

«Тебя крепко зацепило... Вот и отлично!»

— Вы обещали другое, — хрипло продолжил Герман.

— Разве вы этого не получили? — с лёгкой иронией осведомился Антон Арнольдович. — То «другое», о котором вы говорите, — разве вы его не получили?

Он сидел в том самом, «главном» кресле, в котором проводил церемонию и из которого были прекрасно видны все участники эксперимента. Ядро его будущей армии.

Его рабы.

Только сегодня они не расслаблены, а встревожены, напряжены от непонимания происходящего. Сегодня они жалки, но Бранделиус сдерживал прорывающуюся наружу усмешку — не время. Не сейчас.

Он сидел, спокойный, подобно императору, сведя перед собой руки так, что крупный синий камень поблёскивал чуть ниже ярких глаз, и наслаждался установившейся в гостиной тишиной. Полной тишиной, потому что его будущие рабы не могли опровергнуть его слова: они ведь действительно получили силу.

— Сатурн?

Антон Арнольдович сам не понял, почему решил начать именно с него. Решил — и всё, словно

почувствовал, что так нужно.

— Мне кажется, церемония оказалась гораздо сложнее, чем мы ожидали, — сбивчиво произнёс молодой человек. — Мы не просто обрели силу...

— Какую? — машинально спросил Бранделиус. Не хотел — вырвалось, потому что ему было важно определить способности каждого из шести.

Но увести разговор в сторону не получилось. Чёрные стёкла очков несколько секунд таращились на хозяина дома, после чего Сатурн медленно продолжил:

— Вместе с силой мы получили возможность стать теми, кто прячется у нас внутри, обрести себя настоящих. Если сравнивать, то вся наша прошлая жизнь, наше заурядное существование было лишь «этапом гусеницы»: мы ползали где-то внизу и жрали, жрали, жрали...

— Потребляли, — тихо произнесла Даша.

— Вся наша жизнь была подчинена потреблению, — согласился Сатурн. — Затем — «этап куколки», думаю, мы проходим его сейчас. И скоро, очень скоро мы превратимся в бабочек.

— В однодневок? — тихо спросил Виктор.

— Теперь поздно об этом думать, — улыбнулась Карина.

Громов вздрогнул, но через мгновение понял, что девушка права: поздно. И следует принять то, что происходит. И верить в то, что будет.

На некоторое время вновь установилась тишина, Бранделиус даже решил обратиться к следующему члену команды, но не успел — Сатурн продолжил:

— Во время церемонии я увидел себя...

— Теперь поздно об этом думать, — улыбнулась Карина.

Громов вздрогнул, но через мгновение понял, что девушка права: поздно. И следует принять то, что происходит. И верить в то, что будет.

На некоторое время вновь установилась тишина, Бранделиус даже решил обратиться к следующему члену команды, но не успел — Сатурн продолжил:

— Во время церемонии я увидел себя...

— В очках? — съязвил музыкант.

— Заткнись, — ровно, но настолько жёстко произнёс Герман, что Марат прикусил язык.

И даже прошептал: «Извините».

— И мне не очень понравилось то, что я видел. — Сатурн снял очки. — Но я понял, что я — именно такой. Не тот герой, которого рисовало мне раздутое эго, а тот человек, который раскрылся во время церемонии. Я думаю, что сила, которую нам передали, всего лишь инструмент, с помощью которого мы можем счистить ненужную шелуху и добраться до себя настоящих.

Виктор быстро оглядел присутствующих, но увидел на лицах напряжённое ожидание продолжения. И понимание того, о чём говорит Сатурн. Каждый из них примерял слова парня на себя и соглашался с ними.

«А я? — У Виктора задрожали пальцы. — Кто я? Что со мной? Где МОЯ сила?»

Последним, на кого упал взгляд, был Бранделиус, и, глядя на него, Громов вдруг понял, что москвич озабочен.

«Кажется, тебе не нравится то, что ты слышишь...»

Но почему?

— Я обрела возможность летать, — коротко рассмеялась Карина. — Значит, мое истинное призвание стать пилотом?

Смех получился нервным, на девушку посмотрели... с недоумением, и Сатурн, так и не вернувший на нос очки, чуть пожал плечами:

— Необязательно.

— Тогда о чём ты говорил?

— О том, что мы получили лопату, с помощью которой можно не только рыть окопы, но и копать в себе, — мягко произнёс Герман. — Мы действительно слишком много внимания уделяем тому, на что способна наша сила, и не задумываемся над тем, что она делает с нами. Мы должны использовать силу, чтобы познать себя.

— Я научился сворачивать пространство и шагать стомильными шагами, — негромко произнёс Марат. — Как это умение поможет мне копнуть в себя?

— Не знаю, — растерялся Сатурн.

— Тогда не распространяй на всех свой опыт.

— Я лишь поделился тем, что почувствовал.

— Правильно поделился, — поддержал Сатурна Герман. И покосился на Марата: — Ты научился создавать невозможные переходы, но это лишь первый шаг. И если ты изменишься, пройдёшь «этап куколки» и превратишься в бабочку, то сумеешь гораздо больше.

— А чему научился ты? — прищурился музыкант.

— Убивать, — спокойно ответил Рыжий.

— Что?

— Как?

— Я — воин. — Герман невозмутимо оглядел изумлённых участников эксперимента. — Я — защитник добра. Если вы думаете, что со злом можно бороться только словом...

— Наш рыцарь, — тихо произнесла Карина.

Рыжий посмотрел на девушку и чуть заметно улыбнулся.

— И кого ты убил? — нервно спросила Даша.

— А чему научилась ты? — повернулась к ней Карина.

— Я... — Было видно, что ей не хочется отвечать. — Я...

— Давайте поговорим о нашей слабости! — громко предложил Виктор. Он понимал, что теперь его очередь, вот и решил вернуть разговор к начальной теме. Важной для всех присутствующих. — Чему бы мы ни научились, мы настолько ослабели, что не можем этим пользоваться. Сила исчезла. Почему?

Ход удался — все шестеро вновь повернулись к Бранделиусу.

— Потому, что вы научились тратить энергию, а теперь должны научиться её получать, — важно объяснил Антон Арнольдович.

— Я думал, что должно быть наоборот, — протянул Марат.

— В обычных случаях — да, — подтвердил москвич. — Я — урождённый маг, поэтому научился принимать энергию до того, как выучил первое заклинание. Она всегда была во мне, внутри, а не рядом, как в вашем случае. У вас другая ситуация: вы обрели свои способности с помощью церемонии, через «чёрный ход», если угодно, и теперь должны научиться восстанавливать запас магической энергии.

— Чувствую, не обойдётся без привычных стаканов, — усмехнулся Сатурн.

— Верно. — Бранделиус хлопнул в ладоши, и в комнату вплыл знакомый серебряный поднос, на котором покоились те самые пиалы.

— Так будет всегда? — поинтересовалась Даша. — Я имею в виду: наши встречи, пиалы, ваш перстень...

«А ты умна...»

Бранделиус не хотел спешить с рассказом о том, как связаны они на самом деле, точнее, никак не мог придумать, как правильно подвести разговор к этой скользкой теме, и Даша, сама того не зная, оказала ему услугу. Правда, несколько преждевременную...

— Поскольку вы не урождённые маги, то не сможете потреблять энергию в чистом виде, как я, — ответил москвич, внимательно наблюдая за реакцией команды. — Вам нужен трансформатор, если вы понимаете такое сравнение, передатчик, который преобразует оригинальный энергетический поток в тот, который вы можете принимать.

— Этот трансформатор — вы?

— Да.

Несколько секунд они обдумывали новую информацию, после чего Герман прищурился:

— То есть если с вами что-то случится...

— Вам неоткуда будет брать энергию, — мягко перебил его Антон Арнольдович.

— А перстень?

— С точки зрения преобразования магической энергии для вас, мы с перстнем представляем собой единое целое — так было установлено на церемонии.

Точнее, так было написано в инструкциях Парацельса, и Бранделиус искренне надеялся, что старый колдун его не обманул.

— Получается, мы от вас зависим? — без особой радости в голосе уточнила Даша.

— Разве мы не одна команда? — Антон Арнольдович мастерски сыграл удивление. — Мы объединились в единое целое и должны доверять друг другу. У нас большое будущее.

— Какое?

— Обсудим.

— У вас есть на нас планы?

— У меня просто есть планы, а вы решите, насколько они вам интересны.

«Рабы...»

Они снова переглянулись.

— Вы ничего такого не говорили, — заметил Марат.

— Теперь поздно обсуждать, — буркнул Виктор.

— Согласен.

— Что вас расстраивает?

— Ничего. — Сатурн вернул на нос очки. — Давайте продолжать.

Герман поднял пиалу:

— Ваше здоровье!

— Ваше здоровье!

Бранделиус дал приказ на подачу магической энергии, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, управляя движением невидимых, но мощных потоков. Перстень стал тёплым. Камень засверкал. Челы расслабились, расположившись с той же вольностью, что и во время церемонии.

Работа началась.

Накачивание подопытных преобразованной магической энергией, которое Антон Арнольдович называл про себя «кормлением рыбок», имело не только сугубо утилитарный смысл — восстановление потраченных сил. Как следовало из записей Парацельса, прямое энергетическое взаимодействие с прошедшими церемонией людьми обеспечивало мощную психологическую привязку, постепенно делая их зависимыми от «кормителя».

«Они будут послушны!»

И не просто послушны.

Парацельс написал, что постепенно они должны обратиться в абсолютных, наделённых сверхспособностями рабов, готовых исполнить любой приказ мастера церемонии. Абсолютно любой.

И это вдохновляло.

«Мне нужны не слуги. Мне нужны исполнители воли!»

* * *

— То есть он не колдун? — уточнил Кери.

— В его организме присутствует магическая энергия, но не в чистом виде, как должна, а изменённая... — Брат Петриус помолчал, подбирая подходящие слова. — Можно сказать, что чистая энергия была преобразована с помощью некоего заклинания в энергию, пригодную для использования этим челом. Так понятно?

— Более-менее.

— Вот и хорошо.

Они сидели в гостиной роскошного номера эрлийца: врач за столом, у раскрытого ноутбука, хван в кресле, уложив все четыре руки на подлокотники, — и обсуждали результаты исследования чела. То есть не совсем обсуждали — у Кери отсутствовал необходимый уровень знаний, — брат Петриус пытался объяснить телохранителю, что он выяснил.

Не по своей воле, разумеется, объяснял. Изначально эрлиец не собирался ничем делиться с хваном, но Кери жёстко настоял на своём праве знать подробности, аргументируя это вопросом безопасности, и врач сдался. В конце концов, от действий хвана зависела его жизнь, и воин должен знать, с кем ему, возможно, придётся сразиться.

— Почему я не понял, что передо мной маг?

— Потому что мы нечувствительны к преобразованной энергии. Грубо говоря, мы её не знаем и поэтому не видим.

— Но мы можем ей противостоять?

— Я работаю над этим, — уклонился от прямого ответа врач.

Попробовал уклониться, потому что опытный убийца не собирался пропускать мимо ушей столь важную тему.

— Брат Петриус? — Кери удивлённо поднял брови.

— Не знаю, — выдохнул тот, с преувеличенным вниманием уставившись на экран компьютера.

— В смысле?

— Смысл в том, что конкретно этот чел получил возможность смотреть сквозь морок, то есть взаимодействовать с классической магией. Но это всё, что можно утверждать достоверно. Я не знаю, сможет ли он преобразовывать свою энергию другим образом.

— А если сможет?

— Значит, сможет.

— Я смогу защититься от его заклинаний с помощью классической магии?

— Полагаю, да, — почти уверенно ответил эрлиец. — Раз он сумел заглянуть под твой морок, значит, ты должен блокировать его атаки. Теоретически.

— А на деле я должен стрелять первым. — Всю получаемую информацию хван рассматривал только с точки зрения её практического применения.

— Мне нужны подопытные для исследований, — деловито произнёс врач.

— Кхм... — Керо кашлянул, многозначительно разглядывая учёного работодателя, после чего неожиданно спросил: — Откуда вообще взялся артефакт и что он может делать?

— Почему тебя это интересует? — вопросом на вопрос откликнулся брат Петриус.

— Потому что вы не смогли дать чёткие ответы на мои вопросы и мне нужна полная информация.

— Э-э...

Хван прекрасно понял причину замешательства эрлийца и деликатно напомнил:

— Мы связаны контрактом, брат Петриус. Я не имею права разглашать полученную от вас информацию.

— Да, да... — Врач сложил ноутбук, поднялся, прошёлся по комнате, разминая ноги, плеснул в бокалы коньяка — себе и гостю, уселся в кресло и произнёс: — Ты знаешь, чем занимались человеческие алхимики?

— Наверное, тем же, чем и нечеловеческие, — ухмыльнулся четырехрукий, грея бокал в ладонях.

— Я имею в виду тех, кто не знал о Тайном Городе. — Эрлиец улыбнулся. — Они искали возможность разбудить дух человека и подняться, если можно так выразиться, на следующий уровень. Перейти к сверхчеловеку.

— А я слышал о возможности перестраивать свинец в золото, — разочарованно припомнил Керо.

— В их записях полным-полно аллегорий, — объяснил врач. — Но смысл в том, что классический алхимический путь — это дорога к Человеку с большой буквы. И Парацельс, несмотря на то что являлся настоящим и весьма сильным колдуном, блестящим выпускником одной из школ Зелёного Дома, был увлечён сим замыслом. Он искал дорогу к созданию сверхчеловека. И у него, судя по всему, получилось.

— Он нашёл способ поднять сородичей до следующего уровня?

— Да.

— Почему же Великие Дома не использовали его изобретение?

— Потому что артефакт Парацельса ни разу не оказывался в их распоряжении. Его прятали челы. В последнее время — Хранитель Чёрной Книги.

— Как же он оказался у Сиби?

— Это долгая история. — Петриус усмехнулся, словно припомнив что-то не очень приятное, и на мгновение в его глазах сверкнула неподдельная злость. — Доподлинно известно, что артефакт использовался несколько раз, однако все эксперименты заканчивались гибелью мастера. При этом сам Парацельс писал, что не успевает закончить артефакт, и предостерегал от его применения.

— Как? — Хван поперхнулся коньяком и в изумлении уставился на врача. — Создатель просит не трогать артефакт, первый же мастер, который рискнул активизировать артефакт, умирает, и всё равно находятся желающие продолжить попытки?

— Перстень Парацельса предлагает власть, позволяет создать послушных сверхсолдат, полностью зависимых от мастера, — тихо произнёс брат Петриус. — Очень трудно не поддаваться искушению.

— Даже зная, что все его предшественники погибли?

— Чем заманчивее приз, тем выше ставка. — Эрлиец улыбнулся. — Всегда найдётся тот, кто рискнёт.

* * *

— Блаженство...

— Тебе правда понравилось?

— Ты ещё сравни это с сексом.

— Это лучше, чем секс.

— Тебе-то откуда знать?

— Ха, ха, ха...

— Даша, не провоцируй.

— У меня такое ощущение, будто я могу дотянуться до луны.

— А у меня — будто я и есть луна.

— Пожелтел и тебя раздуло?

— Нет, повис в небе и вызываю приливы...

Смех.

Они напоминали насытившихся хищников, довольных и умиротворённых. Вальяжные позы, неторопливая речь, мягкие взгляды, шутки, улыбки... Они получили то, чего желали, и теперь перекатывали внутри себя невозможную, но такую очевидную силу и наслаждались ею, не спеша применять.

— Герман, — позвал мужчину Бранделиус.

— Да? — Тот как раз шептал что-то на ухо улыбающейся Карине, но, услышав обращение, тут же повернулся. И Антон Арнольдович с удовлетворением отметил, что после «кормления» психологическая привязка усилилась.

— Ты не расскажешь о своих переживаниях?

— Я стал воином.

— Это мы слышали.

— Разве этого недостаточно?

— Ты был воином во время церемонии... А в реальной жизни? Например, вчера? Ты использовал свою силу вчера?

Бранделиус бил наугад, он знал, что кто-то из команды должен употребить силу во зло, не мог не употребить, и колебался между Германом и Сатурном. Первый — потому что воин, второй — в силу его характера. Однако эмоциональное выступление Сатурна заставило москвича обратиться к более миролюбивому, но получившему силу воина Герману.

— Ты использовал её?

Несколько секунд Герман смотрел Бранделиусу в глаза, а затем коротко ответил:

— Я убил двух человек. — И в гостиной стало очень-очень тихо.

Карина вздрогнула, уставилась на Германа, глаза её потемнели. Марат поднял брови. Сатурн старался делать вид, что ему безразлично, но получалось плохо. В глазах Даши сверкнул огонёк интереса. Виктор помрачнел.

Рыжий не хотел рассказывать, во всяком случае — сейчас не хотел, но не мог соврать Антону Арнольдовичу. Признался. Но получилась всё равно полуправда, потому что Герман решил во что бы то ни стало скрыть убийство соседа.

— Ты замёл следы?

— Я их не оставил. — Герман был настолько далёк от мира криминала, что даже сейчас не вспомнил об отпечатках пальцев. — Я чист...

— Подождите! — Виктор поднялся на ноги. — Наш... — Друг? Коллега? Кто? — Наш знакомый признался в двойном убийстве, а мы обсуждаем, замёл ли он следы?

— Что может быть важнее? — с издёвкой осведомился Сатурн.

Даша хмыкнула.

— Но мы ведь говорим об убийстве. — Виктор оглядел команду. — Об убийстве.

— Давай дождёмся подробностей и тогда сделаем выводы, — предложила Даша.

— Ага, — поддакнул Сатурн.

Карина молча кивнула. Марат, помедлив, тоже.

А Громов вдруг почувствовал себя нелепым. Чего он хотел добиться? К чему призвать? К человечности? Но... Но ведь он и впрямь не знает всех деталей произошедшего.

Виктор вернулся в кресло, Антон Арнольдович, не скрывая иронической усмешки, дождался, пока он расположится, и спросил у Германа:

— Расскажешь подробности?

— Они были бандитами и сочли меня лёгкой добычей...

И снова — полуправда. Несмотря на взгляд Бранделиуса, которому Герман не мог противиться, взгляд Карины был для него важнее. А Карина — это Герман чувствовал кожей — впала бы в ужас, узнав, что он сам искал неприятности, сам хотел убить тех двоих, а убив — испытал невероятное наслаждение. Карина сошла бы с ума от такого откровения, поэтому Герман постарался пересказать историю так, чтобы оказаться в роли потерпевшего... И поэтому говорил медленно, подбирая слова и не уточняя, где именно произошла стычка. Складывалось впечатление, что он просто шёл по улице и стал жертвой нападения.

Ему внимали, не отрываясь и не перебивая. Все, кроме Дарьи, которая, едва услышав, в чём признаётся Герман, задумалась над тем, что она еще не выступала на их импровизированном собрании, не делилась обретенной силой, и у неё совершенно не было желания это делать.

«Что я буду говорить?»

Если взглянуть правде в глаза, то придётся признать, что Дарье не очень-то хотелось заглядывать в себя. В душу, в которой всё сильнее и сильнее разгоралось тёмное пламя. Чудилось даже, что она различает его багровый цвет, идеально подходящий к тьме подземелья. Пламя распирало её, раздувало опасный жар, требовало больше, чем она была готова дать... Девушка страшилась признаться себе в том, что может вот сейчас, сию минуту, послав всё к чёрту, с бешеной страстью броситься в объятия Громова, пусть видят, пусть обалдевают — плевать на них! — и отдаться безумному сексу.

Готова! Никаких сомнений.

И... почему только Громову?

«Любовь требует больше!»

Эти слова будто кто-то злорадно прокричал в её мозгу, и она содрогнулась, но не с отвращением, а с мучительно-сладостным бесстыдством, ужасаясь, восторгаясь и чувствуя себя демоном Лилит, первой женщиной, неудачно созданной до Евы, а затем уничтоженной и почти позабытой, память о которой похоронена в веках...

А почему, собственно, похоронена? Вот же она, живее всех живых! Вошла в меня, воплотилась...

Дарья ощутила, как её обдало холодом, жаром, чёрт-те чем ещё... Бред! Тут она осадилась себя,

заставила опомниться — и увидела наставленные в упор тёмные очки.

Сатурн смотрел на неё, только глаз его не было видно, а смысл взгляда... А впрочем, что там — смысл взгляда был ясен, даже несмотря на то, что глаза закрывали непроницаемые очки: по губам, по напряжённому положению тела, по тому, как медленно он поднял руку и прикоснулся к волосам, словно хотел их поправить... Дарья поспешно отвела глаза, ощутив, что багровое пламя обожгло её особенно остро.

— Вот и всё, — закончил Герман.

— Познавательное, — буркнул Сатурн, продолжая смотреть на Дашу.

— Странное определение, — заметил Виктор.

— Такое могло произойти с каждым из нас, — вздохнул Марат.

— Разве ты тоже получил силу воина? — удивилась Карина.

— Каждый из нас воспользовался бы силой, окажись в обстоятельствах Германа, — объяснил свою мысль музыкант.

И каждый с ним согласился.

Бранделиус едва сдержал радостный вопль: всё шло так, как он хотел.

— Я не чувствую в себе силу убивать, — помолчав, произнесла Даша.

— Любую силу можно использовать для боя.

— А если я не хочу?

— А если придётся?

— Защищаться?

— Иногда нужно и атаковать, — заметил Антон Арнольдович.

И едва всё не испортил.

— Вам нравится, что Герман убил двух человек?! — взвился Виктор. — Может быть, вам именно это и было от нас нужно? Вы для этого нас готовили? Для этого давали силу?

«Проклятый кретин!»

На мгновение Бранделиус повис над пропастью, потерял равновесие, шагая по канату: он не мог не ответить, но не мог и решиться на ответ. Они ещё не дышат верой в него, они ещё не рабы, ещё мыслят, и ссора сейчас ни к чему... На мгновение Антон Арнольдович запаниковал, но его выручила молчавшая до сих пор Карина.

Которая, похоже, не услышала обвинений Виктора.

— Подождите! — Девушка яростно оглядела присутствующих. — Погодите!

И таким ярким оказался её порыв, что все замолчали. И вскочившая Карина тоже замолчала,

растерянно глядя на остальных, словно позабыв, что хотела сказать и для чего привлекла общее внимание.

— Да-да, — мягко произнёс Бранделиус. — Мы слушаем.

Девушка сглотнула, посмотрела на Германа, который явно стушевался, оказавшись в центре внимания, и произнесла:

— Мы так сосредоточились на своей силе и на себе, на том, как мы изменимся, что совершенно позабыли о том, что находится за рамками нас.

— За рамками нас?

— А зачем об этом думать?

— К чему всё это? — растерялся Громов.

— Пусть скажет! — громко произнесла Даша.

И Виктор ответил ей изумлённым взглядом.

— Я думаю, сила нам дана не просто так, не только для того, чтобы мы познали невозможное, изменились и разобрались в себе... У нас появилась высшая цель.

— Убивать бандитов? — недовольно поинтересовался Виктор.

— Нести справедливость, — уточнила Карина. — Мы могли защищаться, когда были никем, когда стояли у мест силы в тщетных попытках овладеть ею, когда только мечтали, но теперь... Теперь мы другие — сильные. Теперь мы не имеем права ждать, когда на нас нападут, а должны помогать людям: восстанавливать справедливость и предотвращать преступления.

Бранделиус хотел сказать нечто подобное, но эмоциональное выступление Карины оказалось и своевременным, и проникновенным. Она сделала за него работу.

— Мы не герои из комиксов, — угрюмо произнёс Виктор, холодно глядя на улыбающегося Антона Арнольдовича.

— Мы лучше, потому что настоящие, — убеждённо возразила Карина.

— И кто знает, может, за героями из комиксов стоят такие же люди, как мы, — вдруг добавил Марат. — Ведь комиксы тоже на чём-то основываются.

— Ты ещё скажи: на реальных фактах.

— На городских легендах.

— И кто стоит за легендами? Избранные?

— Люди, прошедшие церемонию, — объяснил музыкант. — Неужели непонятно?

И Громов понял, что проиграл. У него не было шансов: переполняющая сила заставила их поверить в свою исключительность. А у него этой силы не было... Увы.

— То есть наша цель — исправление общества? — прищурилась Даша.

— Именно.

— Будем наказывать преступников?

— Лучше решим, с кого начнём? — взял слово Сатурн. — У кого-нибудь есть на примете настоящий злодей?

— У меня, — ответила Карина.

— Настоящий?

— Он мне жизнь сломал.

И Бранделиус с трудом сдержал желание её расцеловать.

«Не может быть! Этого попросту не может быть!»

Девушка делала за него всю работу: предложила, убедила, а теперь ещё и цель назначила, на своём примере показывая, сколько на свете несчастных, обездоленных, нуждающихся в защите людей. Бранделиус знал, что у Карины имеется душевная травма, но не думал, что девушка раскроет её так быстро.

— Что он сделал?

Последний шанс уклониться. Последний шанс оставить свой ужас в себе. Последний шанс не делиться своим стыдом...

«Стыдом?! В чём стыд? Это он, а не я! Ему должно быть стыдно... Нет — ему должно быть страшно! Теперь его очередь испытывать кошмар!»

Карина с силой провела руками по лицу, по голове, взлохматила волосы. Воспоминания перевернули её, левый угол рта задёргался, глаза жестоко сузились.

— Ни для кого из вас не секрет, что я — не самая красивая девушка на свете. Как говорят косметологи: «Мне есть куда стремиться...» — Смешков не последовало: присутствующие чувствовали, что девушка на грани, и молчали. — Я не была избалована вниманием ни в школе, ни в институте. Я всё время оставалась в стороне. Меня не замечали, и это было самое неприятное — я была никем. Слишком блеклая, чтобы стать своей. Не думаю, что кто-нибудь из вас понимает, что я переживала. И никто из вас не понимает, что побудило меня пойти с ним...

Она сбилась. Думала, заплачет, но нет — глаза остались сухими.

— Мы всё поняли, — очень мягко произнёс Герман. — Подробности необязательны.

— Вы первые, кому я исповедуюсь, так что — обязательны. — Карина вскинула голову и оглядела всех. Каждого. Оглядела, чтобы увидеть, что они разделяют её боль. — Он был невзрачен: маленький, полненький, никогда не смотрел в глаза собеседнику. Почему я пошла с ним? Он был очарователен. По-настоящему. Он был первым, кто подарил мне цветы. Цветы! Вы не представляете, как это важно — цветы не от отца! Он сводил меня в театр! Он... Он должен был стать моим первым мужчиной! Я хотела этого. Я мечтала отдаться ему, невзрачному, полненькому, казавшемуся мне идеальным. Я всё понимала, но он... — У Карины перекосяило рот. — Это, наверное, комплексы маленького и невзрачного. Он не хотел спать, в смысле —

просто спать... его заводило насилие, беспомощность жертвы, слёзы. Я наврала родителям, что уезжаю в санаторий, приехала к нему и на неделю попала в самый настоящий ад. То, что он вытворял со мной в своей квартире, я не желаю испытать никому. Целую неделю... Потом он выкинул меня.

И снова — никаких слёз. Иногда Карина представляла себе, как будет исповедоваться, рассказывать о своём кошмаре, и всегда — всегда! — она при этом рыдала в голос. А сейчас, во время настоящей, а не воображаемой исповеди не плакала.

— Почему ты не пошла в полицию? — тихо спросила Даша.

— Он снял всё на видео, на фото. Сказал, что ославит меня на весь мир.

— Это доказательства против него.

— Против меня, — вздохнула девушка. — Он ведь записывал только те эпизоды, в которых не было насилия. А потом... Как начиналось наше свидание? Он приехал за мной к институту, с цветами, на машине... Подруги видели, что я добровольно пошла с ним... Кто бы поверил, что всё происходило без моего согласия?

— И ты, естественно, не говорила подругам, что у тебя это в первый раз.

— Не говорила.

Запуганная, изнасилованная, сгорающая от стыда и страха... Она не знала, к кому обратиться.

Но то была прежняя Карина.

Нынешняя не плакала.

— Когда ты встречалась с ним в прошлый раз? — вдруг спросил Герман.

Вопрос застал врасплох всех. Марат открыл рот, Виктор изумлённо ойкнул, Даша вздрогнула, Сатурн жёстко усмехнулся. И даже Бранделиус не удержался — вытаращился на несчастную девушку.

— Как ты догадался? — тихо спросила Карина.

— Почувствовал, — угрюмо ответил Рыжий. — Когда?

— Неделю назад. — Девушка вздохнула и отвела глаза. — Примерно раз в месяц он звонит и требует приехать.

Это стало последней каплей.

— Подонок!

— Мразь!

— Скотина!

«Спящий, если ты меня слышишь, спасибо!» — с чувством воскликнул Бранделиус.

Беззвучно.

— Ты должна от него освободиться, — твёрдо произнесла Даша. И оглядела присутствующих, удивившись внезапно наступившей тишине.

«Спящий, если ты меня слышишь, спасибо!» — с чувством воскликнул Бранделиус.

Беззвучно.

— Ты должна от него освободиться, — твёрдо произнесла Даша. И оглядела присутствующих, удивившись внезапно наступившей тишине.

Они не испугались. Они оказались на перепутье.

С одной стороны — прошлая жизнь и прошлые установки, зазубренные в детстве правила, этические нормы, понятие греха и... и боязнь попасться, разумеется, куда же без неё.

С другой — бурлящая внутри сила. Упоительное ощущение власти. Ну и тот факт, что о помощи просила не абстрактная женщина, а одна из них, такая же избранная.

И неизвестно, сколько бы они стояли на том перекрёстке и в какую сторону направились бы, не выскажись Герман.

— Полагаю, вопрос даже обсуждать нелепо, — негромко произнёс он.

— Что значит «нелепо»? — взвился Виктор.

— Это значит, что гад должен получить по заслугам.

— Хочешь его убить?

— Мы должны его наказать.

— С каких это пор мы стали... Гм... — Громов чувствовал, что его несёт не туда, но не смог остановиться. — С каких это пор мы стали «мы»?

— С церемонии.

— Я с удовольствием помогу, — первым заявил Сатурн.

— И я, — кивнул Марат.

— Мы должны это сделать, — подытожила Даша. — Должны избавить мир от грязи.

И все посмотрели на Виктора. И Бранделиус, взгляд которого был Громову особенно неприятен. И он понял, что не может промолчать.

— Естественно, я с вами, — проронил он, стараясь, чтобы голос звучал естественно. — Я просто...

— Трудно принимать новое, да? — с улыбочкой спросил Антон.

— Да, — ответил Виктор, глядя на Дашу. — Очень.

* * *

- Ты уверен? — изумлённо переспросил Меркель.
- Я следил за ним с того момента, как он вышел из дома, — спокойно ответил Мустафа. — Проследил до Цыганских дворов, до встречи с уголовниками...
- Они наверняка выбрали для этого уединённый уголок, — прищурился шаман.
- Дальше я отправил «птичку» и видел всё её глазами, — сообщил иллюминат. И тут же, предвосхищая вопрос компаньона, объяснил: — Герман не заметил артефакт, потому что не реагирует на магию.
- Откуда ты знаешь?
- Я запускал «птичку», когда он сидел в машине — никакой реакции. Запускал прямо перед его носом.
- Ну... ладно. Допустим. — Проявленная Джафаровым предусмотрительность произвела на Авдотия впечатление. — Что дальше?
- Дальше Герман их убил, — пожал плечами Мустафа. — Обоих.
- За что?
- Они решили его ограбить.
- То есть самооборона?
- Как посмотреть... — Иллюминат прищурился. — С одной стороны, да — самооборона. С другой — что он делал в Цыганских дворах? Зачем поехал туда?
- Может, он торчок, — предположил Меркель.
- Не похож.
- Торчки маскируются.
- Торчки стараются работать со своими дилерами, — подумав, ответил Джафаров. — А Герман пошёл вслед за первыми же встреченными бандитами. Нет... Он их искал.
- Хотел убить?
- Я бы сказал — да. — Мустафа помолчал. — И ещё я бы сказал, что ему нравится убивать.
- Он садист?
- Нет, он убивал быстро и точно, не наслаждался страданиями жертв, он... Мне показалось, что ему нравится сам процесс убийства.
- Откуда ты знаешь? — не выдержал Меркель, которому очень, очень, очень и очень не нравилось то, что он слышит.
- Я видел его лицо во время убийства, — объяснил Джафаров. — «Птичка» дала крупный план.
- И на основании этого...

— Я видел его лицо!

— Ладно, ладно... — Авдотий вытащил платок и вытер вспотевший лоб.

Он знал Мустафу с детства, помнил, как начинали они — мелкими жуликами, обманывающими простаков ради небольшого дохода, и знал, что компаньон — прекрасный физиономист. Джафаров превосходно «считывал» лица и наверняка специально настроил следящий артефакт так, чтобы получать крупные планы Германа.

Которому, в свою очередь, нравилось убивать. А значит...

— Бранделиус переделывает челов в сверхсолдат? — выдавил из себя шаман. С каждым мгновением он всё больше и больше убеждался, что напрасно ввязался в это дело, и проклинал тот день, когда заезжий москвич решил укрыться в Уфе. — Готовит армию?

Они разговаривали в офисе — единственном их месте, полностью защищённом от всех видов подслушивания, — и белорусу вдруг захотелось вытащить из ящика повывавшего виды стола бутылку виски и «вмазать» стакан. И лишь огромным усилием воли он заставил себя не думать о спиртном.

— Перед Германом я наблюдал за музыкантом, Маратом, и не обнаружил никаких признаков агрессии или склонности к насилию, — отчитался Мустафа. — Он был рассеян, словно погружён в себя. И... — Джафаров прищурился, вспоминая: — Абсолютно спокойное лицо. Немного отстранённое... В общем — богема.

— Хорошо, если так, — вздохнул Меркель. — Нам только батальона спятивших убийц тут не хватало.

— Их всего шестеро.

— Плевать.

— Если выяснится, что они психи, — сразу же звоним в Службу утилизации, — пожал плечами Мустафа. — Собственно, мы уже можем это сделать с чистой совестью.

— С чистой совестью, но пустыми карманами, — наставительно напомнил Авдотий. Вспомнив, что они собирались крупно заработать, белорус сумел подавить страх. — И звонить надо не в Службу утилизации, а в конкретный Великий Дом и предлагать...

— Заплатить нам, — закончил за друга Джафаров. — Я помню.

— Отлично.

— Но мне кажется, мы уже можем их сдавать, — продолжил иллюминат. — Они явно прошли какое-то преобразование и заполучили сверхспособности.

— Какой обряд? Какие способности? — перешёл в наступление Меркель. — Какому Великому Дому мы будем звонить? Что мы скажем: приезжайте, посмотрите, у нас тут челы со сверхспособностями завелись? Они приедут и разберутся, но где в этой схеме наши деньги?

— Нельзя быть таким жадным.

— А каким быть можно? — Белорус вопросительно посмотрел на друга.

Мустафа вздохнул и подумал, что отучать Авдотия от жадности следовало ещё в детском садике, кулаками. Сейчас — поздно.

— Я не знаю, какую магию использовал Герман, — убеждённо произнёс он, — но обычного энергетического всплеска во время схватки не было.

— Почему ты решил, что применялась магия?

— Потому что он двигался слишком быстро.

— Может, Бранделиус пересадил ему гены гепарда?

— Может, — помолчав, согласился Мустафа.

— Вот видишь, как много мы ещё не знаем! — рассмеялся шаман. — Поэтому давай не торопиться звонить в Тайный Город, а соберём дополнительную информацию.

— А если они ещё кого-нибудь убьют?

— Отвечать всё равно Бранделиусу, а не нам.

— Тоже верно, — согласился Джафаров, поняв, что друга не переубедить.

— А нам нужно внести разлад в их дружное общество.

— Зачем?

— Затем, что они этого не ждут: ни эрлиеца, ни Бранделиуса, — объяснил Меркель. — Это будет неожиданный ход, который вызовет множество следующих и взорвёт ровное течение событий...

— Я не хочу оказаться в эпицентре взрыва, — твёрдо произнёс Мустафа.

— Мы будем наблюдать со стороны, — пообещал Авдотий. — Думаешь, я хочу нарваться? Нет, нам нужно их сравить.

— Да зачем?!

— Затем, что в чрезвычайных обстоятельствах они начнут полнее проявлять свои способности, а также искать союзников, понял? Мы проследим, выясним, что они умеют, поговорим с тем, кто прибежит к нам за помощью, и с чистой совестью и максимальными деталями продадим ситуацию одному из Великих Домов.

Меркель выглядел довольным, как только что вымытый «Мерседес», однако у Джафарова был свой взгляд на возможное развитие событий:

— А если они уедут?

— Кто?

— Все.

— Куда?

— Э-э... — Несколько секунд Мустафа искал правильный ответ, после чего выпалил: —

Подальше от Уфы.

— Проследим, — пожал плечами шаман. — Или у нас нет возможности?

— Есть...

— Вот и отлично! — Авдотий окончательно повеселел. — Скажи лучше, кем стоит заняться? Кому открыть «страшную» правду?

Несколько секунд Джафаров молчал, припоминая отобранных Бранделиусом челов, после чего ответил:

— Думаю, нужно действовать через Виктора Громова.

— Почему?

— Есть ощущение, что из-за этой истории у него намечается разлад с подругой.

— Тебе кажется или действительно намечается?

— Я неплохой прорицатель семейных отношений.

— Я помню... — Меркель вновь потёр руки. — Хорошо, пусть будет Громов.

* * *

— Вы позволите?

— Зависит от того, что именно я вам должен позволить, дорогой мой, что именно...

— Не называйте меня дорогим. — Голос Сатурна стал прохладным. — Я сделал несколько шагов навстречу коллективу, но это не значит, что я сильно изменился или превратился в слабака. И я ещё не уверен, что не разочаруюсь в подобном поведении.

— Знаю и прошу меня извинить, — сменил тон Бранделиус. — У меня хорошее настроение, вот я и позволил себе некоторую... гм... игривость.

— Вы рады тому, что мы убьём этого подонка? — тут же поинтересовался Сатурн.

— Я рад тому, что эксперимент развивается так, как было запланировано, — усмехнулся Антон Арнольдович. — Мы успешно преодолели один из основных этапов: вы обрели силу и учитесь ею управлять. И я... Я почти счастлив.

— А когда вы будете окончательно счастливы?

— Когда вы возьмёте силу под полный контроль. Когда станете такими, как я!

«На самом деле этого не будет, но ты должен верить, раб, ты должен верить...»

— Вы альтруист?

— Как я уже говорил: мне скучно одному. — Всем «избранным» Бранделиус рассказывал приблизительно одно и то же, поэтому не боялся ошибиться. — О чём вы хотели поговорить?

Антон Арнольдович догадывался, что кто-то из подопытных останется после совещания или вернётся, не желая привлекать к себе внимание остальных, но был чуточку удивлён тем, что этим «кем-то» оказался Сатурн. Нелюдимый и надменный, он, несмотря на взрыв эмоций, по-прежнему казался твёрдым, и было странно, что отдельное обращение понадобилось именно ему.

«Что ж, тем интереснее».

— Я слушаю. — Бранделиус блестяще изобразил глубокую заинтересованность.

— Насколько сильными могут быть галлюцинации во время наших изменений? — спросил молодой человек.

— По-разному, — не стал скрывать Антон Арнольдович. — Церемония нанесла сознанию очень сильный удар, более того — сместилась привычная картина мира. То есть раньше вы просто верили, надеялись, а теперь получили доказательства, и не просто доказательства — вы получили силу, которая находится за пределами вашего понимания. Вы учитесь ею управлять, и ваш мозг, разумеется, реагирует на происходящее с помехами.

— Понятно.

— Что вас тревожит?

— Потеря памяти.

— И такое случается... — Бранделиус прищурился. — Но вы вроде говорили о галлюцинациях?

Сатурн помялся. Он не мог не начать этот разговор, но при этом ему не нравилось, что он должен его вести. Он не стеснялся, просто не любил признаваться в слабости.

— Вчера... — Ему было настолько неловко, что он едва не стянул очки. Но сумел сдержаться. — Вчера утром я вышел из дома, нужно было купить еды на завтрак, а очнулся после обеда, даже ближе к вечеру — в пять часов, на лавочке у подъезда. Без еды и питья.

— Ограбление? — быстро спросил помрачневший Бранделиус.

— Нет, — покачал головой Сатурн. — Всё ценное осталось при мне.

— Потеря памяти случилась в первый раз?

— Тоже нет, — после короткой паузы признался молодой человек. — В первый день, сразу после церемонии, я тоже терял память. Бегал ночью по району, но ничего не помню...

— То есть ваши изменения сопровождаются периодической потерей памяти... — Антон Арнольдович чуть успокоился. — Тогда, наверное, причин для беспокойства пока нет, но если повторится снова, дайте знать.

— И что вы сделаете?

— Начну делать прямо сейчас, — веско ответил Бранделиус. — Я попробую найти способ помочь вам с помощью силы.

— Это возможно?

— Сила — это глина, и талантливый скульптор способен слепить из неё что угодно: и оружие, и лекарство.

— Надеюсь, вы правы. — Сатурн тоже повеселел.

— Значит, галлюцинаций не было? — уже заканчивая разговор, почти машинально спросил Антон Арнольдович. И попал в десятку.

— Мне показалось, что перед тем, как потерять сознание, я видел мужчину с четырьмя руками, — легко ответил Сатурн. — Но ведь видения могут быть связаны с потерей памяти?

— С четырьмя руками? — переспросил мастер церемонии.

— Вы мне не верите?

— Как раз наоборот: мне интересно. — Бранделиус улыбнулся, но получилось это довольно нервно. — Вы уверены?

— Они существуют? — тут же среагировал Сатурн.

— Кто? — опомнился Антон.

— Четырёхрукие.

— Только в твоём воображении. — Бранделиус окончательно овладел собой и теперь говорил настолько уверенно, что ему невозможно было не поверить. — И ещё в каких-нибудь компьютерных играх. Наверное.

— Понятно. — Сатурн улыбнулся и поднялся с кресла. — До свидания.

— Увидимся.

Попрощавшись с гостем, Бранделиус тщательно заперся, причём не только на засовы и замки, но и активизировал все защитные заклинания, превратив дом в крепость, вернулся в гостиную и задумался.

Итак, он оказался прав: в Уфе появились нелюди. И они знают не только о нём, но и о челах. Знают, но пока ничем не мешают.

Почему?

Ответ был на поверхности.

— Добро пожаловать, брат Петриус, — пробормотал Сиби, наливая себе виски. — Не думал, что ты разыщешь меня настолько быстро...

ГЛАВА 7

По дороге домой они задумчиво молчали, при этом каждый — снова, снова! — испытывал жгучее желание побыть в одиночестве. Или всё рассказать, разом разрубив проклятый узел, но... Украдкой смотрели друг на друга, отворачивались и продолжали молчать.

Виктор — о том, что перестал чувствовать силу и не ощущает в себе никакого дара.

Даша — о полученной способности превращать мужчин в послушных слуг.

Неловкость стала раздражать.

А раздражение — первый шаг к разрыву.

И ещё Виктору не нравилось, что Бранделиус начал формировать из них какую-то команду. Именно Бранделиус, никто иной. Выступление Германа и эмоциональная исповедь Карины сильно подействовали на ребят, сплотили их, и Громов видел, с какой радостью Антон Арнольдович принял подобный оборот событий. Не вызывало сомнений, что он сам хотел натравить заполучивших сверхспособности подопечных на неких злодеев, и выступление несчастной девушки пришлось весьма кстати.

— Нас затягивают в игру...

— Что?

— Извини. — Задумавшись, Виктор брякнул фразу вслух, и Даша среагировала.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе не показалось? — ответил он вопросом на вопрос.

— Ты не веришь Бранделиусу? — повторила она его ход.

— Почему я должен ему верить?

— Потому что он сделал для тебя очень много. — Девушка передёрнула плечиками. — Разве нет? Без него мы с тобой так и продолжали бы ходить вокруг тех берёзок.

«А теперь?! — едва не вырвалось у Громова. — Что у нас есть теперь?»

Но сдержался, знал, что ему придётся ответить на тот же вопрос.

— Сила, — пробормотал он просто для того, чтобы не молчать.

— Именно, — подтвердила Даша.

— Но для чего он дал её нам?

— То есть?

— Для чего он это сделал? Для чего дал нам наши... — Громов так разволновался, что едва не проскочил на красный свет светофора. — Наши способности?

— Сатурн сказал, что ответ мы узнаем сами, — напомнила девушка.

— Сатурн, Сатурн...

Тон, которым Виктор произнёс имя, отчётливо говорил о его отношении к «очкарику», и в нём, в этом отношении, не было ничего странного, ничего такого, что Даша не разделяла бы. Раньше.

— Тебе он тоже не нравится? — небрежно осведомилась она.

— Нет, — чуть удивлённо ответил Громов.

— Но это не значит, что Сатурн не прав. — Она помолчала. — Я согласна с тем, что мы только обретаем себя. У нас всё впереди.

То, что девушка вступилась за этого надменного типа, едва не выбило Виктора из колеи.

«Что происходит?!»

Но он нашёл в себе силы вернуться к изначальной теме:

— Хорошо, пусть Сатурн прав, спорить не буду. Но тебе не кажется, что у Бранделиуса есть свои цели?

— А у тебя их нет?

— Но я не призываю никого убивать!

— Антон тоже. — Даша прищурилась. — Мы сами решили наказать подонка, изнасиловавшего Карину. Не помню, чтобы Антон на этом настаивал.

И снова — в точку. И нечего ответить, кроме постыдного лепетания, потому что права, права девушка, так всё и было: Бранделиус ни к чему не призывал. Хотел, но не успел, а заметил его желание только Виктор. Всё случилось без участия Антона Арнольдовича, и он страшно этому обрадовался. Остался чистеньким, но получил то, что хотел, — начал приучать стаю к крови.

«Нас приучают к крови!»

«Форд» остановился у подъезда, и Виктор повернулся к девушке:

— Я...

— Ты оказался слишком сильной личностью и с трудом переносишь происходящие в тебе изменения, — улыбнулась Дарья. — Ты сопротивляешься, но скоро поймёшь, что в этом нет никакой необходимости...

Она неожиданно подалась вперёд и легко, очень легко поцеловала его... Даже не поцеловала — нежно мазнула губами в губы.

И Громов тут же, словно его включили, почувствовал влечение. Не просто влечение, а бешеное, болезненно бешеное, требующее немедленной реализации желание.

— Даша... — Он потянул девушку к себе, намереваясь продолжить поцелуй и дальше, дальше... но она мягко провела рукой по его щеке, и Виктора чуть отпустило.

— Даша... — Он потянул девушку к себе, намереваясь продолжить поцелуй и дальше, дальше... но она мягко провела рукой по его щеке, и Виктора чуть отпустило.

— Не здесь. Не хочу в машине.

Она выпорхнула первой, ещё до того, как Громов заглушил двигатель, и тем заставила его не

просто торопиться, а буквально нестись следом. Когда ворвался в подъезд, её уже не было, лифт издевательски моргал цифрами этажей.

— Проклятье!

Ждать? Да ни за что! Виктор взлетел на свой этаж по лестнице, широко улыбнулся, увидев приоткрытую дверь, и ворвался в квартиру, на ходу сбрасывая ветровку. В коридоре никого, только туфли.

«Ах вот оно что...»

Следом — жакет. За ним блузка. Юбка. Чулок... А их хозяйка — в спальне. Снимает лифчик, устраивая дефиле с элементами танцевальных па. Не стриптиз, но близко, очень близко.

— Ты долго...

— Торопился как мог.

— А вот торопиться не надо.

— Ты ведь поняла, что я имел в виду.

— А ты понял, что имела в виду я?

Голова шла кругом, и это было... неожиданно.

Виктор любил Дашу, хотел её с прежней страстью, но сейчас испытывал нечто большее. Его трясло от желания, а женщина, что стояла посреди спальни, казалась эталоном Красоты.

Вожделение было невероятным. Не животная страсть, но не уступающее ей безумное желание.

— Встань на колени.

Он послушно исполнил приказ. Не потому, что был любителем ролевых игр, просто сейчас ему хотелось поступить именно так — встать перед ней на колени.

Ведь этого хотела Она...

«Боже, какие же они все простые...»

Любила ли она его сейчас?

Возможно.

Любила ли она его раньше?

Возможно.

Она испытывала к стоящему на коленях Виктору влечение, но уже не была той юной и не очень умной девочкой. Она познала суть мужчин. И этот, на полу, с вождением лозящий каждый её взгляд, был всего лишь одним из них.

— Наступает наше время, дорогой.

— Сегодня мы будем вместе!

Он её не понимал. Ну и ладно, в конце концов, непонимание удовольствию не мешает.

— Сними с меня трусики...

Он едва не взвыл от восторга.

«Самец».

Время немисливо перевернулось, и опомнился Виктор на диване — голым, сжимающим Дарью в объятиях. Через миг их плоть сомкнулась, и обоюдный сладострастный вопль пронзил жилищно-коммунальное пространство — к раздражению, гневу, злобе одних, веселью других и зависти третьих.

Виктор диву давался, не веря себе: неужто это я?! Рассудочный, сильно оцифрованный современной жизнью клерк, относящийся к сексу как к одной из опций комфорта, — сейчас он неистовствовал, жадно требовал от своей женщины страсти, и она была ответно ненасытна, они впивались рот в рот так, точно алчно рвались сгрызть друг друга. Их тела слипались с таким мучительным желанием, что оба выли и стонали, без разума и стыда, махнув рукой на то, что слышат и думают соседи. Виктор потерял счёт времени и соитиям — он вдруг обнаруживал себя сплетённым с Дарьей до боли, до хруста и не мог вспомнить, что было перед этим... Вроде бы, напрочь обессиленные, они пластом лежали рядом, а теперь вдруг оказывались связаны с новой силой, и он не мог понять, сместилось время вперёд или назад? И не помнил, чем всё кончилось: ещё провал, который по счёту... и вот уже комнату затопили робкие лучи рассвета.

Виктор проснулся резко, рывком. Поднялся с пола, на котором почему-то валялся, завёрнутый в плед, ошалело огляделся и вздрогнул, увидев вышедшую из ванной Дашу.

Красивую до невозможности, но какую-то чужую.

За эти два дня её фигура замечательно налилась и округлилась, не раздалась, нет, а набрала восхитительной женственности, уйдя от прелестной угловатости юности. Бутон, которым была его девушка, распустился в очаровательную, сводящую с ума женщину, но Виктор...

Виктор почему-то не знал, как к этому относиться.

— Пойдём в спальню, — тихо сказала Даша, взяла Громова за руку и неспешно, как пьяного, повела за собой.

А он не сказал, как собирался сказать, что ему было хорошо.

Потому что не помнил, было ли ему хорошо.

* * *

Стемнело, но он не зажигал света, лежал и смотрел в потолок, испытывая спокойное, какое-то серое равнодушие. Он убил, а потом признался в убийстве почти незнакомым людям. Он избавил мир от маленького кусочка зла, но ему нравилось то, что он делал. Он предложил убить ещё, и с ним согласились.

«Не стал ли я злом?»

«А если стал — не всё ли равно? Ведь я в любом случае истребляю зло».

Он поможет Карине отомстить и так, возможно, сделает её чуточку счастливее. Хоть немного успокоит её мятущуюся душу. Не позволит подонку продолжать измываться над нею и над другими, а другие наверняка есть. Они остановят этого подонка и прочих, подобных ему.

Но этого ли хочет Бранделиус?

«Этого».

Ответ прозвучал уверенно, коротко и ясно.

Никаких сомнений.

Бранделиус знает, что нужно делать.

А то, чего хочет Бранделиус, — хочет и он.

Тут Рыжий мысленно запнулся, потому что слишком уж подавленно, верноподданно прозвучала последняя мысль: желания Бранделиуса — его желания. Так? И по общему ощущению то, которое «глобальное», которое стоит на аксиомах вроде «солнце всходит на востоке», получалось, что да: желания Бранделиуса — и его желания. В этом не было никаких сомнений, если бы... Если бы не малюсенький, почти незаметный червячок в глубине души.

Тот самый, который заставил запнуться.

Герман поморщился, встал и прошёлся по комнате. Голова не то чтобы болела, но была тяжёлая, мутная, хотелось подставить её под струю прохладной воды, размыть эту муть, смыть тяжесть...

Герман побрёл в ванную.

Включил свет, мельком глянул в зеркало и... И застыл.

В первый миг он оторопел, как будто память отшибло. Или лучше сказать, потерял себя секунд на пять-семь, точно исчез из мира. А потом вернулся.

Он бросился к зеркалу, веря и не веря, потому что там, за стеклом, стоял иной Герман.

Сильный. И чуточку безумный.

Готовый на всё.

Жестокий.

«Воин света!»

Из зеркала на Германа смотрел тот самый воин, который рвал на части призрачных тварей и птеродактилей. Рыцарь без страха и упрёка. И без жалости.

Из зеркала на Германа смотрел новый он.

И ему, новому, очень не нравилась мысль, что кто-то принимает за него решения.

* * *

Той ночью Бранделиус заснул лишь на час, и то благодаря магическим снадобьям. Вдохнул «Пыльцу Морфея» и провалился в сон без сновидений, отрешившись от тягостных, порой панических размышлений.

От желания всё бросить и уехать.

Или сдаться Великим Домам, принеся им на блюдечке таинственное изобретение Парацельса. Да к тому же активизированное.

«Вы за ним охотились? Получайте!»

Он совершил преступление — запустил опасный эксперимент с непредсказуемым финалом, не позаботившись как следует о сохранении режима секретности, но знал, что прагматичные нелюди закроют на это глаза, заполучив в свои руки столь серьёзный артефакт.

Нет, они, разумеется, на него надавят, начнут запугивать, но в конце концов заплатят и позволят довести эксперимент до конца — раз уж он начался.

С обитателями Тайного Города можно договориться, но Бранделиус не хотел этого. Не потому, что был патриотом семьи Чел — боже упаси! — просто Перстень Парацельса обещал невиданную власть, и устоять против такого соблазна маленький человек не мог.

Какие деньги могут заменить упоение абсолютным владением людьми? Понимание того, что ты играешь их судьбами? Их жизнями?

Антон Арнольдович до колик боялся Великих Домов, но упрямо шёл на риск, желая оставить артефакт у себя. И сполна насладиться его возможностями.

Утро принесло успокоение.

Аппетита не было, но кофе Бранделиус выпил с удовольствием, даже дважды, а потом задумался над тем, как противостоять заявившемуся в Уфу эрлийцу.

Ответ был очевиден: с помощью рабов.

Но готовы ли они?

Нет, не так. Готовность как владение силой — это одно. И совсем другое — готовность не задумываясь исполнить любой его приказ. Готовность убить не из мести, не в качестве наказания, а просто потому, что так приказал Бранделиус. Их бог и повелитель.

— Насколько сильна психологическая привязка? — пробормотал он, наливая себе третью чашку кофе. — Насколько вы готовы мне служить?

Точный ответ на этот вопрос можно было получить лишь опытным путем, и Антон Арнольдович, чуть поколебавшись, набрал номер:

— Алло!

— Я слушаю.

— Срочно приезжай ко мне, — безапелляционно приказал бог и повелитель.

— Но...

— Никаких «но». Жду через час!

И бросил трубку.

Время пошло.

* * *

Она открыла глаза и поняла, что совершенно не хочет спать, несмотря на то что безумный секс длился до четырёх утра и, казалось, должен был полностью её опустошить. С Виктором, собственно, так и получилось: к трём он начал терять силы, к четырём напоминал выжатый лимон и сейчас лежал бревно бревном, и если бы не сиплое дыхание, то больше напоминал мёртвого, чем спящего.

— Никаких «но». Жду через час!

И бросил трубку.

Время пошло.

* * *

Она открыла глаза и поняла, что совершенно не хочет спать, несмотря на то что безумный секс длился до четырёх утра и, казалось, должен был полностью её опустошить. С Виктором, собственно, так и получилось: к трём он начал терять силы, к четырём напоминал выжатый лимон и сейчас лежал бревно бревном, и если бы не сиплое дыхание, то больше напоминал мёртвого, чем спящего.

А вот Даше хватило для полноценного отдыха всего лишь трёх часов.

«Интересная у меня способность вырисовывается...»

Девушка посмотрела на Громова, на мгновение мелькнула мысль: «Разбудить?» Но в следующий миг поняла, что бесполезно: в отличие от неё Виктор вырубился основательно.

«Но ты старался...»

Старался изо всех сил, подстёгнутый прикосновением её силы — без этого допинга, заставившего Громова безумно желать секса, их марафон не продлился бы и двух часов. А так у них получилась неплохая ночка, и, в общем, друг не подвёл.

Но в глубине души Даша чувствовала, что могло быть и лучше. Немного, но лучше. Хотя бы тем, что не так, как с Виктором.

«Я становлюсь шлюхой?»

«Почему? Я ему не жена и ничем не обязана. Мы свободные люди...»

Девушка прошла в ванную и остановилась, с удовольствием разглядывая своё отражение в зеркале. Показалось или нет, но разбуженная Бранделиусом сила меняла её не только внутри, но и снаружи: грудь стала тяжелее, аппетитнее; чуть округлились бёдра; изящно налились плечи... А вот лишние морщинки, напротив, исчезли, разгладились, и это обстоятельство, а может быть, и не только оно, зажгло в глазах девушки яркий огонь.

На который летели все попадающиеся на пути мотыльки.

— Ты была восхитительна, — сообщил вошедший в ванную Виктор.

И поцеловал девушку в шею.

— А ты — неистов, — улыбнулась Даша, продолжая любоваться собой.

Она знала, что раньше — раньше — он всегда понимал, когда она лжёт, а когда говорит правду. А сейчас принял её слова за чистую монету.

— Тебе понравилось?

— Да. — Она прикоснулась пальцем к соску, почувствовала, как он затвердел, улыбнулась снова. — Очень.

И вышла из ванной, не дожидаясь продолжения разговора.

Виктор выглядел как обычно... Да! Именно в этом и заключалась проблема: он выглядел как обычно! Не изменился. Не стал другим. Возможно, всё ещё впереди, но пока он оставался чудовищно обыкновенным, совершенно таким, как был раньше.

Вот вышел из ванной, по-прежнему сонный, растрёпанный. Ещё подтянутый, но видно, что на спортзал нужно тратить больше времени. И спрашивает такую банальность...

— Ты идёшь на работу?

— Конечно.

— Я тоже. — Зевнул. — Только душ приму... А ты?

— Я уже. — Свежая, весёлая, энергичная, она поцеловала его в щеку. — Пока.

— Угу.

Даша захлопнула за собой дверь и не стала ждать лифт — побежала по ступеням.

«Почему ты такой? Почему ты по-прежнему такой? Где твоя сила?»

Девушка не могла испытывать к Громову презрение, поэтому её неясные пока чувства напоминали жалость, но... Разве можно ощущать жалость по отношению к тому, с кем собираешься жить?

«Витя, Витя, Витя...»

А на работе — то же: обычное, обыкновенное и обыденное. Лица, голоса, слова... Всё знакомое и совершенно неяркое. Не вызывающее ни желания, ни желания желать.

Анзор Анзорович поглядывает с вожделением, но его чувства в узде, а узда — в руке Даши. Сегодня у неё нет необходимости кокетничать с шефом и уж тем более спать с ним, поэтому она делает «уздечку» холодной, даёт понять, что приближаться не следует, и Анзор Анзорович нарезает петли вокруг, как побитая собака.

«Может, соблазнить генерального?»

Их большой босс ценил исключительно блондинок в теле — все его любовницы отличались габаритами «БелАЗа», но Даша знала, что противиться её обаянию старый ловелас не сможет.

«Заставлю его побегать за мной, разведу, женю на себе...» Скучно, зато денежно.

От ленивых размышлений её отвлек телефонный звонок.

— Алло!

Голос Бранделиуса девушка узнала сразу.

— Я слушаю.

— Срочно приезжай ко мне.

«Сейчас?!» Она уже решила, что обедать будет с Анзором, в расположенном неподалёку дорогом ресторане, и потому растерялась:

— Но...

— Никаких «но». Жду через час!

Противиться приказу не было никакой возможности.

* * *

— Странное место для свидания.

— Я всегда чувствовал родство именно с ними. — Герман кивнул на льва. — С животными.

— С хищными? — уточнила Карина.

— С хищными животными в клетке, — чуть помолчав, уточнил Рыжий. — Мне всегда казалось, что у нас есть что-то общее, и теперь, после церемонии, после всего, что случилось, я понял: я был таким же. Я был зверем, запертым в клетку. Я не мог пользоваться своей силой. Я страдал... — Он испытующе посмотрел на девушку: — Тебя это смущает?

— Раньше, возможно, и смутило бы, — не стала лгать Карина. — Но мне кажется, ты напрасно говоришь «зверь». Ты — хищник: опасный, но умный и контролирующий себя.

— Спасибо, — после короткой паузы проронил Герман.

— Это не комплимент, я действительно вижу тебя таким.

Карине нравилось быть с ним рядом. Видеть его. Держать за руку — у них ведь свидание, и поэтому они шли, касаясь друг друга. А когда остановились у клетки, она сделала малюсенький шаг назад, и получилось, что девушка прижалась к нему спиной. Он не отодвинулся.

И они стояли, как влюблённые.

Но говорили о вещах совсем не романтических.

— Животные предпочитают избавляться от нездоровых особей. Не лечить. Не пытаться

оправдать «тяжёлым детством» или «родовой травмой» — они просто убивают тех, кто способен навредить стае.

— Тебе нравится убивать?

— Я делаю нужное дело, — убеждённо ответил Рыжий.

— Кажется, это моя судьба — связываться с неправильными парнями, — притворно вздохнула девушка.

Герман понял шутку и поддержал:

— Всё не так плохо, как кажется.

— Мне стало легче.

— Я вижу.

И он сделал то, о чём Карина мечтала: свёл руки на её груди, заключив девушку в объятия. Жест получился мягким, плавным и очень естественным. И очень нужным именно сейчас.

— Ты не против?

— Нет...

«Если умереть, то вот так: рядом с тобой!»

— Ты много сделала для меня вчера, — продолжил Рыжий, глядя на льва. — Ребята были ошарашены моей историей, называли меня убийцей — в душе называли, но были готовы и в лицо, и если бы не ты, даже не знаю, как всё повернулось бы. Ты не позволила им сделать меня изгоем.

— Они просто не поняли тебя, нужно было помочь.

— Ты помогла...

— Им.

— Мне.

— Пусть так.

Они снова помолчали, наслаждаясь невинной близостью, а затем Карина сказала то, что считала необычайно нужным и важным:

— Я не могу не отомстить. До тех пор пока он жив, я буду нечистой и не обрету возможность жить нормальной жизнью. Даже если он просто от меня отстанет. Даже если ему на какое-то время — или навсегда — станет очень плохо. Нет. Никаких компромиссов: я хочу его убить.

— Значит, он умрёт, — размеренно ответил Герман, и девушке стало теплее.

Она улыбнулась.

Он чуть склонил голову и ткнулся носом в её волосы. Не поцеловал — именно ткнулся,

оказался совсем рядом, согрел дыханием.

— Сила сделала нас убийцами, — грустно улыбнулась Карина.

— Она подарила нам возможность.

— Сделала убийцами...

Карина не обвиняла, а просто говорила так, как есть, называла вещи своими именами.

— Убийство убийству рознь, — спокойно возразил Рыжий. — К примеру, лев, которого ты видишь перед собой, стар и тяжело болен...

— Откуда ты знаешь?

— Вижу. — Герман горестно вздохнул. — Ему больно, но никто не хочет ему помогать. Он один, ему очень плохо.

— И ты хочешь... — Карина не договорила — задохнулась. А потом заглянула льву в глаза и увидела — она могла бы поклясться, что видит! — чудовищную боль в слезящихся глазах зверя.

«Он совсем один...»

— Ты должна решить, — жёстко прошептал Рыжий.

Почему она? Почему сейчас? Почему ему это нужно? Или мне? Кому это нужно больше? Кто должен показать твёрдость?

— Убей, — едва прошепстала Карина.

— Хорошо...

Герман знал, что понят правильно: и девушкой, и зверем. Лев уже догадался, что собирается сделать стоящий напротив клетки мужчина, и гордо вскинул гривастую голову, словно в последний раз красуясь перед львицей.

Или перед жизнью.

Или перед смертью.

— Не затягивай, — попросила девушка.

— Ни в коем случае, — отозвался Рыжий.

За последние сутки он научился виртуозно обращаться со своей силой, мог превратить в смертельное оружие своё тело, а мог действовать издали, набрасывая на жертву невидимый аркан.

На сердце.

Лев глухо рыкнул.

Резко.

Гордый зверь бросил на Германа последний взгляд и медленно завалился набок.

На глазах Карины выступили слезы.

— Так было надо, — тихо произнёс Рыжий. — Он сказал мне спасибо.

* * *

Марат сам удивился желанию отомстить насильнику, ублюдку, вывихнувшему Карине жизнь. Раньше подобные истории хоть и не оставляли его равнодушным — подонки, самовыражающиеся за счёт беззащитных женщин, бесили невероятно, — но не вызвали стремления лично восстановить справедливость.

Но сейчас Марат не сомневался в выборе.

Наказать.

И это было не просто желание, а твёрдое убеждение, что именно так и надо. И что он — прав. Это было право сильного, право того, кто способен сотворить правосудие по своему разумению.

«Я имею право творить правосудие?» — спросил он себя, прогуливаясь в парке.

Спросил, потому что червячок сомнения всё ещё свербил молодого человека, мешая наслаждаться обретенной возможностью.

«Имею ли я право?»

В конце концов, откуда известно, что человек, которого они собираются убить, действительно насильник? Только со слов Карины. А что они знают о Карине? Лишь то, что она одна из них. И кем именно приходится ей тот мужчина, ведомо только самой девушке. Может, насильником. А может, и дядей, ради наследства которого она и подбивает новых друзей на страшное преступление.

«Ты не веришь Карине?»

«Почему я должен ей верить? Я ничего о ней не знаю».

Эмоции, вызванные страстным выступлением девушки, улеглись, и теперь Марат пытался обдумать происходящее хладнокровно.

«Карине нет нужды лгать. Она — как раскрытая книга, которую может прочитать даже ребёнок. Все её чувства — на лице, и ты прекрасно знаешь, что она не лгала!»

Подонки с округлым лицом существовал... Существует. И он действительно насиловал девушку. А скорее всего — многих девушек.

«И мы должны его убить!»

Мужчина пнул ногой кучу жёлтых листьев и тут же...

Едва не вскрикнул от неожиданности.

Шаг его странно замедлился, затруднился, словно музыканту приходилось преодолевать вязкое пространство, дыхание сбилось, Марат ощутил, что лицо его пылает, взгляд теряется,

не знает, куда ему смотреть, что ловить в стремительно нарастающей сложности мироздания... Он счёл за лучшее присесть на ближайшую скамейку.

Но не мысли сделали тяжёлыми ноги: как ни странно, силы оказались на исходе.

«Почему энергия закончилась так быстро?!»

Хотя нет — не так уж и быстро, если вдуматься.

Всё утро Марат тренировался в открытии порталов: он сдвинул сервант, освободив одну из стен гостиной, поставил напротив кресло и наслаждался видами, возникавшими на этом импровизированном экране.

Видами дальних островов и старинных городов, которые раньше встречались ему только на фотографиях и в кино, видами знаменитых мостов и гор, гигантских айсбергов Антарктиды и вулканов Камчатки. Он мог бы отправиться в любое из этих мест, но пока не рисковал, открывал, любовался, закрывал... Сидел некоторое время с закрытыми глазами, наслаждаясь увиденным, отдыхал и открывал снова.

Вот и растратил силы...

Марат откинулся на спинку скамейки, глубоко вздохнул, мало что замечая из окружающего и ни о чём не думая. Отдышался, убедился, что не свалится в обморок подобно слабенькой барышне, и улыбнулся: «Руку поднять не можешь, а всё туда же — справедливость восстанавливать...»

Но глупый вопрос ушёл.

Сила вернётся, а она и есть его право на правосудие.

«Я могу это сделать, а значит, я имею право это сделать!»

* * *

Сатурн чувствовал, что теряет контроль над собой.

Это раздражало, поскольку было непривычно, но в то же время манило неизведанным, дразнило, пыталось взять «на слабо» вопросом «Неужели не рискнёшь?», издевалось и выводило из себя.

«Этим» была разгорающаяся страсть к Даше. Совершенно неожиданная, непонятная, а главное — нечеловеческая.

Сатурн хотел её так, что сводило скулы.

Нечто подобное ему довелось испытать в восьмом классе, когда он, рано созревший, безнадежно влюбился в стройную десятиклассницу, обладательницу умопомрачительных ножек и задорного смеха. Тогда походы в школу стали для него настоящим испытанием: он не мог не пойти, не мог не увидеть свою мечту и не мог прикоснуться к ней, заговорить с нею...

Тогда всё закончилось исчезновением красавицы, её родители получили назначение в Москву. А Сатурн научился делать каменное лицо и сдерживаться в любых ситуациях. Ну, или почти в любых...

Будь Сатурн человеком иного склада, могла бы закрасться мысль: «А не схожу ли я с ума?» Но он был таким, каков есть, поэтому не сомневался в своём душевном здоровье. Но ситуация, тем не менее, его смущала...

«Почему она запала мне в душу? Да ещё так сильно... Может, время пришло?»

Сатурн знал, что любой мужчина, каким бы бабником он ни был, как бы легко ни менял подружек, рано или поздно встретит «её». Ту, к ногам которой бросит всё: сердце, гордость, жизнь, карьеру, деньги — всё. Сознывая, что будет несчастен, но всё равно бросит — потому что встретил «её».

В глубине души Сатурн был рад происходящему, но не ожидал, что его «накроет» здесь, на странных встречах у странного человека по имени Бранделиус.

«Чем же она так хороша?»

Безусловно, красива, безусловно, прекрасно сложена, но таких много, а если не много, то достаточно. Что делает Дашу особенной? Невидимые, но притягательные волны, направленные именно на него? Волны, с которыми он не мог ничего поделать, несмотря на свою силу.

Сила...

Только она отвлекала Сатурна от мыслей о Дарье.

Сила, природу которой Сатурн не понимал, давала ему потрясающую власть, и он охотно упражнялся с нею.

Сегодня, к примеру, Сатурн пытался определить расстояние её воздействия. Он вышел на балкон, некоторое время изучал довольно оживлённую улицу, затем выбрал объект — неспешно движущиеся в левом ряду «Жигули» — и передал их водителю образ перебегающего дорогу мальчишки. Прямо перед носом, вот здесь, слева направо... Несмотря на приличное расстояние — а до «Жигулей» было не менее двухсот ярдов, — иллюзия получилась на славу: машина резко взяла влево и лоб в лоб столкнулась с мчащимся по встречной полосе «Доджем». У водителей сотрясения, «Жигули» в хлам...

«Может, попробовать загипнотизировать Дашу? — лениво подумал Сатурн, равнодушно наблюдая за снующими по перекрытой улице полицейскими. — Но как? Заставить её видеть вместо меня Виктора?»

Мысли о неприступной красавице, сирены «Скорых» и гомон зевак рассеяли прекрасное настроение, в которое он погрузился во время «тренировки». Раздражённый, он ушёл с балкона и принялся нарезать круги по комнате.

Сила, смешанная с желанием, требовала действовать, намекала, что возможно всё и нужно рискнуть, потому что нет ничего вкуснее шампанского, полученного в результате риска, и нет ничего слаще шампанского в объятиях Даши.

И плевать на всё остальное.

«А если этот Громов обретёт силу дракона?» — ехидно поинтересовался внутренний голос.

«Плевать! Обману!»

Неведомая сила подарила ему возможность наводить невероятно реалистичные иллюзии, способные обмануть кого угодно, и молодой человек пребывал в полной уверенности, что она, эта возможность, помноженная на его хитрость, способна перевернуть мир.

Ну, или помочь ему выпутаться из любой передраги.

Сатурн схватил телефон, отыскал номер Даши и надавил на кнопку вызова.

— Я слушаю. — Она ответила то ли устало, то ли грустно, но для молодого человека это не имело никакого значения.

«Какой прекрасный голос!»

— Даша, это Сатурн.

Пауза.

Молодой человек тискает трубку мокрой от пота рукой. Сердце глухо стучит.

— Даша?

— Я видела твой взгляд, — медленно произносит девушка. Но как-то рассеянно, словно думая о чём-то своём. — Вчера.

Сатурн улыбается. Он знает, что означает её ответ, даже несмотря на то, что Даша немного невнимательна. Сердце больше не стучит — его сладко щемит.

— Пообедаем?

— Времени уже много... — Даша смотрит на часы. — Может быть, поужинаем?

— Не хочу ждать, — отрезает он. Её ответы прибавляют ему уверенности.

— Значит, пообедаем...

Сатурн едва не рычит от предвкушения.

— Куда за тобой заехать?

— Назови адрес.

* * *

Она до сих пор не понимала, что заставило её отправиться на встречу.

Почему это случилось?

Почему это вообще стало возможным?

Как?

Ей не было горько от того, что произошло. Ей было непонятно.

«Срочно приезжай ко мне!»

Антон Арнольдovich не просил и не приглашал — требовал. И она послушно бросила всё, поймала такси и помчалась в Пугачёвскую слободу, к дому, который стал её вратами в Неизведанное. К дому, в который она не собиралась сегодня приезжать. К человеку, который не вызывал у неё никаких чувств.

«Срочно приезжай ко мне!»

Антон Арнольдovich не просил и не приглашал — требовал. И она послушно бросила всё, поймала такси и помчалась в Пугачёвскую слободу, к дому, который стал её вратами в Неизведанное. К дому, в который она не собиралась сегодня приезжать. К человеку, который не вызывал у неё никаких чувств.

— Рад тебя видеть. — Бранделиус встретил девушку у дверей, помог снять лёгкий плащ, проводил в гостиную. — Вина?

— Не хочу.

— Белого? Сейчас хорошее время для белого полусладкого. — Он улыбнулся. — Ты хочешь вина?

— Пожалуй.

Даша не понимала, что заставило её так ответить, но поймала себя на мысли, что не прочь пригубить холодного полусладкого.

«Что происходит?!»

— Вот и чудно. — Он отвернулся к бару. — Кстати, можешь снять юбку, без неё тебе будет удобнее.

И снова улыбнулся, услышав за спиной шуршание одежды. А когда повернулся — вздрогнул. Знал, что увидит, но всё равно вздрогнул, потому что картина оказалась намного соблазнительнее, чем грезилось Бранделиусу.

Даша ждала его в широком кресле. Юбка на полу, жакет тоже, на девушке лишь чулки, трусики и кокетливо растёгнутая блузка, под которой угадывается лиф.

— Ты прекрасна...

Она улыбается, но он видит едва заметную пелену на её глазах и понимает, что «привязка» работает. Всё идёт по плану.

«Рабыня! — И от этого становится слаще. — Моя рабыня!»

Он садится рядом, тесно прижимаясь к прелестнице, и подаёт ей бокал. Даша делает маленький глоток холодного полусладкого, после которого жарко отвечает на долгий поцелуй. Чувствует чужие руки на своём теле, но не испытывает отвращения.

Не испытывает ничего.

Руки настойчивы, Даше становится хорошо, но... Нет. Хорошо становится телу. Её тело попадает под обаяние умелых рук и начинает отвечать их ласкам, распаяясь всё больше и больше, а чувства...

Чувств нет.

Даша не испытывает ни отвращения, ни радости от того, что Бранделиус уверенно, по-хозяйски, берёт её прямо в кресле.

Чувств нет.

Она их имитирует, поскольку знает, что он этого хочет, но и только.

«Зачем я это делаю?»

Ответа нет, так же как нет чувств.

«Хотя на самом деле с Антоном хорошо... — Даша отмечает это машинально, как будто ставит галочку во время эксперимента. — Он сильный и выносливый, наверное, потому что колдун...»

Он умелый любовник, но не вызывает никаких чувств.

«Зачем я это делаю?»

— Ты похожа на прекрасную розу, распустившуюся на грязной помойке, — говорит Бранделиус потом.

«Интересно, это комплимент?»

Даша идёт в душ, одевается, вызывает такси, покидает дом, садится в машину и называет адрес. Потом просит остановиться у небольшого магазинчика и покупает пачку сигарет. Закуривает, стоя на прохладном осеннем ветру, и в этот момент ей звонит Сатурн.

* * *

Виктор почувствовал беспокойство...

В общем-то, за время знакомства с Бранделиусом и его командой это стало привычным ощущением, но в данном случае непонятная тревога показалась особо злокачественной. Виктор дёргался и нервничал, жёсткий ритм рабочего банковского дня гнал и гнал его без передышки, и он маялся урывками, на бегу, второпях... так и не понимая причины такого настроения.

Вчерашний разговор? Решение убивать? Гнусная история Карины? Что его беспокоит?

А к середине дня вдруг кольнуло: Даша.

Он вспомнил её взгляд при расставании, отстранённость, которую принял тогда за деловую торопливость и лишь теперь осознал по-настоящему.

Даша!

И тут, как назло, позвонили «сверху» и потребовали срочную консультацию. Потом ещё одну... А отказаться нельзя, только не в ту неделю, когда решается вопрос о его назначении на высокую должность. Потом пришлось бежать в кабинет директора, чтобы лично объяснить непонятные начальству цифры. Потом они «поболтали», в смысле, шеф болтал, а Виктор поддакивал. И только через полчаса после догадки, в тот момент, когда его тревога переросла в сильнейшую тоску, Громов уединился в дальнем конце коридора и набрал телефон Дарьи.

Гудок. Другой. Третий... Четвёртый...

Виктору едва не стало плохо. Он был бледен, взгляд блуждал. Сигналы шли, шли, шли, ответа не было... Пришлось отключиться.

С невидящим взглядом побрёл обратно в свой кабинет, размышляя, где может быть девушка.

«На совещании?»

«На переговорах?»

Других причин не отзываться у Дарьи не было.

Минут через пять, уже с рабочего места, Виктор перезвонил — нет ответа.

И беспокойство обернулось предчувствием. Неясное беспокойство — неясным предчувствием чего-то плохого. Громов смотрел на тёмный экран аппарата и страшился позвонить. Он не знал, что будет делать, если вновь не услышит ответа. Он мечтал услышать голос любимой, узнать, что с ней всё в порядке.

Вызов.

Электронный голос:

— Абонент недоступен.

Виктор медленно опустил руку. Он ничего не видел, ни о чём не думал. И время текло мимо него.

Мир менялся, Громов чувствовал эти грозные изменения и понимал, что он сам должен либо меняться вместе с ним, либо пропадать.

* * *

Сатурн старался не приглашать женщин домой, здраво рассуждая, что чем меньше подруга знает, тем лучше: не будет неожиданных встреч у порога. Но сейчас пригласил. И не просто пригласил, а в нетерпении ждал гостью, бесцельно рыскал по квартире, грыз ногти, и всё в неизменных тёмных очках.

Он пытался размышлять — даже не размышлять, представить, как всё произойдёт: вот она входит, смотрит в его глаза, неясно улыбается... но и эта несложная картина не удерживалась, обрывалась, и Сатурн переживал синдром разорванных мыслей, не мог сосредоточиться; не то желания, не то какие-то смутные образы колесили в нём, он чувствовал себя как путешественник, внезапно застигнутый пыльной бурей, когда ни черта не понять — куда бежать, что делать? Он твёрдо помнил, что женщина должна прийти к нему, и это было единственной опорной точкой в его взбаламученном сознании.

Но и Дарья ехала в гости с полнейшим сумбуром в голове. Сперва она пыталась как-то думать, анализировать и прогнозировать... но потом честно плюнула и просто ехала, выкурив по дороге три сигареты. Ехала как в забытьи, не видя улиц, прохожих и дождя.

Она не понимала, зачем была у Бранделиуса, но точно знала, зачем едет к Сатурну: ей нужно поговорить. Возможно, не только поговорить — по голосу она поняла, о чём мечтает «очкарик», но ей требовался тот, кто поймёт. Или сможет объяснить, что происходит. Или

просто помолчит рядом, силясь найти выход. Или защитит.

А Виктор, как это ни печально, не мог сделать ничего из перечисленного.

Но о нём Даша подумала мельком, увидев на экране телефона пришедший от Сатурна вызов, а поговорив с «очкариком», больше не вспоминала о Громе, полностью сосредоточившись на том, что было и что предстоит.

— Привет!

— Привет.

— Я... — Он неловко протянул девушке букет красных роз. — Вот.

— Спасибо. — Она взяла букет твёрдой рукой, не обратив внимания на то, что пара шипов впиалась в ладонь. — Можно пройти?

— Конечно. — Он посторонился. — Вот...

Он не был похож ни на элегантного Антона, ни на обыденного Виктора. Он был третьим. Сам по себе. Взволнованным, как мальчишка, стесняющимся и не знающим, куда себя деть.

— Ты куришь?

— Нет.

— А курить у тебя можно?

— Да, конечно... У меня даже пепельница есть.

Сатурн сходил на кухню, принёс хрустальную пепельницу, поставил на журнальный столик рядом с расположившейся в кресле девушкой. Помялся.

— Кофе?

— Почему не шампанское?

— Хотел, — не стал скрывать Сатурн. — Но потом посмотрел на тебя и решил, что не надо.

— Что же ты во мне увидел? — усмехнулась Даша, раскуривая сигарету. — Неужели я выгляжу так, что можно сэкономить на шампанском?

— Ты выглядишь так, будто получила по голове, — тихо ответил Сатурн.

Он уже понял, что с нею что-то случилось.

— По телефону ты тоже был веселее.

— У меня были весёлые планы.

— А теперь?

— Теперь...

Он никогда не признавался в слабости, не сказал о ней и сейчас: ни о том, как подкосились у

него ноги при виде девушки; как вылетели из памяти все заготовленные слова; улетучилась уверенность, и он вспомнил себя восьмиклассника. Нет.

Об этом — ни слова.

И о желаниях своих романтических, а точнее плотских, тоже промолчал, потому что не время.

Вместо этого Сатурн уселся в соседнее кресло — спокойно, уверенно, но без всякого подтекста, просто уселся, — снял очки и посмотрел Даше в глаза:

— Рассказывай.

«Почему ты решил, что я хочу тебе что-то рассказать?»

Но так она не ответила. Покрутила резкую фразу на языке, попробовала и так и этак, выдыхая сигаретный дым, и не ответила. Наверное, потому, что на столике между ними, справа от пепельницы, лежали чёрные очки.

— У тебя когда-нибудь было ощущение, будто ты находишься под чьей-нибудь властью? — медленно спросила она. И нервно затянулась сигаретой. И продолжила, не дожидаясь ответа:

— Нет, я говорю не о начальнике отдела или владельце фирмы, который пугает тебя увольнением. Не о полицейском, или бандите, или насильнике, как это случилось с нашей Кариной, а о чём-то более... — Ещё одна затяжка. — О чём-то более глубоком. О ситуации, когда ты не можешь противиться, как будто потерял волю. Как будто и не было никогда у тебя этой воли... Тебе говорят — ты делаешь. Без сомнений и возражений.

— Что делаешь? — выдавил из себя Сатурн, не желая услышать ответ.

— Что угодно. — Молодая женщина затушила сигарету, жёстко посмотрела на собеседника и громко, отчётливо, почти по слогам, произнесла: — Сегодня утром мне позвонил Антон, велел приехать. Я не хотела, но поехала к нему без сомнений и колебаний.

У Сатурна задрожали пальцы.

— Я приехала, и он меня трахнул. Я не хотела, но не возражала. Он сказал — я разделась и отдалась ему. Вот так.

Она замолчала, глубоко вздохнула и разрыдалась.

* * *

Всё проходит — говорил в незапамятные времена мудрый царь Соломон и был прав.

Виктор даже предположить не мог, что молчание Дашиного телефона принесёт ему такую сильную боль.

Ну что тут вроде бы такого? Забыла где-то аппарат, батарейка в нём села...

Наверное...

Но он совершенно ясно сознавал, что утешает себя пустыми отговорками. Ничего она не забыла, и ни черта там не село. Дарья дисциплинированна, как сержант ВДВ, остаться без связи было для неё совершенно немыслимо, и её молчание...

Молчание.

Виктор не знал, что делать. В её офисе сказали, что Даша на переговорах и появится на работе только завтра...

«Что ещё за переговоры?»

Виктору казалось, что его сердце сдавило раскалёнными клещами.

«Где эти переговоры?» Но ведь не спросишь, не спросишь... Во-первых, не ответят. Во-вторых, будут завтра над Дарьей потешаться.

От отчаяния Громов взялся за работу, пытаясь забыться в повседневной суете, но ничего не получилось: всё валилось из рук, цифры плясали перед глазами, а на экране компьютера то и дело появлялось лицо любимой. Появлялось и исчезало, словно тающий призрак.

«Не уходи!»

Виктор вдруг ощутил, что его Даша исчезает, тает, точно разорванное беспощадным ветром облако. Удаляется, исчезает, и связывающие их тончайшие ниточки душевных нервов сейчас даже не рвались, а мягко лопались, превращая любовь в одиночество.

Это было ужасно.

Но ужаса не было.

Как будто он был готов к такому. Как будто путешествие по бескрайнему океану подарило ему огромный запас равнодушия, часть которого он сейчас использовал.

Слово «одиночество» успокоило Громова, он перестал метаться, дёргаться и набирать номер любимой. Он отрешился от всего. Тупо дождался окончания рабочего дня, доехал до дома, сжевал нехитрый ужин, сел в кресло и продолжил тупо ждать.

Ни о чём не думая. Не представляя, где и с кем она может быть сейчас.

Тупо ждать.

Так он просидел до девяти вечера, а потом телефон ожил, на экране высветился незнакомый номер, и бодрый мужской голос предложил «господину Громову» встретиться «по неотложному делу, связанному с известным вам домом в Пугачёвской слободе».

ГЛАВА 8

Приятная во всех отношениях встреча с Дашей подействовала на Бранделиуса самым что ни на есть благотворным образом: он окончательно успокоился, даже расслабился, но главное — вновь поверил в себя. Спокойное — естественное! — послушание девушки избавило москвича от сомнений и переживаний.

«У меня получилось!»

Она не возмущалась, не превозмогала себя — просто исполняла его желания, а в конце встречи даже стала проявлять инициативу, показывая, что в действительности ей необычайно

понравились эти ласки.

«Рабыня...»

Приятным бонусом к происходящему была безусловная красота Даши, становящаяся ярче с каждым днем. Бранделиус видел изменения в её фигуре и внешности, высоко оценивал их с мужской точки зрения и поймал себя на мысли, что мог бы даже увлечься молодой девушкой, мог бы — сдуру — предложить ей гораздо больше, чем просто секс. Но...

«Не рабыне же!»

Девушка сделала свой выбор — пусть и неосознанно, не зная деталей, — она прошла церемонию и изменилась. Её решением управляла Судьба, и теперь Даше суждено до конца дней служить ему, великому магу, и исполнять все его прихоти...

«Интересно, она расскажет о нашей встрече Громову?»

До сих пор Антон Арнольдович, как это часто бывает у мужчин, не задумывался о последствиях, увлечённый решением важнейшей на тот момент задачи: он проверял послушание конкретного объекта. Ему нужно было успокоиться, ему нужно было понять, всё ли идёт по плану. Задачу он решил, у него всё получилось, и теперь начали всплывать факты и детали, о которых он раньше не подумал или не обратил на них внимания.

«Виктор... Станет ли он проблемой?»

С одной стороны, не должен, потому что тоже раб. Потому что, если Виктор возмутится, то он попросту прикажет ему успокоиться, и тот успокоится. Потому что так должно быть — проверено. Но... Но Бранделиус успел заметить, что Громов ведёт себя не так, как все остальные. Более нервно. Более самостоятельно.

«Жаль, что я не уделил тебе особого внимания...»

Парацельс писал, что осечек его метод не даёт, что артефакт обязательно раскроет талант человека, и нужно лишь подождать, но теперь время стало для Антона Арнольдовича роскошью: ему сели на хвост.

«Что с тобой делать, Витя? Убрать самому или бросить кость рабам?»

У обоих вариантов были свои плюсы и минусы. Если Громов исчезнет, рабы могут насторожиться и предложить организовать поиски — всё-таки свой. Вон как вступились они за Карину! А вот если доказать им, что Виктор — не свой... Если подкинуть мысль, что он не обрёл дар или же скрывает его, вот тогда можно решить проблему руками рабов и даже не заставлять их идти на убийство — стая не любит отщепенцев.

«Да, наверное так и надо сделать...»

Но на второй вариант требуется время. Которого практически нет.

«Проклятие!»

Антон плеснул себе виски и прошёл вдоль французского окна. Дурное настроение, от которого он только что избавился, стало возвращаться.

Он потратил год, чтобы как следует замести следы, и был крепко раздосадован тем, что его

обнаружили едва ли не сразу. И Бранделиус догадывался, кто устроил ему эту подлость.

«Проклятый шаман!»

И его подручный «итальянец» Мустафа. Бранделиус не сомневался, что его сдали контрабандисты, но почему?

«От злости? Может, не следовало посылать к ним муху?»

Попытка нагнать страху действует на людей по-разному. Одни ломаются, сдаются и не рискуют выступить против, действительно принимая условия капитуляции и послушания. Другие переполняются злобой и делают всё, чтобы отомстить, логично полагая, что лучший способ избавиться от страха — ликвидировать его причину. Судя по всему, хитрый белорус относится ко второму сорту людей и не побоялся вступить в драку, а он не разобрался...

«И что делать теперь? Мстить?»

Очень хотелось порвать кругленького шамана на лоскуты, но сейчас на повестке дня другой вопрос — бегство. Эрлиец не отступит, единственный способ от него избавиться — сбежать.

«Или убить? Принять вызов и затеять схватку? В конце концов, чем я хуже белоруса?»

И только сейчас, чуть ли не через сутки после информации о появлении Петриуса, Бранделиус задумался над тем, о чём имело смысл поразмыслить с самого начала: если эрлиец всё знает, почему до сих пор сюда не заявились молчаливые ребята из Тёмного Двора? Не заявили за ним, владельцем редчайшего артефакта — Перстня Парацельса?

«Потому что, дружище, ты понял, что эксперимент начался, и хочешь дождаться результатов. Дождаться для себя, а не для Великого Дома Навь. Дождаться, обработать, возможно, что-то изменить в артефакте и войти в историю как замечательный учёный, сумевший разгадать одну из знаменитых тайн... Поэтому ты ждёшь».

Вывод приободрил.

«У меня есть время.

Немного, но есть. Можно успеть как следует подготовить рабов, провести разведку, определив, скольких убийц приволок с собой врач, и уж тогда вступать в бой...»

— Я тебя размажу, — пообещал Бранделиус. — Ты...

Поток шипящих обещаний был оборван телефонным звонком с неопределившегося номера.

«Неужели?»

Бранделиус нажал кнопку ответа:

— Да?

— Здравствуй, Сиби, — мягко произнёс эрлиец.

— Здравствуй, Петриус.

— Странно всё получилось, да?

— Рано или поздно мы должны были встретиться, — со всем доступным ему спокойствием ответил чел. — Ты искал меня с невероятным упорством.

— Странно всё получилось, да?

— Рано или поздно мы должны были встретиться, — со всем доступным ему спокойствием ответил чел. — Ты искал меня с невероятным упорством.

— Вижу, ты философски подходишь к происходящему, Сиби. Это хорошо.

— Позволь мне самому судить.

— Раньше ты не был таким дерзким, — заметил эрлиец.

— Времена изменились.

— И тебе больше нет нужды лицемерить и прикидываться моим другом.

— Я действительно был твоим другом, Петриус.

— Ты меня предал.

— Мы оба знаем, что артефакт не должен попасть в руки Великих Домов.

— Тогда почему ты не оставил его у Хранителя, Сиби? Почему похитил и активизировал? Ведь это риск: ты можешь попасться в руки Великих Домов.

— Я должен был его изучить, — чуть помолчав, ответил Бранделиус. — Это мой долг, долг учёного.

— Если ты кому-то и должен, то мне, — холодно произнёс эрлиец.

Разговор перешёл в практическую плоскость, и маг осведомился:

— Чего ты хочешь?

— Чего я хочу за что? — поинтересовался в ответ врач.

— За то, чтобы ты прекратил меня преследовать.

— Артефакт и результаты текущего эксперимента, — быстро ответил брат Петриус. И с издёвкой продолжил: — Тебе, как подлинному учёному, должно быть достаточно того, что ты его провёл. Дальше я сам.

— Хочешь продать тайну Парацельса навам?

— Не твоё дело.

— Я хочу долю. Сорок процентов.

— Забудь.

— Подумай и перезвони, — твёрдо предложил Бранделиус. Он знал, что эрлиец обязательно подумает, и это позволит выиграть дополнительные часы.

— Ты меня предал.

— Не предал. Я просто тебя опередил...

Пытливый ум. Глубокие знания истории, интерес к ней, познания в медицине, психологии, анатомии, магическом врачевании, алхимии, в сложных заклинаниях воздействия... Две совместные научные работы по теории трансформации духа.

Нужны ли ещё доказательства того, что их союз был выстроен на серьёзном фундаменте?

Оба умны, талантливы и амбициозны. Пока ещё амбициозны, поскольку возраст, увы, и у того, и у другого приближался к среднему, и времени на то, чтобы покорить наконец вершину, оставалось всё меньше и меньше. А прославиться хотели оба. И сейчас они уже не помнили, кто из них раскопал старую историю о Парацельсе. Да и не важно, кто, важно, что идея завладеть таинственным артефактом поработила и чела, и эрлийца. И отняла у них три года жизни: исследования, копания в библиотеках, путешествия, снова исследования... Жизнь средневекового мага они изучили едва ли не поминутно, прочитали и проработали все его записи, все записи о нём. Причём не только те, что хранятся в человских библиотеках и архивах, но — что гораздо важнее — все записи из хранилищ Тайного Города.

Исследования и жизнь Парацельса они буквально разложили по полочкам, определили, что им нужен знаменитый и загадочный Перстень, — и стали целенаправленно искать его. Поняли, что таинственный артефакт может быть только у Хранителя Чёрной Книги, и разработали хитроумный план, на реализацию которого ушло ещё два года. Два драгоценных года...

Но усилия были вознаграждены.

Великие Дома всегда мечтали добраться до Хранителя, а особенно — до Чёрной Книги челов, выйти с ним на связь было практически невозможно, однако Сиби проявил чудеса настойчивости и упорства, стучал во все двери, обращался ко всем, кто мог или, может быть, мог помочь ему сделать ещё один шаг или два шага, и в конце концов добился своего.

Однажды ему указали время и место встречи.

Указали в последний момент, но им хватило времени, чтобы Петриус навёл на Ларису чудов. Как было рассчитано, в поднявшейся суматохе Сиби завладел вожделенным артефактом, но к Петриусу он не приехал, рассудив, что один Перстень Парацельса на двоих не делится...

— Зачем был нужен этот разговор? — недоуменно поинтересовался хван, когда эрлиец положил трубку.

— Он знает, что мы здесь, — пожал плечами врач.

— Теперь — на сто процентов, — подтвердил Кери. — Но зачем это нам?

— Мое подтвержденное присутствие заставит Сиби ускориться и быстрее вывести челов на пик возможностей, — объяснил брат Петриус. — Это будет интересно.

— Не хотите затягивать время?

— Не хочу, — подтвердил эрлиец. — И в конце концов: вдруг разум возобладает и Сиби без боя

сдаст нам всё, что мы хотим?

— И вы его отпустите?

— Почему нет?

— Ну... — Четырёхрукий не понимал, как можно не наказать предателя, но вспомнив, что все учёные, которых он видел, были немного не от мира сего, махнул правой верхней рукой: — Впрочем, да — почему нет?

— Проследи за тем, чтобы наш друг Сиби не смазал лыжи, — попросил врач. — Вдруг его разум победит в другую сторону.

— Не смажет, — пообещал хван. — Гарантирую.

* * *

Странно, очень странно, что незнакомец позвал его именно сюда — в маленькую берёзовую рощу, затерявшуюся среди высоких домов. Туда, где всё началось...

Как он узнал? Догадался? Или получилось случайно? Или просто условился о встрече в ближайшей точке силы? А может быть, он следил за ними с самого начала?

— Не понимаете, почему именно здесь? Да ещё холодным осенним вечером?

Голос прозвучал из-за спины и — потому что неожиданно — прозвучал громом. Хотя на самом деле бесшумно подошедший... Или появившийся? Возникший? Оказавшийся? Громов не знал, какое слово подобрать. Возможно, он вообще материализовался из воздуха? Да и не важно — голос прозвучал громом, заставив Виктора вздрогнуть и резко обернуться.

— Извините, не хотел вас пугать, — рассмеялся мужчина. — Не подумал, что моё появление окажется незамеченным.

Он действительно напоминал мага или врача: худощавый, лет пятидесяти на вид, облачённый в старомодный костюм и шляпу, этот человек мог похвастаться холёным породистым лицом, правда, чуточку унылым, и благородной сединой. Он относился к тем, кто выделяется из толпы.

— Вы и похожие на вас называют такие места точками силы. — Незнакомец провёл рукой по берёзе. — А на самом деле это случайно образовавшиеся центры скопления рассеянной по планете энергии, о которой ваши учёные ещё не знают. Мы называем её магической. — Коротенькая пауза. — Что-то в этом месте притягивает её: может быть, деревья, может быть, рельеф или построенные вокруг дома, а скорее всего — сочетание этих факторов. Так и появляется «точка»...

— Это вы мне звонили?

— Нет.

— То есть? — растерялся Громов.

— Конечно, я... — Породистый вновь рассмеялся. — Кто же ещё?

— Зачем?

— Затем, чтобы вы сюда пришли.

— Зачем?

— Поговорить.

— О чём?

Незнакомца совершенно не смущал поток прямых вопросов Виктора. Казалось, он ждал их и радовался каждому следующему.

— О чём?

— О том, что вас обманывают.

— Не вижу на вас шапочки из фольги, — прищурился Громов.

— Позвольте представиться: Петровский Кузьма Георгиевич. — Породистый церемонно приподнял шляпу. — Прибыл из Москвы, проживаю в «Хилтоне».

— Зачем мне это знать?

— Затем, что вы можете в любой момент проверить мои слова, — объяснил москвич. — Мне скрывать нечего.

— Что скрывать? — совершенно растерялся Громов.

Он задал кучу вопросов, получил ответы, но неожиданно понял, что ничего не узнал. То ли вопросы были неправильными, то ли с ответами не задалось.

— Какую ерунду наплёл вам Бранделиус? — хлётко поинтересовался Петровский. — Рассказал, что здесь расположен центр Великой Силы Космоса и Звёзд? — Он вновь прикоснулся к ближайшей берёзе, но на этот раз вместо улыбки на его лице появилось выражение лёгкого презрения. — Назвал вас избранными?

— А что? — попытался храбриться Громов.

— А то, дорогой Виктор, что энергии, накопленной этими дровами, не хватит даже на то, чтобы чайник вскипятить... — Петровский осёкся. — Нет, лгу, на чайник должно хватить. Но собрать эту энергию сможет лишь Белая Дама.

— Кто?

— Вы о них не знаете, — небрежно отмахнулся москвич. — Свободную энергию могут собирать только Белые Дамы, а остальным, Виктор, нужна розетка.

— В смысле?

— В прямом смысле, — отрезал Петровский. — Источник бесперебойного питания большей мощности. Именно поэтому Бранделиус устроил свои пляски не здесь, а в доме: он просто купил нужное количество энергии и...

Породистый замолчал, внимательно глядя на чела. Громов, ошарашенный напором собеседника, его уверенностью, а главное — точным знанием реалий, тоже помалкивал. Не

находил слов для продолжения.

Пауза продлилась секунд пятнадцать и была разрушена пролетевшей между мужчинами мухой. Большой, чёрной, громко жужжащей осенней мухой.

— Продолжайте, — сглотнув, попросил Виктор.

— Расскажите, что было дальше, — предложил Петровский.

— То есть вы не знаете?

— Знал бы, не пришёл, — спокойно отозвался москвич.

— Кто вы? — задал сакраментальный вопрос Громов. — Кто?

— Считайте меня детективом, — твёрдо ответил Петровский, глядя Виктору в глаза. — Я занимаюсь преступлениями в среде магов...

— Вы серьёзно?

Ответа не последовало.

— У меня имеются веские основания считать, что Бранделиус проводит в Уфе очень опасный эксперимент, — продолжил гнуть свою линию детектив. — Бранделиус подвергает людей сильнейшему магическому воздействию, чтобы...

— Разбудить нашу силу!

Петровский чуть приподнял брови, явно ожидая продолжения, понял, что за эмоциональным восклицанием ничего не последует, и качнул головой:

— Что бы ни делал с вами Бранделиус — это эксперимент с непредсказуемыми последствиями. Такие опыты запрещены, в первую очередь — из гуманных соображений, поэтому я прошу вас рассказать мне подробно обо всём, что происходит.

— Стать стукачом?

— Помочь себе и другим людям, невольно втянутым в эксперимент.

Виктор не знал, что делать. С одной стороны, он верил Петровскому и его истории: злость на Бранделиуса заставляла. Громову не нравилось то, что происходит с ними, и он чувствовал, что отдаляется от Даши, теряет её. Ему хотелось всё остановить. С другой стороны, кем он станет в глазах девушки, если предаст команду?

— А если я ничего не расскажу?

— Я уже нашёл Бранделиуса и теперь не отступлю, — веско произнёс детектив. — И мои коллеги не отступят, так что расследование завершится, даже если вы сейчас уроните мне кирпич на голову. Но не забывайте, что вы можете опровергнуть мои сомнения: если выяснится, что Бранделиус занимается законным исследованием, я просто уеду.

— Правда?

— Я ищу нарушения закона, и только. — Петровский улыбнулся. — Расскажите, что происходит? — повторил он.

И Виктор решил.

Вздыхнул, почесал кончик носа и уныло начал:

— В том-то и дело, что лично со мной не происходит ничего...

* * *

— Ты уверен, что это его колёса? — хрипло спросил барон Самбука.

— Точно, в натуре, — подтвердил Грузило. — Я ведь говорил, что номера сфотографировал.

— В память, что ли, сфотографировал, в дырявую, мля?

Сидящий за рулем Хлястик хихикнул.

— В натуре сфотографировал, на телефон. — Обиженный Грузило показал шефу экран, на котором красовалась та же «Субару», что и на парковке у многоэтажного дома. — Как бы я потом иначе нашёл её, в натуре?

— Да уж, как?

— Как?

— Что «как»?

— Ты сказал.

Несколько секунд барон мрачно смотрел на вытаращившегося помощника, после чего покачал головой и велел:

— Заткнись!

Грузило подчинился.

В отличие от Самбуки, которому довелось получить образование — в имперские времена барон кое-как закончил радиотехникум, — Грузило из школы подался в армию, из армии — в уголовники, лишними знаниями, соответственно, не оброс и применялся в качестве источника грубой ударной силы. И тот факт, что помощник умудрился отыскать пацана, сфотографировавшего незнакомый автомобиль у Цыганских дворов, а потом хоть и не сразу, но отыскал саму машину, вызвал у барона законное удивление. Он даже подумал, что Грузило поумнел, хотел спросить, не принимает ли тот чего для головы, однако последний диалог продемонстрировал бандитам старого доброго Грузило, и Самбуке полегчало.

— Мочканем его? — поинтересовался Хлястик.

— Надо бы. — Грузило с надеждой посмотрел на барона.

А тот качнул головой:

— Кого?

— Кто в «субарик» сядет.

— А откуда нам знать, что это он наших замочил?

— А кто ещё? — вытаращился Грузило.

— То есть сначала допросим? — понял Хлястик.

— Обязательно...

Самбуке вообще не нравилась эта идея — мстить за отмороженных нарков, подвизавшихся гопстопить во Дворах. Во-первых, они мешали бизнесу, распугивая потенциальных клиентов и ухудшая и без того не самую лучшую репутацию Дворов; во-вторых, они сами виноваты: когда идёшь на дело, будь готов к тому, что события пойдут не так, как тобой запланировано. В-третьих...

В общем, можно долго перечислять, почему барон не хотел мстить, но пришлось: какой-то шкет сфотографировал незнакомую тачку, опасаясь, что это может быть полицейский, и таким образом обеспечил шикарную наводку на обидчика. Которого теперь надо грохнуть для поддержания авторитета.

Полный идиотизм, зато по здешним понятиям.

— Выходит, — прошептал Хлястик.

— Похож, — добавил Грузило, вспоминая невнятные описания нескольких случайных свидетелей, видевших, как гопстопники вели терпилу за гаражи. На свою погибель...

— Поехали за ним, — велел Самбука. — Только осторожно.

Внешне рыжий не походил на супермена, но, возможно, это именно он голыми руками уложил двух грабителей, и потому торопиться с нападением не следовало.

* * *

Герман припарковался и выключил мотор. Подождал, понял, что никто из спутников не горит желанием поддерживать разговор, и негромко произнёс:

— Вроде бы прибыли.

Бранделиус посмотрел на Карину:

— Всё верно?

— Да, он живёт здесь... — Сейчас, в ночи, сидя в автомобиле в компании трёх крепких, уверенных в себе мужчин, мужчин, готовых убивать... Карина неожиданно почувствовала сомнения: убивать? Её страдания — чудовищные, омерзительные, страшные — показались недостаточным поводом для казни. Ведь каким бы подонком ни был насильник, убийство — это страшный грех, который ляжет на них...

— Ты готова? — тихо спросил Антон Арнольдович.

— Не знаю, — честно ответила девушка. Заметила удивлённый взгляд Германа и хотела продолжить: — Я...

Но Бранделиус мягко перебил её:

— Неужели ты не хочешь отомстить?

И Карина вдруг поняла, что хочет.

Чувства, яркие эмоции, которые всегда бушевали в ней при мысли о насильнике, притупились, поблекли, но осталось холодное и равнодушное, словно чужое, желание убить.

— Хочу.

— Так давай это сделаем.

Они вошли в подъезд, пешком поднялись на третий этаж и остановились у двери.

— Позвонить? — зачем-то спросила Карина.

— Нет необходимости, — хмыкнул Марат.

Он улыбнулся, выставил перед собой руку, сосредоточился, разгоняя спрятанную внутри силу, и через несколько секунд дверь исчезла, сменившись круглым «окном» такого же диаметра, контуры которого состояли из мелких искрящихся молний.

— Как ты это сделал? — прошептала Карина.

— Убрал кусочек пространства.

— Тебе нужно билеты продавать, — хмыкнул Герман. — Ускоренная доставка куда угодно.

— Я подумаю...

Они прошли внутрь, и за их спинами вновь выросла железная преграда.

— Обалдеть!

— Давайте не шуметь, — попросил Бранделиус. В целях предосторожности он навёл морок, не позволяя соседям ни видеть, ни слышать происходящее, но всё равно решил призвать рабов к порядку. — Мало ли что.

— Согласна, — кивнула Карина.

Они прошли по тёмному коридору, довольно длинному, поскольку квартира была четырёхкомнатной, заглянули на кухню — никого. В первую комнату — гостиную — пусто.

— Где спальня? — прошептал Рыжий.

— Последняя дверь, — так же тихо ответила девушка.

— Давай сразу туда.

— Не спеши... — Бранделиус заглянул в следующее помещение и улыбнулся: — Мы на месте.

Человечек уснул в кресле с планшетом в руках: действительно, маленький, пухленький, с округлым лицом и неприятный даже во сне. Он, сладко причмокивая, спал, а на экране компьютера продолжали жить своей жизнью сказочные воины онлайн-игры: куда-то шли, чего-

то делали, с кем-то воевали...

И Марат неожиданно подумал, что эти прекрасно нарисованные подданные даже не поймут, что их круглолицый повелитель умер. Их бессмысленная жизнь продолжится и будет продолжаться до тех пор, пока модератор не почистит сервер от давно не обновляемых аккаунтов.

— Надо же — я тоже в неё играл, — усмехнулся Герман.

— А чего прекратил?

— Надоело.

— На что же мы тратим наше время?.. — вздохнул Бранделиус.

— Вы уверены, что сейчас нам следует обсуждать онлайн-игры? — спросила Карина. — И... почему он не просыпается?

— Он проснётся, когда я захочу, — с улыбкой объяснил Антон Арнольдович. — Точнее, когда ты захочешь.

Бранделиус дал девушке время насладиться торжеством. Или же просто подумать о том...

«Ну, и что ты чувствуешь?» — беззвучно спросила себя Карина.

Радость приближающейся мести? Злорадство? Ощущение справедливости? А что это — ощущение справедливости? Что нужно сделать, чтобы понять, что это — справедливость?

Ну да — она хочет убить Круглолицего.

Ну да — ей кажется, что так будет правильно.

Но чувств никаких не было.

И Карина неожиданно подумала, что убивает по приказу. И, не удержавшись, подняла голову и посмотрела на Бранделиуса.

— Тебе нужно больше времени? — поинтересовался тот, неправильно истолковав её взгляд.

— А сколько у нас есть?

— Столько, сколько тебе нужно. Хоть вся ночь.

Они были одеты в чёрное, стояли в сумрачной, едва освещённой слабеньким бра комнате, и напомнили Карине демонов, поднявшихся из преисподней, чтобы нанести удар. Появившихся из тени и в тени убивающих.

«Потому что ангелы парят в небе...»

— Но лучше не затягивать.

— Согласна.

Бранделиус кивнул, Герман наклонился и грубо дёрнул Круглолицего:

— Просыпайся!

— Что? — Тот с шумом подобрал слюни и непонимающе уставился на окруживших его людей. — Кто вы?

— Добро пожаловать в ад!

— Мама!

Возможно, ему показалось, что он спит. Что видит кошмар. Реалистичный, чудовищно реалистичный кошмар, ибо как ещё можно объяснить, что земля под ним неожиданно разверзлась, и кресло исчезло, и он — нормальный взрослый человек и даже научный работник — провалился в густые заросли кактусов, каждая колючка которых, как ему показалось, уже давно мечтала вонзиться в его несчастное тело.

— Не слишком ли просто? — поинтересовался Антон Арнольдович, с интересом глядя в не закрытое Маратом «окно».

— Это только начало, — пообещал Герман.

Круглолицый наконец понял, что нельзя делать резких движений, замер, не шевелясь и таким образом избегая болезненного общения с колючками, а в следующий миг провалился в новую реальность.

— К-К-Карина?

Для их встречи Марат подобрал железнодорожный тоннель, слабо освещённый тусклым фонарём, — прекрасное и в меру страшное место.

— К-Карина? — Обречённый протянул к ней исцарапанную, даже исполосованную, окровавленную руку. — Помоги...

Ударить? Фу! Девушка брезгливо поморщилась. Бить этого слизняка? Увольте.

И она просто толкнула Круглолицего в грудь. Он споткнулся о рельсу и упал. Судя по воплю — болезненно.

— Ты испортил мне жизнь, — с тихой злобой произнесла Карина. — Ты почти заставил меня стать самоубийцей.

Личная встреча помогла — чувства вернулись, и девушку захлестнула волна ненависти.

— Ты мучил меня, но всё меняется. Настало твоё время жить в ужасе, слизняк!

Последние её слова утонули в паровозном гудке.

А тёмное пространство тоннеля осветил луч прожектора.

— Карина! — истошно завизжал лежащий на рельсах толстячок. — Спаси!

— Смотри на свою смерть, гадина! — Девушка подскочила к нему, присела, надавила коленом на хребет, не позволяя подняться, но дернула за волосы, заставляя смотреть на приближающийся локомотив. — Смотри!

— Нет!

— Он едет за тобой!

Паровоз издал ещё один гудок.

— Нет!!

— Тебя, ещё живого, потащит по шпалам, и ты будешь мечтать, мечтать о смерти!

— Нет!!!

Марат выдернул их за мгновение до удара. Вернул в сумрачный кабинет, причём рассчитал настолько точно, что Карина оказалась в углу, где её тут же взял за руку Бранделиус, а Круглолицый — в кресле.

— Кажется, он обгадился, — усмехнулся Антон.

— Слабак, — процедил Марат.

А Герман подошёл ко всхлипывающему насильнику, чуть наклонился, посмотрел в маленькие глазки и негромко произнёс:

— Лучше тебе было попасть под поезд...

И от многообещающего взгляда Рыжего внутри у Круглолицего стало холодно-холодно... Куда там Антарктиде...

— Какая грязь! — с чувством произнёс Бранделиус. Содержимое компьютера Круглолицего вызвало отвращение даже у него — у него! — видевого гораздо больше, чем его «подопечные». — Дерьмо!

— Я хочу посмотреть! — Карина сделала шаг вперёд, но Антон Арнольдович отвернул монитор, а Герман удержал её за руку.

— Нет!

— Нет!

— Пожалуйста, не надо, — продолжил Бранделиус, увидев, что девушка остановилась.

— Согласен, — добавил Рыжий. — Не стоит.

Карина медленно оглядела мужчин, по выражению их лиц поняла, что они будут стоять до конца, и согласилась:

— Хорошо. — Отступила, показывая, что полностью подчинилась, и спросила: — Сколько там нас?

— Несколько, — ответил Бранделиус, закрывая папку. — Не важно.

— Сколько?

— Пять.

Ещё пять девушек, попавших под власть слизняка! Карина задохнулась от ярости. И горечи.

— Материалы только здесь? — уточнил Герман.

— Да, — кивнул Антон Арнольдович. — Я проверил планшет и телефон, они чисты, а других гаджетов или съёмных дисков в квартире нет.

— Уверен?

— Сто сорок шесть процентов, — улыбнулся Бранделиус. — Вся информация о Карине я уже удалил...

— Разве её нельзя восстановить? — тут же спросила девушка.

— После меня — нельзя, — жёстко ответил маг, и все поняли, что спорить не нужно. — Осталось решить, что делать с остальными файлами?

— Стереть! — отчеканила Карина.

— Но тогда его могут счесть несчастной жертвой нападения, — тихо произнёс Марат, прежде чем ей успел возразить Бранделиус. — Никто не узнает, какой сволочью он был.

— Да, — выдохнул Антон Арнольдович.

— Стереть! — повторила девушка. — Навсегда. И пусть его считают кем угодно: найдутся люди, которые плюнут на его могилу и порадуются, а не ужаснутся тому, как он умер. Найдутся.

— Аминь, — добавил Герман.

Марат вздрогнул.

Он не смог досмотреть экзекуцию, ушёл. Собственно, все ушли, оставив Круглолицего наедине с безумной яростью Рыжего, а их добрый наставник сделал так, что они ничего не слышали.

Но потом музыкант украдкой заглянул в ту комнату, но тут же закрыл глаза и сбежал. И понял, что сегодня сможет уснуть только со снотворным.

— Стираем — значит стираем. — Бранделиус нажал на несколько кнопок, затем провёл над системным блоком рукой и громко произнёс: — Сделано!

Вся информация о несчастных жертвах удалена, их никто не найдёт и не побеспокоит, не опозорит... а Круглолицего продолжают считать хорошим.

— Вы отомщены, — прошептала Карина. — Мы отомщены...

Они с Германом вышли из подъезда первыми — Антон и Марат остались имитировать нападение, — но в машину не сели, остались стоять рядом, среди почти оголившихся кустов.

— Извини... — Рыжий взял девушку за руку. — Тебе могло показаться, что я перестарался, но я... я очень разозлился. Извини.

Прикосновение заставило Карину отвлечься от грустных мыслей. И вспомнить кое-что важное.

— Я ведь почти отказалась от мести, — сказала она, пряча руки в карманы.

— Я видел, — кивнул Герман. — Почему передумала?

— Я как будто получила приказ требовать его смерти, — тихо ответила девушка. — Мне вдруг стало абсолютно всё равно... То есть совсем всё равно, полное безразличие... Я ничего не хотела, не испытывала никаких эмоций, но при этом попросила вас его убить. — Она жалко улынулась. — Вот так. Я оказалась не такой сильной, как ты надеялся...

— От кого исходил приказ? — жёстко спросил Рыжий.

— Ты мне веришь? — изумилась Карина. — Это же ерунда! Чушь! Я его просто пожалела...

— От кого исходил приказ? — почти по слогам повторил Герман, и девушка поняла, что дело серьёзно.

— Мне показалось, что от Бранделиуса.

— Ага. — Рыжий кивнул.

А вот она, обрадованная возможностью отвлечься, немедленно оседлала тему:

— Ты хочешь сказать, что он управляет нами?

— Нужно набрать статистику, — коротко ответил Рыжий. — Но подозрения есть.

И замолчал, потому что из подъезда вышел Марат, за ним — Бранделиус.

— Уезжаем?

— Разумеется!

— Нас тут больше ничего не держит.

— Да, — кивнула Карина, бросив последний взгляд на тёмные окна на третьем этаже. — Всё кончено.

* * *

— И этого он тоже убил? — удивился барон Самбука.

— Ага, — мрачно подтвердил Грузило. — Дверь приоткрыта, я вошёл, а он там...

— Кто?

— Мужик какой-то.

— Один?

— Ага.

— Пуля?

— Не... — Грузило поморщился. — Ножом, наверное: дико всё порезано, и крови много. Жестоко его кончили.

По приказу барона бандит отправился на разведку сразу после того, как Рыжий и его друзья

выехали со двора. Грузило пошёл, отсутствовал минут пять, вернулся с перекошенной физиономией, плюхнулся на заднее сиденье «Мерседеса» и тихонько выругался. Самбука, понявший, что дело нечисто, велел Хлястику ехать и принимал доклад уже в пути, повернувшись с пассажирского сиденья к заднему дивану.

— Насколько жестоко?

— Не приглядывался.

— Почему?

— Мутить меня начало.

— Не приглядывался.

— Почему?

— Мутить меня начало.

Это говорило о многом, поскольку ни для каких иных дел, кроме грязных, Грузило приспособлен не был, на своём веку повидал изрядно и в обморок, подобно институтке, не падал ни разу.

— Барон, думаю, надо от них отстать, — неуверенно предложил Хлястик. — Грязно всё это, барон, надо отойти, пусть кто другой вляпается.

— Обычный человек ходит по моему городу и убивает людей, — возразил Самбука, отворачиваясь от бледного Грузило. — Я не понимаю, что происходит, но обязательно разберусь.

— Зачем? — осмелился спросить Хлястик.

— Возможно, этот чел нам пригодится, — усмехнулся барон. — Отмороженный убийца, не имеющий никакой видимой связи со мной... Да это же клад: мы можем натравить его на кого угодно и остаться вне подозрений!

Хлястик уныло вздохнул, но промолчал. А Грузило закурил и до максимума опустил оконное стекло — его до сих пор слегка мутило.

* * *

Она не чувствовала за собой никакой вины.

И не собиралась оправдываться.

И пообещала себе, что если он встретит её вопросом: «Где была?» — молча соберётся и уйдёт, оставив позади всё, что у них было. Она так решила и знала, что сделает.

Потому что сейчас она не хотела выяснять отношения.

Сейчас их было проще порвать.

Как ни странно, встреча с Сатурном действительно помогла. То ли надменный и нелюдимый

«очкарик» изменился под влиянием необыкновенной силы: заглянул в себя, поморщился и решил стать другим; то ли он просто понял положение девушки и повёл себя максимально человечно; то ли всё дело во влюблённости, которую он испытывал к Даше, — не важно. Важно то, что он позволил ей высказаться и сумел утешить в классическом, а не похабном смысле этого слова.

Сатурн говорил о чёрных полосах в жизни, о подлецах и обманщиках, о горечи обиды, о разбитых сердцах... Говорил так, словно переживал всё это сам. Говорил мягко, умолкал от любого её взгляда, от любого жеста и снова начинал, если чувствовал, что можно. И его речь плавно слилась для Даши в успокоительный рокот, принёсший облегчение её истерзанной душе.

И ещё Сатурн сказал, что тоже ощущал чувство полного подчинения Бранделиусу.

«После подзарядки... Я лежал на подушках, он говорил, и я вдруг понял, что сделаю всё, что он скажет. Всё-всё-всё. И мне будет всё равно, потому что приказ отдаст Он...»

«Ты специально это придумал, чтобы меня утешить?»

«Нет. Я молчал, поскольку думал, что один такой. Но раз это случилось... Раз он пользуется своей властью...»

«То есть у него есть над нами власть?»

Девушка с испугом посмотрела на Сатурна.

«Теперь понятно, для чего он всё это затеял...»

«Ему нужна власть над нами?»

«Ему нужны послушные рабы».

«Но что нам делать?»

«Бороться».

«Как? Если мы не в силах противиться его желаниям».

Даша скривилась, вспомнив, как бездумно отдавалась Бранделиусу. Какой послушной была в тот момент...

«Нужно поговорить с остальными!»

На этом и сошлись.

Даша, оставив розы, поехала домой, а Сатурн вышел на балкон и долго, не чувствуя осенней прохлады, смотрел на звёзды. И улыбался, понимая, что впервые за много лет побывал на настоящем свидании.

«Даша...»

— Даша? — Громов вышел из кухни.

— Да, это я, — кивнула девушка, снимая плащ.

— Будешь ужинать?

— Не хочу.

— Поела?

— Аппетита нет.

— Чай?

— С удовольствием, — подумав, согласилась девушка. Горячего ей сейчас хотелось. — Есть с мятой?

— Да.

Они расположились на кухне визави. Точно так же, как несколько дней назад, вот только ножка Даши не шалила по телу Виктора, а вместо веселья в прекрасных глазах девушки таилась грусть.

Всего несколько дней...

На столе — дымящиеся чашки. Вокруг — тишина. Неприятная тишина, которая вскоре перейдёт в совместный поход в спальню. Они лягут в кровать, и...

«Нет! Хватит!»

— Я могу рассказать тебе, где была и что делала сегодня, — произнесла Даша, глядя Виктору в глаза. — Но не думаю, что тебе понравится услышанное.

— Давай лучше я расскажу тебе о встрече, которая случилась два часа назад. — Громов не отвёл взгляд, смотрел ровно, уверенно. — Моя история тебе тоже не понравится.

— Тебе неинтересно, что со мной было? — Девушка почувствовала себя уязвлённой.

— Догадываюсь, что ничего хорошего, — печально ответил Виктор. — Но знаю, что ты в этом не виновата.

И отхлебнул чаю.

ГЛАВА 9

— А где Виктор?

— Боюсь, он не придёт, — ровно ответила Даша.

— Почему? — Бранделиус нахмурился. — Вы поссорились?

«Только этого не хватало!»

Антон Арнольдович, естественно, немедленно связал отсутствие Громова со своей вчерашней «встречей» с девушкой. Встречей, приятной во всех отношениях; встречей, которую он был не

прочь повторить: увидев красавицу, Бранделиус молниеносно вспомнил их игры и возжелал — именно возжелал, никакое другое слово не могло описать его состояние — увидеть Дашу без одежды. Прикоснуться к ней, сначала нежно — любуясь, наслаждаясь изгибами её прекрасного тела, а затем — уверенно, крепко, требовательно.

«Надо будет сказать, чтобы она задержалась после „кормления“...»

Мысли о Громе исчезли, но не так, будто их не было, а мягко истлели, сделались незначительным фоном, оттеняющим главную на сегодня задачу — вновь уединиться с Дарьей.

«Интересно, в каком она белье? В белом? Или в чёрном? Ей невероятно идёт чёрное, с кружевами, полупрозрачное...»

— Честно говоря, я не думал, что на него подействует, — негромко произнёс Герман, изучая вожделеющую девушку москвича. — Он вроде бы маг.

— А мы вроде бы, по-твоему, кто? — усмехнулся Сатурн.

— В нас тоже есть сила, — кивнул Марат.

— И мы можем использовать её против кого угодно, — добавила Карина.

— Ты что-то сказала? — повернулся к ней Бранделиус.

— Нет.

— Мне показалось. — Наставник вновь уставился на Дашу. — Может, начнём?

— Подзарядку?

— Да.

— Конечно, — улыбнулась девушка. — Мы ведь для этого и приехали.

— Прошу, прошу... — Бранделиус посторонился, пропуская гостей в дом.

Он выглядел послушным, немного приторным, но не настолько, чтобы вызывать отвращение. Подобное поведение хозяина дома было в диковинку, но его подопечные быстро ко всему привыкали.

— Ты ведь не делала этого со мной, правда? — шёпотом поинтересовался Сатурн.

— Симптомы у вас схожие, но у тебя всё естественно, — так же тихо ответила Дарья.

— Клянёшься?

— Твоей девственностью.

— Тогда я спокоен. — Он выдержал её взгляд и улыбнулся. Она ответила.

И поймала себя на мысли, что ей нравится улыбаться Сатурну. Который стал ей другом, затем — больше чем другом, но не скрывал, что хочет большего. Ей нравилось, что она в нём не ошиблась.

И ещё Даше нравилось, что перед Сатурном она не испытывала чувства стыда за вчерашнее. Перед Виктором — да, остатки их отношений требовали такого, а перед Сатурном — нет. И перед другими ребятами — нет. Она сама рассказала им всё на ночной встрече: ровно, без эмоций и подробностей, рассказала, но не устыдилась.

Потому что они — понимали. Каждый из них понял, что произошло.

А Виктор — нет...

— Проходите, располагайтесь. — Никогда ещё Бранделиус не был столь услужлив. — Я приготовлю напиток...

— Дорогой, ты не против, если Карина и Марат тебе помогут? — мягко поинтересовалась Даша.

— Конечно, нет! — рассмеялся Антон Арнольдович. — Пойдёмте, я с удовольствием расскажу, как его готовить.

— Отлично!

Троица отправилась в кабинет — именно там Бранделиус держал ингредиенты для их таинственного питья, улыбающийся Сатурн подошёл к бару и по-хозяйски плеснул себе виски, а усевшийся в кресло Герман посмотрел на Дашу:

— Кстати, а где на самом деле Виктор?

* * *

«Не из каждого полена получается Буратино!»

Боже, это сказала она! Она!

Дарья!

Полено! Буратино...

Сказала про него!

Слова ранили сильнее клинка. Резали не тело — душу, и делалось безумно больно. Непреходяще больно, потому что тело можно успокоить мазями и таблетками, а душу — только другим словом. Или временем.

Но времени прошло мало, а подходящих слов не находилось. Невидимые раны кровоточили и мешали Виктору думать, затемняя разум обидой.

«Где она сейчас? Куда отправилась? К кому?»

Узнав о детективе, Даша сразу же предложила позвонить остальным членам команды и собраться на экстренное совещание. Громов запротестовал, указывая, что сейчас самое разумное — сотрудничать с...

«С кем?» — презрительно осведомилась девушка, и Виктор не нашёл ответа.

Он поверил детективу, потому что хотел верить, но Даша стала другой — почувствовавшей

силу, — и ей требовались не только слова, но и доказательства.

И то, что случилось дальше, Громов вспоминал с некоторым стыдом: он не сдержался. Они начали препираться, всё жарче и жарче, и в какой-то момент напряжение последних дней прорвалось: сорвавшийся Виктор признался в том, что до сих пор не обрёл сверхъестественные способности и не чувствует силу. Ждал сочувствия... Ждал? Да, наверное, ждал. Хотел сочувствия, но Даша отреагировала на удивление равнодушно: «Почему молчал?»

Как ей ответить? Потому что было стыдно? Потому что боялся?

Громову на самом деле было стыдно, он действительно боялся потерять Дашу, но ответить честно — значило расписаться в собственной слабости, и раздражённый Виктор не нашёл ничего лучшего, чем грубить. Девушка не осталась в долгу, и жаркое к тому моменту препирательство едва ли не молниеносно переросло в жуткий скандал, который закончился тем, что Даша оделась и ушла.

Куда?

Она не ответила. И её телефон не отзывался.

Опомнившийся и сообразивший, что натворил, Виктор стал лихорадочно звонить девушке, надеясь извиниться, попросить прощения, упасть в ноги... Напрасно.

Едва не сошёл с ума от отчаяния, но позвонил Марат, сказал, что Герман срочно собирает всех у Сатурна. Приезжай. Назвал адрес.

Громов, естественно, поехал, но подниматься в квартиру не стал, поставил машину так, чтобы видеть подъезд, и принялся ждать. Примерно через час вышли Рыжий, Марат и Карина, уселись в «Субару» и уехали. Даши с ними не было. И ещё двадцать минут из подъезда никто не выходил, а потом свет в окне на пятом этаже погас.

И на душу Виктора опустилась тьма.

И он вспомнил ощущение полнейшего одиночества.

И понял, что это случилось — он остался один.

Неужели в этом и заключалась его удивительная сверхъестественная способность — терять то, что действительно дорого?

Неужели?

Он хотел подняться, ворваться в квартиру, но представил, как это будет выглядеть со стороны, представил — ярко представил! — в каком виде обнаружит Дашу, и не стал никуда врываться. Уехал... На половине дороги опротивел себе, назвал слизняком, трусом, кретином, развернулся через две сплошные — к счастью, не попал на глаза полицейским, — рванул обратно, но во дворе снова «сдулся», походил у подъезда и уехал. На этот раз — совсем.

Дома напился...

Нет, просто выпил стакан водки, но не подействовало, настроение было таким, что алкоголь не брал. Не раздеваясь, завалился на диван, да так и пролежал до утра, не понимая, спит или бодрствует, вздыхая то от жалости к себе, плавно перетекающей в ненависть к Даше, то от

любви к девушке, плавно перетекающей в ненависть к себе.

Он почти сошёл с ума.

Встал по будильнику, как положено, умылся, сжевал какой-то завтрак, но на работу не поехал, отделавшись СМС «Заболел!», до десяти молча сидел на кухне, словно ожидая, что Даша вот-вот выйдет и сделает себе кофе, затем собрался и поехал в центр, в «Хилтон», где остановился детектив.

Он понял, кто его враг. Кто поломал его жизнь. Кто испортил всё, абсолютно всё...

«Бранделиус!»

— Тебе придётся ответить, — пробормотал Громов, поднимаясь на лифте на нужный этаж. — Ты заплатишь...

Он не знал, как именно детектив прижмёт мага, но сейчас это было не важно. Он не был до конца откровенен на первой встрече, отделавшись от Петровского общими фразами и не рассказав самых пикантных подробностей о других подопытных, например о совершённом Германом убийстве. И ещё об одном убийстве, к которому их призвала Карина, но фактически — Антон Арнольдович, не рассказал. Однако сейчас всё поменялось: он выложит абсолютно всё, и с такими деталями, что детективу волей-неволей придётся арестовать злодея.

«И тогда всё снова станет хорошо!»

Виктор не мог объяснить, как именно неприятности Бранделиуса помогут возвращению Даши, — он хотел отомстить. Хоть кому-нибудь отомстить за пережитое унижение, за фразу «Не всякое полено способно стать Буратино!» из уст девушки, которую когда-то любил... Или сейчас любит... Хотел отомстить за собственные взгляды на тёмное окно квартиры Сатурна, взгляды сквозь слёзы. За то, что к нему не пришла сила.

«Ты во всём виноват! — заявил Громов появившемуся перед внутренним взором Бранделиусу. — Я тебя уничтожу!»

И надавил на кнопку звонка.

Дверь открылась почти сразу, как будто Петровский стоял в прихожей и просто дотянулся до ручки замка.

— Да?

— Я всё расскажу, — заявил Громов, проходя мимо опешившего детектива. — Абсолютно всё. — Остановился, увидев сидящего в кресле здоровяка, вздрогнул, но потом качнул головой: — Конечно, у вас ведь должен быть напарник!

Здоровяк хмыкнул, но спорить не стал.

— У меня должен быть? — растерянно повторил вошедший вслед за Виктором эрлиец.

— У всех детективов есть напарники.

— Поздравляю, — весело произнёс здоровяк. — Мы раскрыты.

— Ты понимаешь, что происходит?

— Нет, но дело становится чуть веселее.

— Я расскажу всё, — повторил Виктор, без разрешения усаживаясь на диван. — Бранделиуса нужно остановить.

— А почему его должны остановить именно мы? — осведомился Керо.

— Подожди! — отмахнулся брат Петриус. Он уселся рядом с Громовым и уточнил: — Скажите, пожалуйста, когда мы с вами виделись?

— Вы не помните? — насторожился Виктор. До него только сейчас стало доходить, что встреча проходит не совсем так, как представлялось: слишком уж растерянным выглядел детектив.

— Ночью мы подверглись магической атаке, — сообщил эрлиец, глядя челу в глаза. — Думали, что отбились, но, похоже, враги добрались до нашей памяти. Когда мы встречались?

— Вчера вечером.

— И я сказал, что являюсь детективом, расследующим действия Бранделиуса?

— Именно. — Громов перевёл взгляд с Петровского на здоровяка и обратно. — Неужели вы ничего не помните? Вы рассказали о Тайном Городе...

— Это был Меркель, — холодно произнёс Керо. — Этот гадёныш сдал нас.

— Съезди и узнай, зачем он это сделал, — велел брат Петриус, не отрывая взгляда от Виктора. — Нет-нет, сидите!

Громов как раз собрался подняться, но мягкая сила и повелительный, гипнотизирующий взгляд сделали своё дело: остался.

— Кончить шамана? — поинтересовался Керо.

— Напугай до икоты.

— Хорошо. — Хван поднялся. — А с этим что будем делать?

— Продолжу исследования, — пожал плечами эрлиец, с научным интересом оглядывая чела. — В конце концов, для этого я здесь...

— Вам принести хирургические инструменты?

— Если понадобятся, я сам их возьму.

Виктор похолодел.

* * *

— Он когда-нибудь спит?

— Конечно, — непонимающе отозвался Хлястик. — Я же докладывал: после ночного собрания он поехал домой со стриженной тёлкой и...

— Я пошутил, — вдохнул барон Самбука. — Пошутил.

— Он мало спит, — подтвердил Грузило. — Как будто силы откуда-то черпает.

— Наркотики? — предположил Хлястик. Чувствовалось, что они с боевиком уже обсуждали этот вопрос.

— Может быть, — согласился барон. — Не зря же он приезжал во Дворы.

— Но он ничего не купил.

— Значит, у него есть другой источник дури. — Самбука прищурился. — Например, этот фраер...

На этот раз слежка за странным рыжим убийцей привела бандитов к приличному частному дому в Пугачёвской слободе и позволила определить всю, ну, или почти всю, компанию, с которой водился владелец «Субару». Две молодые женщины — стриженная дурнушка и писаная красавица; изящный красавчик, которого грубый Грузило тут же произвёл в геи; спортивного вида пацан, явно клеящий красотку, и хозяин дома — манерный фронт.

— Красотка и качок на убийство не ездили, — припомнил Хлястик.

— А хозяина дома не было на ночной стрелке, — медленно протянул барон.

— И что всё это значит? — любопытствовал Грузило.

— Ещё не знаю.

— Но мы разберёмся?

— А куда деваться?

— И что мы с ними сделаем?

Самбука повернулся к массивному помощнику, некоторое время молча смотрел ему в глаза, а затем его же словами ответил:

— Разберёмся. А на крайняк — полицейским сдадим.

— Зачем? — изумился Хлястик.

— Затем, что это наш город. — Барон открыл окно и сплюнул. — Наш!

* * *

— По-моему, хорошо получилось, да? — спросил Бранделиус, не сводя глаз с Даши. — Мы замечательно поговорили!

— И замечательно, и очень информативно, — согласилась девушка. — Признаюсь, я открыла для себя много нового.

— Я рад.

— Я тоже.

— Ты молодец.

— Спасибо.

В действительности рассказ Антона Арнольдовича вызвал у благодарных слушателей смутную тревогу, но делиться ею с находящимся под властью женских чар москвичом никто не собирался. Новая информация была слишком серьёзной и требовала вдумчивого осмысления.

— Спасибо.

В действительности рассказ Антона Арнольдовича вызвал у благодарных слушателей смутную тревогу, но делиться ею с находящимся под властью женских чар москвичом никто не собирался. Новая информация была слишком серьёзной и требовала вдумчивого осмысления.

— Что я ещё могу для тебя сделать?

— Приготовь, пожалуйста, бутерброды и кофе, — улыбнулась девушка. — Я проголодалась.

— С удовольствием... — Бранделиус подался вперёд. — А потом...

Вопросительное движение бровями.

Наклонившись, он оказался совсем рядом, и Даша провела рукой по его щеке.

— Вечером...

— Я сгораю от нетерпения.

— Вечером...

— Договорились! — Он поцеловал девушке руку и отправился на кухню.

Послушный, словно робот... Впрочем, он таким и был.

С самого утра. Вызывая тихие, но едкие смешки у подопечных. И от них же — задумчивые, немного боязливые взгляды на девушку, обладающую столь мощной силой.

Но смешков всё же было больше.

Бранделиус сделал всё, что от него мягко потребовала Даша: показал, как смешивать колдовской напиток из спрятанных в сейфе кабинета ингредиентов, провёл церемонию подзарядки, напитав уставших избранных бодрящей силой, а затем долго рассказывал правду о себе и ещё дольше отвечал на вопросы ошарашенных слушателей.

Рассказывал о Тайном Городе — скрытом в Москве поселении нелюдей, потомков могущественных рас, некогда правивших Землёй; рассказывал о себе, о Перстне Парацельса, о своих планах его использования; рассказывал, кто приехал в Уфу и зачем. Рассказывал без утайки и экивоков, в глаза называл их рабами и улыбался.

С нескрываемым вожделием смотрел на Дашу.

Вызывал омерзение.

После разговора послушно ушёл в чулан и сидел там всё время, пока команда проводила совещание, по результатам которого было принято решение разделить: Герман, Карина и

Марат отправились к поселившемуся в «Хилтоне» нелюдю, а Даша и Сатурн остались сторожить Бранделиуса и базу, под которую пока определили этот дом. Затем девушка вызвала Антона Арнольдовича из чулана, задала ещё несколько вопросов, но уже из чистого любопытства, чтобы узнать реалии Тайного Города, а теперь отправила за бутербродами.

— Поверить не могу, что твоя сила столь велика, — покачал головой Сатурн. — Он совсем рехнулся.

— Он просто под контролем, — усмехнулась Даша.

— И ты сможешь сотворить подобное с кем угодно?

— С кем угодно... Наверное.

— И со мной? — неожиданно серьёзно спросил мужчина.

Снова спросил, несмотря на то что короткий диалог на эту тему у них уже состоялся. Видимо, очень уж сильное впечатление производил послушный наставник.

Несколько секунд девушка внимательно смотрела Сатурну в глаза — в её обществе он всегда снимал очки и стал гораздо реже носить их в коллективе, — затем мягко поинтересовалась:

— Боишься, что влюбился в меня под действием чар?

— Боюсь оказаться смешным болванчиком в твоих руках, — с улыбкой ответил мужчина. — Но если честно, мне всё равно.

— Что же тут страшного? — Она шаловливо рассмеялась, но заметив, что Сатурн нахмурился, объяснила: — Не знаю, как тебя, но меня сила научила осторожности. И тому, как хрупки бывают отношения... Я не идеальна, я чувствую, что мой характер портится, но я вижу в тебе не только сильного и привлекательного мужчину, но и союзника, вижу человека, который плывёт со мной в одной лодке, и я клянусь, что не предаю тебя и не подставляю, потому что поодиночке мы не выплывем, а плыть нам — до самой смерти. Хоть сегодня в драке, хоть через сто лет от старости — мы всё равно плывём вместе. Бранделиус связал наши судьбы, я это понимаю.

— Ты хорошо сказала, — медленно произнёс Сатурн. — И я клянусь тебе в том же: я тебя не предаю. По той же самой причине.

— Тогда поцелуй меня, крепко.

Он охотно исполнил приказ, а когда они снова оказались в разных креслах, девушка предложила:

— Давай обсудим новую информацию: как думаешь, стоит попробовать навести мосты в Тайный Город или надо бежать?

* * *

«Припугнуть? Напугать до смерти? И всё? Он серьёзно? Вообще-то от них надо избавиться, и как можно быстрее...»

Керо не был кровожаден — он был профессионалом, и для него парочка иллюминат — шаман обозначалась термином «непредсказуемая величина», которую необходимо исключить из

уравнения. Да, Меркель навёл их на Сиби, но сделал это анонимно, признался в содеянном нехотя, только под угрозой, а сейчас с какой-то целью сдал их челам. С какой? В действительности хвана не особенно волновал этот вопрос: может быть, чтобы натравить челов на Сиби, может, чтобы челов и Сиби натравить на них с эрлийцем — не важно. Важно то, что Меркель явно ведёт собственную игру, надеясь разобраться в происходящем и урвать кусок послаще, и вот этого допускать никак нельзя.

Однако миролюбивый Петриус всё ещё оставался его нанимателем, и хвану не хотелось открыто нарушать полученный приказ: сам эрлиец был слишком увлечён наукой, то есть не от мира сего, опасности не представлял, однако водил дружбу с шасами, о мерзком характере которых даже навы слагали легенды, и они запросто могли засудить наёмника за ненадлежащее исполнение контракта.

«Припугнуть... Впрочем, челы существа нежные и глупые, это все знают. Их припугиваешь, а они начинают нервничать, за сердце хвататься, умирать от его разрыва... Точно! Меркель толстый, у него сердце не выдержит! Так и скажу: „Трагично скончался от естественных причин, что стало для меня полной неожиданностью“. А Мустафа... Мустафа — типичный неадекват. Вы его видели? Обратили внимание, как нервно он себя ведёт? Когда шаману стало плохо, я бросился на помощь, и Мустафа сдуру решил, что у него появилась удобная возможность для атаки. Он попытался использовать „Эльфийскую стрелу“, но я оказался быстрее...»

Керо повернул салонное зеркало и, глядя в своё отражение, повторил:

— Он попытался использовать «Дыхание дракона», но я оказался быстрее...

Результатом остался доволен: получилось драматично, без переигрывания и весьма правдоподобно.

— В артисты, что ли, податься?

Хван остановил машину, вышел, поправил висящий на поясе нож, натянул боевой перстень с зарядом «Эльфийских стрел» третьего уровня, и неспешно направился к ДК.

«Надеюсь, ребята, вы в офисе...»

Дело виделось предельно простым.

Войти в ДК...

Керо аккуратно прошёл через старую, чуть перекошенную дверь.

Подойти к офису, обманув систему охраны...

Предварительная разведка показала, что Меркель и Мустафа поскупились на организацию магического распознавания, отдав предпочтение обычной человской видеосистеме. Да и зачем им здесь — в Уфе! — сложные колдовские схемы? С кем сражаться? Здесь они чувствовали себя спокойно. А видео... Видео Керо обошёл с помощью «Накидки пыльных дорог»: прикинулся толстой тёткой в сиреневом плаще, поскольку «Серебряные колокольчики» сообщили шаману и Мустафе, что у дверей посетитель.

Открыть дверь...

Дальше хван предполагал действовать быстро, сразу напасть на того, кто окажется ближе, чтобы не тратить время на разговоры, но...

Но уже в самом начале атаки понял, что они с Петриусом недооценили белорусскую предусмотрительность Меркеля: офис был защищён самым современным магическим контуром, в автоматическом режиме считывающим эмоции посетителей и на этом основании рассчитывающим их возможные действия. Детекторная часть контура была искусно спрятана среди «Серебряных колокольчиков», и потому ни эрлиец, ни хван её не увидели, а основная оказалась выполнена по «спящей» технологии и не отзывалась на внешнее сканирование.

А срабатывало «спящее» заклинание или артефакт всего на двадцать девять миллисекунд медленнее обычного, что в данных обстоятельствах особенной роли не играло.

Выхвативший оружие Кери успел всего лишь переступить порог и тут же оказался в густом, но прозрачном «желе», намертво сковавшем движения. Отчаянная попытка освободиться лишь ослабила защиту хвана, и хитроумно спаянный с «желе» «Навский аркан» ловко выгудил из четырёхрукого магическую энергию. После этого «желе» окончательно затвердело, и разъярённому Кери оставалось лишь яростно хлопать глазами на ошарашенных челов.

* * *

— То есть мы, получается, уроды, — тихо произнёс сидящий на заднем диване Марат. — Результат эксперимента.

Несколько секунд Герман и Карина обдумывали грустное заявление музыканта, после чего Рыжий за рулём с усмешкой покачал головой:

— Больше не чувствуешь себя особенным?

— Ты ухватил самую суть, — не стал скрывать Марат. — Мне нравилось считать себя избранным.

— Разве ты перестал им быть?

— Марата смущает, что в мире, оказывается, полным-полно настоящих колдунов, — вздохнула Карина. — Причём урождённых, в отличие от нас.

— А тебя не смущает?! — почти выкрикнул музыкант. — Тебе не нравилось быть выше всех?!

— Нет, — спокойно ответила девушка. — Мой талант не такой яркий, как твой... К тому же я скромная и...

— В тихом омуте черти водятся!

— Мы не должны ссориться, — веско произнёс Герман, и его спутники сразу же умолкли. — Нам ещё предстоит обсудить будущее, но я знаю одно: какое бы решение мы ни приняли, исполнить его мы сможем только вместе. Поддерживая друг друга. Поэтому давайте относиться друг к другу с уважением. — Он прижал «Субару» к обочине, выключил двигатель и указал на высящийся вдаль «Хилтон»: — Приехали.

— Нелюдь нам нужен живым, — напомнила Карина.

— Я знаю...

Они неспешно дошли до гостиницы, спокойно, ничуть не таясь видеокамер, поднялись на лифте на нужный этаж и отыскивали номер Петровского. Точнее, как поведал Бранделиус-Сиби, — брата Петриуса, представителя чудной и таинственной расы эрлийцев, потомственных врачей-врачевателей, подданных Тёмного Двора...

Предупреждать о себе не стали: Марат провернул точно такой же, как прошлой ночью, фокус с дверью, и они беспрепятственно прошли в номер. В недешёвый, как выяснилось, двухкомнатный номер со спальней и гостиной. И именно в ней — в гостиной — они и обнаружили хозяина.

— Ой, — не сдержалась Карина.

Эрлиец обернулся и медленно выпрямился, прищурившись глядя на посетителей.

Он оказался высоким и холёным мужчиной лет пятидесяти на вид, с породистым, но довольно унылым лицом и благородной сединой на висках. На нём была сорочка с закатанными до локтя рукавами, брюки от костюма и туфли. И ещё — плотный фартук белой кожи.

Однако восклицание девушки и короткую оторопь у мужчин вызвал не этот нелюдь, ничем неотличимый от человека, а сидящий на стуле Громов. Спина прямая, словно ему под одежду доску вставили, лицо — будто фотографируется на паспорт, только глаза закрыты... Дыхание ровное. Руки не дрожат... Вообще ничего не дрожит, не подрагивает, не дёргается, и это несмотря на то, что в голову Виктора — прямо в висок — вставлен блестящий металлический стержень, другая сторона которого входит в странного вида конструкцию на столе: блестящий металл, матовый металл, стекло, датчики... и кабель, соединяющий всё это чудо с ноутбуком.

Стержень не подходит к виску, а входит в него, входит в голову, но крови нет.

А ещё вошедшие замечают две гибкие хищные трубки с металлическими насадками, которые вонзились в грудь Громова: рубашка расстёгнута, видно, что металл глубоко вошёл в тело, но крови и там нет.

Ничего нет, кроме появляющихся на экране монитора данных.

— М-да... — бормочет брат Петриус, вытирая руки платком. — Неловко получилось...

* * *

— Ты действительно этого хотел! — поинтересовался Мустафа, медленно обходя вокруг бешено моргающего хвана.

«Желе» позволяло четырёхрукому только дышать и моргать, и всё. Он не мог произнести ни слова, но прекрасно слышал члов.

— Смотря когда... — протянул шаман, обдумывая, не сочтёт ли Кери оскорблением селфи с собой? Или так: насколько сильным оскорблением он сочтёт селфи с собой? Ну, в смысле, стоит рискнуть или лучше не надо?

— Ты понимаешь, что он собирался нас убить?

— Да.

— Ты этого добивался, когда рассказывал Громову о Петриусе?

— Не совсем, — не стал скрывать Меркель. — Я надеялся, что они начнут с выяснения отношений. Причём радикальнейшим образом.

— И что теперь? — Мустафе очень хотелось бежать: как можно быстрее и как можно дальше. Однако он понимал, что простым бегством уже ничего не поправить, и надеялся на друга, у которого всегда имелись в запасе неожиданные ходы. — Что будем делать?

— Что? Разбираться, конечно. — Авдотий решил всё же не рисковать и не оскорблять хвана больше, чем уже получилось: он убрал телефон и посмотрел на Джафарова: — Едем к Бранделиусу.

— А с этим что делать?

— Возьмём с собой. Не оставлять же его в офисе.

— Он ведь сейчас столб высотой восемь футов! — всплеснул руками иллюминат. — Он не поместится к нам в салон.

— Привяжем к багажнику, — пожал плечами Меркель. И вдруг заторопился: — Давай скорее, нельзя терять ни минуты.

* * *

— Неловко получилось?! — взревел Герман. — Неловко?!

Первую секунду потеряли обе стороны: и челы, ошарашенные видом Виктора, и брат Петриус, не ожидавший в гости подопытных Бранделиуса. Изумление овладело всеми, и поэтому никто не получил преимущества. Зато все потеряли время.

И лишь затем началась схватка.

— На!

Рыжий впал в самое настоящее бешенство, представил, что на месте Громова могла оказаться Карина, и рассвирепел не на шутку: ударил издали, попытавшись накинуть невидимую петлю на сердце нелюдя — так же как он это проделал с Баллоном, — но не преуспел: выпад оказался полностью заблокирован.

— Я немного разобрался в природе вашей магии! — рассмеялся эрлиец.

Странная энергия, которой пользовались челы, заставляла их использовать весьма своеобразную структуру арканов, способных проходить сквозь обычную защиту. Однако даже начальные исследования уже принесли результат: брат Петриус чуть изменил стандартное заклинание разрушения и с его помощью полностью рассеял смертоносную петлю Германа.

И сразу же попытался ударить «Глушилкой» — убивать «экспериментальные образцы» эрлиец не хотел, — но не успел, пропустив атаку Карины.

Воспользовавшись тем, что враг отвлёкся, девушка резко, словно ею выстрелили из рогатки, бросилась вправо, к стене, оттолкнулась от неё, набрав ещё большую скорость, и врзалась в брата Петриуса, вышибив из него сознание точным ударом ноги.

— Мы тоже немного разобрались в природе вашей магии, — пробормотал Марат, вешая на грудь поверженного врача значок с изображением акулы: артефакт «Рыбацкая сеть» надёжно

блокировал энергию внутри мага, не позволяя творить заклинания.

— Но мы были чересчур самоуверенны, — пробормотал Герман. — Дорогая, ты как?

— Всё в порядке. — Карина кивнула на Виктора: — Что будем делать с ним?

— Возьмём с собой обоих, — решил Рыжий. — В доме Бранделиуса я чувствую себя спокойнее... Там и разберёмся, что происходит.

— Хорошо. — Девушка посмотрела на Марата, тот улыбнулся и принялся строить портал.

* * *

«Какое странное ощущение...»

Дано: он любит Дашу. Безумно любит. Настолько любит, что готов сделать для неё что угодно... Да он уже сделал для неё столько, что хватило бы на десяток длительных отношений, но он ни о чём не сожалеет и готов продолжать делать... Что угодно... Ради неё...

Ему хорошо, когда ей хорошо...

И сейчас ему тоже хорошо.

Потому что она улыбается и жарко целует своего друга. Потому что откидывает назад голову, кусая губы, а потом кричит... Нет, сначала стонет, а потом кричит. В голос. Никого не стесняясь. Потому что ей нравится быть с ним, потому что ей хорошо, а значит — хорошо и ему, Антону Арнольдовичу.

Жалко, конечно, что сейчас он не на месте её друга, но Даша сказала «Вечером!», значит, надо ждать вечера и ни о чём не беспокоиться. Он любит. Он должен.

Бранделиус отошёл от двери кабинета, в котором уединились его гости — он наблюдал за ними через узенькую щёлочку, — и медленно направился на кухню: после столь горячего секса Даша наверняка захочет пить. Сделать ей чай? Белое вино? Или освежающий мохито?

Он остановился на пороге кухни, размышляя, чем порадовать любимую, и неожиданно вздрогнул: его вдруг охватило ощущение невероятной, чудовищной в своей нелепости неправильности происходящего. В том, что творилось сейчас, таилась какая-то жуткая ложь, но какая?

Что не так?

Со второго этажа донёлся громкий крик.

«Что происходит? Кто там? Я... — Бранделиус пошатнулся, потёр висок, недоуменно огляделся, и взгляд его упёрся в винный шкаф. — Пожалуй, белое вино станет наилучшим выбором для моей красавицы».

Он извлёк бутылку пьемонтского, вытащил бокалы, а затем подошёл к окну, привлечённый странными звуками из сада...

* * *

— Почему мы не поехали за рыжим? — осмелился спросить Хлястик. — Он ведь наша цель...

— И наверняка отправился кого-нибудь мочить. — Самбука зевнул. — Это становится однообразно, скучно и неинтересно.

— А что интересного здесь?

— Есть ощущение, что здесь живёт его хозяин. — Теперь барон усмехнулся. — Вспомни: рыжий ютится в панельной многоэтажке и катается на подержанной тачке. И вдруг приезжает в крутой дом... Или здесь его хозяин, или здесь их логово.

— Если манерный — хозяин, то наш рыжий, получается, бойцовский пёс?

— Которого изредка спускают с цепи...

— Ничего себе — изредка! Два дня — три труп. — Хлястик покачал головой, припоминая славные девяностые, когда такая «производительность» не считалась из ряда вон выходящей, и добавил: — И сейчас, ты сам сказал, он кого-то мочит.

— Ничего себе — изредка! Два дня — три труп. — Хлястик покачал головой, припоминая славные девяностые, когда такая «производительность» не считалась из ряда вон выходящей, и добавил: — И сейчас, ты сам сказал, он кого-то мочит.

— Но ведь раньше не мочил, — резонно ответил Самбука. — Его, наверное, привезли сюда.

— И ты хочешь знать...

— Хочу поговорить с владельцем... Может, удастся получить телефон питомника. Мне бы такая собачка пригодилась.

Грузило засопел.

— Обиделся?

Но ответить здоровяк не успел: к дому подъехал длинный тёмный универсал, кажется, «Ауди», к направляющим на крыше которого была привязана асбестовая труба семи-восьми футов.

— Сантехники, что ли?

— Или косят под сантехников, — осторожно заметил Хлястик.

— Или так, — не стал спорить барон.

И через минуту убедился в правоте водителя: вышедшие из машины мужчины, пухленький блондин и худой брюнет, не были одеты в рабочую одежду. Они открыли калитку и уверенно прошли внутрь, к главному крыльцу.

Пошли, но не дошли: буквально через три шага дорогу им заступил неизвестно откуда взявшийся крепыш в тёмной одежде и кепочке, заступил и без лишних разговоров так засветил кулаком пухлому, что даже Грузило уважительно присвистнул.

Пухлый взвыл. Бандиты с интересом припали к окнам машины.

* * *

— Идиот!

Уклонение, кулак свистит мимо...

— Не обзывайся!

Попытка набросить «Навский аркан» и выудить из голема энергию. Удар ногой в плечо. Громкий стон...

— Ты говорил, он выключен!

— Да!

Прыжок назад. Голем промахивается, но это его не смущает — тут же следует ещё один выпад.

— Откуда ты знал?!

— Кто будет включать охрану... сидя в доме? Зачем?

— Идиот!

Мустафа получает по зубам и летит к забору.

Голем Бранделиуса оказался сработанным на совесть: быстрый, крепкий и обладающий прекрасной магической защитой, сумевшей заблокировать даже «Навский аркан». Сколько защита продержится против их атак — неизвестно. Понятно, что рано или поздно она «ляжет», но пока иллюминату и шаману приходилось туго.

— Ты как? Ох...

— Заткнись! — Мустафа выплюнул на ладонь выбитый зуб и с мстительной радостью посмотрел на согнувшегося Меркеля, получившего кулаком в живот. И тут же бросился в сторону, уходя от очередного удара.

«Ну кто же знал, что этот козёл Бранделиус днём выставит голема на боевой взвод?»

* * *

— Кто это? — поинтересовалась Карина, без особого интереса разглядывая через окно дерущихся мужчин. В смысле, изучая, как невысокий и крепкий обладатель кепочки целенаправленно мутузит двух неудачников.

— Наверное, это местные маги, о которых говорил Антон, — сообщила увлечённая происходящим Даша. — Шаман и его приятель... Этот... масон.

— Иллюминат, — подсказал Сатурн.

— Под описание подходят, — закончила девушка.

— Я тоже думаю, что это они, — сухо произнесла Карина. — Я спрашивала, кто их бьёт?

— Охранный голем.

— Мы его включили, чтобы кто ненужный не пришёл, — добавил Сатурн.

- Как видишь — вовремя.
- Думаете, они не нужны?
- Мы их не приглашали.

Неприглашённым магам удалось удрать за угол, голем последовал за ними, и Сатурн с Дашей повернулись к девушке:

- Мы можем в любой момент отключить голема и поговорить с ними.
- Но они явились незваными, так что пусть их сначала побьют.
- Разговорчивее будут.

Карина махнула рукой, словно говоря «как скажете», и повернулась к дверям:

- Пойдем в гостиную. Вы должны это видеть.

Только сейчас Даша поняла, что подруга ведёт себя странно, заметно скованно, и насторожилась:

- Что случилось?
- Увидишь...

Выскочила из кабинета, торопливо спустилась на первый этаж, вбежала в гостиную и...

- Витя! — Это был почти вопль. — Витенька!

Потом, обдумывая случившееся, Дарья призналась, что не ожидала от себя таких эмоций. Фактически она навсегда распрощалась с Громовым: покинула квартиру, намереваясь лишь ненадолго заскочить за своими вещами, начала отношения с Сатурном. Громов её больше не интересовал, не вызывал никаких чувств. Не должен был вызывать, но этот ужас... Штырь в голове... Отрешённое лицо... Змеящиеся к груди трубки... Страшная машина...

Кошмарный вид человека, которого она любила, молотом ударил девушку, заставил закричать, а через несколько секунд — разозлиться.

- Кто?!

Герман молча кивнул на понурившегося эрлийца.

- Зачем?! — Она бросилась на живодёра с кулаками, и лишь в последний момент Сатурн ухитрился перехватить разъярённую девушку. — Отпусти меня! Зачем?! За что?!!

- Я исследователь, — негромко произнёс врач, потирая шею. То ли от смущения, то ли потому что она затекла, пока был без сознания.

- Скотина!

- Эту тварь надо убить! — прорычал Сатурн. Ему очень хотелось отпустить Дашу.

- Спящий свидетель, какие же вы тупые... — Герман хотел ударить наглого пленника, но

передумал, догадался, что тот не просто так сыплет оскорблениями. — Вы ведь уже знаете о существовании магии! Так почему бы вам не сообразить, что ваш приятель переживает тотальное магическое сканирование, правда, в полевых условиях. И если бы вы не ворвались в мой номер, Виктор... Его зовут Виктор?

— Да, — подтвердила Карина.

— Так вот, если бы вы не ворвались ко мне, то Виктор уже ехал бы домой, или к вам, или на работу... — Петриус цокнул языком. — В общем, ехал бы в своё удовольствие, живой, здоровый и без единой царапины...

— Ты врешь! — рявкнул Сатурн.

— Но ведь ты вернулся домой и сейчас чувствуешь себя сносно, — парировал эрлиец.

Сатурн осёкся.

— Я?

— Помнишь, тебе привиделся четырёхрукий? — Брат Петриус широко улыбнулся. — Как думаешь, где ты пробыл те часы, которые не помнишь? В моём номере, точно в таком же...

Герман взял врача за горло и так заставил умолкнуть.

— Мы — объекты исследований, — прошептал Марат. И отвернулся.

— Я сидел в таком же виде... — Сатурна едва не стошнило от бешенства. — Давайте его убьём!

— И будете иметь дело с моими друзьями, — сумел пообещать врач, поскольку Герман чуть ослабил хватку. — Но я действительно могу извлечь вашего приятеля из машины. Целого и невредимого.

— Врешь! — взвыла Даша. Судя по всему, она не очень поняла, о чём говорил пленник.

— Дайте ей успокоительного, в конце концов, — не выдержал эрлиец. И покосился на Рыжего, признав в нём самого вменяемого переговорщика: — Какой мне смысл убивать этого придурка? Вы ведь сразу же убьёте меня, так?

— Да.

— То есть я обменяю себя на это никчемное существо... Вы на самом деле думаете, что я ценю себя настолько низко?

Циничный вопрос заставил челов задуматься.

А брат Петриус бросил взгляд на экран ноутбука и... К счастью для эрлийца, первые результаты пришли ещё до появления в номере челов, подготовили его, и потому врач достаточно спокойно среагировал на появившиеся значки — в целях предосторожности брат Петриус вёл исследования исключительно на эрлийском.

«Будет весело!»

Завершившееся сканирование показало, что внутри подопытного зреет нечто неожиданное...

— Освободи Виктора, — велел Герман.

— И?

— Что «и»?

— Вы сохраните мне жизнь?

— Тебе не кажется, что ты не в том положении, чтобы диктовать условия?

— Нет, не кажется, — нахально ответил врач. — Вам рассказали о Тайном Городе? Вижу, рассказали... Вам рассказали о Тёмном Дворе? Уверен, что рассказали... Так вот: хоть я и провожу частные исследования, но если вы меня убьёте, вам придётся иметь дело с моими весьма агрессивными родственниками, которым не нравится...

— Если бы мы хотели тебя убить — давно убили бы, — угрюмо оборвал эрлийца Рыжий. — Собственно, мы с самого начала хотели просто поговорить, но это...

Герман кивнул на Виктора.

— Понимаю, — тут же поддакнул врач.

— Освободи его!

— Мне будет нужно воспользоваться магией.

— Правда?

— Да.

— У нас есть способ узнать правду... — холодно произнёс Рыжий.

Несколько секунд брат Петриус смотрел в его глаза, поверил, кивнул и продолжил:

— Ладно, ладно, ты меня поймал... — Широкая улыбка. — Машина всё сделает сама, нужно лишь ввести команду.

— Говори.

— Переключите клавиатуру на вашу раскладку... теперь вводите: «ГЕНИЙ001».

— Это ваш пароль?

— Не хуже других.

— Ладно. — Карина быстро ввела пароль. — И?

В первый момент ничего не произошло: на экране ноутбука продолжили чернеть непонятные символы, а странное переплетение стекла, нержавеющей стали и меди, которое нелюдь называл «машиной», по-прежнему цепко держало Громова.

— Он соврал!

— Вот... — прошептал Марат.

«Машина» загудела, её стёкла засверкали, словно внутри включилась лампочка... много лампочек, и присутствующие почувствовали нарастающую концентрацию магической энергии. Не той, которую они могли принять, а изначальной, непереработанной. Гудение и набор мощности продолжались примерно десять секунд. А затем трубки и штырь плавно отцепились от Виктора и спрятались в чудовищном агрегате.

— Я же говорил, что она всё сделает сама, — хихикнул брат Петриус.

Герман повернулся к нему, и в тот же миг...

Никто не понял, что случилось.

Взрыв? Просто шумный хлопок? Налетевший ветер? Землетрясение?

Машина лопнула, выделив огромное количество энергии, но не ударной, не взрывной, не раскалённую плазму — просто выплеснулась магическая энергия, заставившая челов покачнуться и на мгновение потерять ориентацию.

А ждавший этого эрлиец разбил своим телом окно и выбросился в сад.

* * *

Шок!

Энергия ударила почти материально, пронзила, не задержавшись, вызвав подкатившую к горлу муть, рванула в сторону, закружив голову, ушла... Исчезла так же быстро, как появилась, вызвав яркое сияние синего камня на пальце Бранделиуса.

Даша отправила его на кухню — надоело ловить до приторности влюблённые взгляды наставника, — поэтому никто не увидел вспышку заработавшего перстня, но все почувствовали исходящий из него поток «их» энергии. Родной. Придающей сил.

— Как хорошо...

— Ловите эрлийца!

— Как мы могли забыть?.. — Карина сделала шаг вперёд, но замерла, ойкнула. Второй раз за день она увидела Виктора и второй раз не удержала восклицания, потому что в распахнувшихся глазах Громова не было ничего, кроме языков адского пламени. — Ой!

И пропустила прямой удар.

* * *

Осколки стекла порезали лицо и руки, несколько глубоких ран, кровь, боль, но на всё это — плевать, плевать, плевать! Скорее прочь!

Брат Петриус срывает с одежды проклятую акулу, отшвыривает её, пытается сформировать портал и кривится: исследования и драка с челами отняли почти весь запас, остатков энергии не хватит даже на «Шаровую молнию», а спасительную «Дырку жизни» выгребли вместе с остальным содержимым карманов.

Остаётся одно — бежать!

«Догонят ведь...»

Но Петриус — боец, хоть и врач, на кону его жизнь, и пока есть вероятность спастись, он будет хоть бежать, хоть ползти — что угодно. Он сможет...

Спотыкаясь и проклиная всё на свете, эрлиец добрался до калитки, выскочил на улицу и замер, не веря своим глазам: машина! А на её крыше — залитый в «желе» Керо. Униженный и оттого до крайности взбешённый Керо!

«Наконец-то повезло!»

— Ты мне нужен! — завопил эрлиец, тратя последние крохи магической энергии на рассеивание удерживающих четырёхрукого арканов. — Ты...

— Я их убью! — рявкнул разъярённый хван и бросился в сад, оставив опешившего врача посреди улицы.

* * *

— Нет! — надрывается Герман. — НЕТ!

Карина тряпичной куклой отлетает к стене, позабывший обо всём Рыжий рвётся к ней, а Виктор уже разворачивается к застывшей Дарье. Внутри Громова... внутри того, кем стал сейчас Громов, всё переполнено обидой, горечью, злобой, а главное — ненавистью. Эта женщина предала, растоптала всё светлое и прекрасное, что было в нём, уничтожила... И должна быть наказана!

Ненависть не оставляет выбора, Виктор бьёт и снова...

— НЕТ!

Бранделиус закрывает девушку собой.

Он ждал, невероятно долго ждал возможности доказать свою любовь, и у него получилось: привлечённый криками, он вбегает из кухни в гостиную, и вовремя — Виктор бьёт Дашу. Его Дашу! Его!! И Бранделиус встает под удар, принимая на себя всю ненависть Громова.

— НЕТ!!

Застывшую Дарью окатывает горячей кровью. Чужой. Свежей...

Перепуганный Марат взмахивает рукой, торопливо создавая спасительный портал, и почти сразу же прыгает туда, чувствуя, как магический поток подхватывает его, чтобы унести прочь от окружающего кошмара, подальше от беды, на затерянный посреди океана остров...

Марат прыгает и едва ли не мгновенно оказывается на чарующем белом песке далёкого, залитого солнцем и радостью клочка земли. За его спиной смыкается серое окно портала. Марат улыбается, падает на колени, словно приветствуя гостеприимную землю, с удивлением смотрит на кровь, заливающую идеально белый песок. Подносит ладонь к ране в груди, пытается зажать её, но проигрывает и медленно, продолжая улыбаться, заваливается набок.

Он сбежал.

Но не спасся.

* * *

Он их просто убивал. Неспешно, но неотвратимо.

Судя по всему, Бранделиус настроил искусственного охранника на тактическое аудиоуправление, то есть голем не остановится, не получив соответствующего приказа, а приказ по каким-то причинам не поступал...

— Антон!

— Антон!

Однако вопли, которые периодически издавали то Меркель, то Мустафа, ни к чему не приводили — Бранделиус не отзывался. Избиение продолжалось, а самое ужасное, что сбежать не получалось: заклинание портала было слишком сложным и для шамана, и для иллюмината, нужных артефактов они не припасли, а воспользоваться боевыми не позволяли чудовищная скорость голема и его магическая защита: все три атакующих аркана были рассеяны накинута на куклу связкой заклинаний. Она становилась тоньше, но слишком медленно...

Удар.

— Помогите! — У Мустафы кружится голова, движения становятся всё более вялыми.

Удар.

Меркель стонет, уже не отпрыгивая, а чуть не отваливаясь в сторону, словно отработанная порода, и из последних сил кричит:

— Антон!!

— Сейчас тебе будет Антон! — обещает хван.

И внутри у шамана становится до омерзения холодно:

«Уж лучше бы голем...»

* * *

— Ты это видел?! Ты видел?! Видел?!!

— Мля...

— Твою ж...

Ошарашены? Изумлены? Поражены? Ни одно из этих определений не описывало состояние бандитов в полной мере.

— Мля...

А в каком ещё состоянии им быть после увиденного? Выскочивший из калитки мужик — пожилой, интеллигентного вида, но окровавленный, со связанными руками и в фартуке — подскочил к универсалу «сантехников», что-то крикнул, неловко взмахнул связанными руками, и на глазах изумлённых уголовников асбестовая труба превратилась в четырёхрукого здоровяка. Судя по перекошенной физиономии, изрядно чем-то недовольного.

В четырёхрукого!

Недовольного!

Здоровяк соскочил с крыши, оттолкнул связанного, сорвал с пояса нож и бросился в сад. Вдогонку ему пожилой прокричал что-то обидное.

— Мне это снится? — пролепетал Хлястик, обладающий, как выяснилось, самой слабой душевной организацией из всей компании.

— Лови его! — рявкнул барон, увидев, что связанный припустил вверх по улице. — Не дай ему уйти!

Ошарашенный Хлястик с силой надавил на акселератор, «Мерседес» пулей сорвался с места, буквально прыжком добрался до пожилого, тот резко обернулся...

А вот затормозить пребывающий в прострации Хлястик элементарно не успел. Разогнавшаяся машина тяжело ударила пожилого, отбросив далеко вперёд, и когда разгневанный Самбука подбежал к распластавшемуся на асфальте телу, то сразу понял, что опоздал...

* * *

Дышит!

И это главное — Карина дышит. Жива, хоть и без сознания. А значит, всё продолжается!

Обрадованный Герман вновь разворачивается к Виктору и шипит рассерженной змеёй. Знает, что этим предупреждает о нападении, но ярость слишком велика, поэтому шипит, предупреждает и тратит драгоценную секунду на оценку обстановки.

Громов... Хотя какой он Громов? Уже нет. Не Громов, а нечто новое, дикое, злобное, что долго вызревало внутри, а сейчас вырвалось, охваченное нестерпимым желанием убивать... Оно стоит в центре гостиной. Обида, ненависть, жажда мести за подлинные и мнимые унижения... Тёмные чувства Громова фонтанировали едва ли не сильнее, чем бьющая через край магическая энергия: всё, что Виктор накопил за сеансы подзарядки и не использовал, — всё рвануло сейчас, переполнив его бушующей силой.

Нет, не его, а сгусток беспросветной тьмы с глазами, пылающими адским пламенем.

В отличие от остальных членов команды Громов переродился не только внутри, но и снаружи. Фигура осталась антропоморфной — две руки, две ноги, голова, тело, — но плоть исчезла под клубящимся чёрным. Не спряталась, а превратилась в туман, испещрённый проблесками мелких молний, и потому фигура расплывается — её края пляшут.

Посреди гостиной стоит воплощение мрака.

Нет, не стоит — сражается и убивает.

Портал закрывается, но прежде, чем серый круг распался, в него влетела и тут же вылетела необычайно удлинившаяся рука жаждущего отомстить Виктора. Чёрной стрелой влетела, чёрной стрелой вылетела, из портала хлещет кровь, а значит, Марат погиб. И радостный вопль Громова, возвращающего руке привычный размер, тому подтверждение.

Виктор снова поворачивается к девушке.

Даша растеряна, её сила не предназначена для таких сражений, а твёрдость расчленена вместе с Бранделиусом. Запачкана его кровью. Раздавлена его предсмертным хрипом... Даша близка к панике.

— Пожалуйста...

Сатурн пытается запутать Виктора иллюзиями, строит их — это видно по жестам и выражению лица, но лишь напрасно тратит силу — загипнотизировать тьму с глазами адского пламени не получается. Но Сатурн не уходит, не убегает — нет. Он уверенно встаёт между тёмной тварью и Дашей и ждёт смерти, продолжая отчаянные попытки зачаровать врага.

Не убегает.

Следующий удар достанется ему.

И этот удар почти нанесён.

Герман кидается вперёд. Его невидимое щупальце не достигает цели, растворяется в чёрном тумане Громова, и Рыжему не остается ничего, кроме рукопашной.

Герман бьёт Виктора в бок и вместе с ним вылетает через разбитое Петриусом окно...

— Не мешай!

Голем Бранделиуса силён и быстр, но тягаться с хваном даже ему не под силу. Особенно в той схватке, которую четырёхрукий начинает, стоя сзади.

— Не мешай!

Левой верхней рукой Керо обхватывает куклу за шею, нижними за пояс — и рывком поднимает в воздух, а правой бьет ножом в грудь, туда, куда изготовитель спрятал мозг голема. Тяжёлый клинок пробивает усиленные рёбра, разрывает искусственные нервы, и потерявший управление драчун валится на землю.

— Слава богу! — с чувством восклицает Меркель.

И тут же получает пинок в живот.

— За что?!

— Убью!

Мустафа торопится укрыться в кустах, Керо делает гигантский шаг следом, взмахивает ножом...

И на него выпадает сверху нечто чёрное и рычащее.

— Ха!

Клубок тел катится по земле: Керо, Герман, Виктор, Меркель... Сплетение крови, шипения, рычания, крика и ярости — лютой, бешеной. Хван бьёт ножом, уже не разбирая, вспарывает живот Рыжего, машинально получает в ответ невидимым щупальцем, хрипит, чувствуя, как

болезненно сжимается сердце, выпускает из перстня «Эльфийскую стрелу», выпрыгнувший из окна Сатурн воет и хватается за лицо, Меркель пытается вырваться из дикого круговорота, с ужасом видит, как чернеет кожа там, где к ней прикоснулся сгусток тёмного тумана с глазами, пылающими адским пламенем, кричит, заглянув в этот дьявольский огонь, кричит от боли, Мустафа бьет чёрного какой-то палкой, хван теряет сознание, выпуская ещё одну молнию, которая с шипением умирает в чёрном. Не причиняя ему вреда...

Виктор демонически хохочет, замечает стоящую в окне Дарью и тянет, тянет к ней правую руку. Рука вытягивается, становится гибкой, как змея, и такой же страшной. Сотканная из тумана рука касается девушки, обжигая смесью злобы и холода, указательный палец превращается в острую стрелу и бьёт красавицу точно в лоб.

— Прими мой дар, любимая...

Даша валится на пол, а в следующий миг всё вокруг наполняет дикий крик.

Ярость, боль, разочарование... Но главное — боль! Вот что в крике: боль!

Громов орёт от невыносимого, нечеловеческого страдания и на глазах ошарашенных противников начинает рассыпаться, распадаться на мелкие чёрные осколки, которые подхватывает и уносит куда-то осенний ветер. На мелкие чёрные лепестки, больше походящие на пепел...

Секунда... Две... Пять... Чёрный туман, в который обратился Виктор, рассеялся, оставив лишь два пылающих глаза, а затем исчезают и они...

И лишь тогда Меркель замечает стоящую у ограды блондинку.

Замечает и теряет сознание.

ЭПИЛОГ

— Перстень Парацельса очень давно является собственностью Хранителей, и мы несём за него ответственность...

— Но почему вы не спрятали его в какое-нибудь надёжное место? Почему не убрали так, чтобы не было возможности похитить его? — перебил девушку Джафаров. — Ведь люди гибнут!

— Люди гибнут по разным причинам. — Лариса вежливо улыбнулась. — Автокатастрофы, войны...

— Вы надеетесь, что кто-нибудь сможет провести эксперимент до конца, — понял Меркель. — Вы ждёте.

— Не совсем так, — поморщилась девушка. — Я и мои предшественники, все мы в обязательном порядке пытаемся объяснить возможности Перстня, предупредить, но... — Ещё одна улыбка. — Как правило, Перстень у нас крадут. И не выслушивают до конца.

— Вот я и спрашиваю: зачем вы его показываете? — вновь подал голос Джафаров. — Зачем позволяете его красть?

— Затем, что в правильных руках он способен принести много хорошего.

— И сколько раз Перстень попадал в эти «правильные» руки?

— Ни одного.

Иллюминат покачал головой, но промолчал. Лариса вздохнула и продолжила:

— Поэтому в артефакт давным-давно встроено магическое устройство, сообщающее о местонахождении Перстня в момент активизации...

— Почему так? — снова перебил её Мустафа.

Но на этот раз за девушку ответил шаман.

— Потому что любой другой «маячок» легко обнаружить, — как маленькому, объяснил другу Меркель. — А во время активизации выделяется большое количество магической энергии...

— В потоке которой совершенно теряется сигнал, — вернула себе слово Лариса. — Отправив доклад, «маячок» снова отключается, и его невозможно определить.

— А вы приезжаете и спокойно ждёте, желая выяснить, что получится на этот раз...

Лариса их спасла. Появилась в последний момент, когда надежды практически не осталось, и расщепила обезумевшего Виктора «Тысячью бритв», совмещённой с заклинанием «Развеять по ветру» четвёртого уровня. Потом забрала тех, кто остался жив, не забыла тело хвана, не желая подкидывать судмедэкспертам повод для изумления, а журналистам — для броских заголовков, и даже, как выяснилось позже, вызвала полицию, подставив стражам порядка оказавшихся неподалёку бандитов. Что за бандиты и откуда они там взялись, Меркель и Мустафа не уточняли. Они знали, что Хранители относились к соблюдению режима секретности так же строго, как сами обитатели Тайного Города, и лишь молча посочувствовали неизвестным уголовникам, чьи отпечатки и прочие следы присутствия были обнаружены на месте массового убийства.

Молча посочувствовали, потому что использование матёрых бандитов для прикрытия подобных инцидентов давно вошло у магов в привычку, и «авторитетные» уфимцы просто оказались не в том месте и не в то время.

— Печально, однако все, кто выпрашивал Перстень Парацельса, пытались нас предать или обмануть, — мягко продолжила девушка. — Не было ни одного случая, чтобы Хранителю позволили принять полноценное участие в эксперименте или хотя бы понаблюдать за ним. — Пауза. — Всех мастеров церемонии сводила с ума близость абсолютной власти, возможность заполучить в своё распоряжение обладающих сверхестественными возможностями рабов... Никто не устоял. — Лариса вновь помолчала. — Нас обманывали, нас предавали, и поэтому никто из претендентов не узнал, что было написано на изъятой странице.

— Вы нам скажете? — поднял брови Меркель.

— «Они не слушают».

— Они не слушают? — удивился Мустафа.

— Парацельс так и не сумел победить дух человека, — объяснила Хранитель. — Он научился раскрывать его возможности, светлые или тёмные — не важно, важно, что научился. Он узнал, как рывком отправить человека на ступеньку выше, но при этом хотел превратить его в

послушного раба. Человека!

— Разве это сложно?

— Как выяснилось, — Лариса внимательно посмотрела на подавшего голос шамана, — Парацельс сделал всё, чтобы надеть оковы и связать людей с мастером церемонии. Вся структура заклинания подчинена этому, решения, которые применил Парацельс, идеальны, оковы должны работать, но... Не работают.

— Они не слушают, — задумчиво повторил Авдотий.

— Именно.

— Мы слишком свободны, — улыбнулся Мустафа. Он понял. — Парацельсу следовало определиться, кто ему нужен: раб или сильная, раскрывшаяся личность?

— Одна опция на выбор, — подтвердила Лариса.

— Подождите! — иллюминат посмотрел Хранителю в глаза. — Но если «они не слушают», если дух человеческий и желание быть свободным непобедимы, почему вы не используете Перстень? Почему не создадите армию...

— Не только в мастерах дело, — догадался Авдотий. — Да?

— Никто не выдерживал испытания сверхспособностями, — тихо ответила девушка. — Мастера начинали изводить обращённых, унижать их, считая рабами. Обращённые, в свою очередь, чувствовали себя избранными, ставшими выше обычных людей.

— Без исключений?

— Без исключений. — Лариса прикоснулась к синему камню. — Перстень дарит не силу, а соблазн.

— Хранители прерывали эксперименты, — прошептал Меркель.

— Как правило, — подтвердила девушка. — Или же обращённые убивали своего мастера.

— И что тогда? Умирали?

— Без исключений?

— Без исключений. — Лариса прикоснулась к синему камню. — Перстень дарит не силу, а соблазн.

— Хранители прерывали эксперименты, — прошептал Меркель.

— Как правило, — подтвердила девушка. — Или же обращённые убивали своего мастера.

— И что тогда? Умирали?

— Навсегда обрывали связь с артефактом, лишались возможности получать энергию, теряли сверхспособности и... — Лариса грустно улыбнулась, — кончали с собой.

— Без исключений?

— Без исключений, — подтвердила Хранитель. — Никто из них не раскрылся по-настоящему, все остались зависимыми от Перстня и не смогли пережить потерю силы.

* * *

«Я потеряла всё...»

Или освободилась от всего?

Как назвать то, что произошло? Тот факт, что из её жизни исчезло и хорошее, и плохое, оставив лишь терпкое послевкусие. Горько-сладкое, растерянное, словно сахар смешали с перцем. Странное...

Исчез страх, который нёс с собой насильник. Исчезло всё чёрное, что было в её жизни, вся мерзость...

Ушёл Герман. Появился в её судьбе тенью истинных чувств, опалил коротким, но невероятно жарким дыханием настоящей любви. Показал, что это такое — настоящая любовь...

И ушёл.

«Я потеряла всё...»

Больше не было страха. Больше не было радости. И не было силы — невиданной, непонятной, но ставшей её частью. Дарующей не превосходство, но уверенность. Поддерживающей, но не толкающей на безумства. Не стало бурлящей внутри энергии.

Всё стало серым...

«Я потеряла...»

Карина сидела на крыше своей многоэтажки. Тихонько выбралась из квартиры посреди ночи, убедившись, что родители крепко уснули, но наверх, под звёзды, поднялась не ставшим привычным способом — по балконам и деревьям, а на лифте. Потом — по узкой лестнице. Заранее раздобыв ключ от чердака.

Выбралась, уселась на край — страх высоты не вернулся — и задумалась, разглядывая лежащий под ногами город.

Который подарил ей всё.

И всё отнял.

«Неужели я настолько слаба?»

Когда-то она действительно была такой: жалкой, забитой, закомплексованной, а после — запуганной девчонкой, не знающей ни любви, ни счастья, ни надежды. Когда-то жизнь казалась унылым странствием сквозь сумрачный, переполненный жуткими тварями лес. Когда-то она была противна самой себе, но потом...

Она узнала, что такое сила.

Она узнала, что такое любовь.

Она была счастлива — не отдавая себе отчёта, не понимая, не думая о том, что все может закончиться в любой момент. Она просто была счастлива.

И наступил момент, когда всё закончилось.

Она всё потеряла.

Испугалась, оставшись одна. И снова стала себе противна...

«Я не слаба!»

Прошлая жизнь вызывала отвращение.

«Я могу! — Карина встала на край. — Я потеряла всё, кроме себя. Сила внешняя разбудила силу внутри, и мой огонь уже не погасить. Я верю. Я могу. Я стала другой, и никто на свете не отнимет меня у себя самой. Моя сила внутри. Я и есть моя сила!»

Карина развела в стороны руки, резко оттолкнулась от края крыши, словно намереваясь взлететь, через секунду поняла, что безнадежно падает, но не почувствовала страха. Он ушёл, как всё плохое и всё хорошее. Ушёл, но вместо него явилась не пустота, а уверенность.

Явилась та сила, что до сих пор таилась глубоко внутри.

Явилось нечто настоящее.

Карина улыбнулась, заложила вираж перед самой землёй и резко взмыла вверх, к звёздам, к огромному небу, достичь которого способен лишь по-настоящему свободный человек.

Карина улыбалась...